

The MONSTER MEN

by
Edgar Rice Burroughs

- [Эдгар Райс Берроуз](#)

- [I](#)
- [II](#)
- [III](#)
- [IV](#)
- [V](#)
- [VI](#)
- [VII](#)
- [VIII](#)
- [IX](#)
- [X](#)
- [XI](#)
- [XII](#)
- [XIII](#)
- [XIV](#)
- [XV](#)
- [XVI](#)
- [XVII](#)

Эдгар Райс Берроуз
Люди-монстры

I

ОТЕЦ И ДОЧЬ

Опустив последний жуткий фрагмент расчлененного, изуродованного тела в небольшой сосуд с азотной кислотой, которая должна была уничтожить следы страшных улик, достаточных, чтобы оказаться на виселице, человек безвольно упал на стул, наклонился вперед к большому письменному столу из тикового дерева, уронил голову на руки и глухо застонал.

По его лицу, изборожденному морщинами, струились капли пота, заменяя слезы, которые, дай он им волю, могли бы уменьшить сильнейшее нервное напряжение. Худощавое тело бил лихорадочный озноб, а временами сотрясали конвульсивные подергивания. Внезапно на лестнице, ведущей в его лабораторию, раздались шаги. В паническом страхе вскочив на ноги, он уставился на дверь, запертую и на ключ, и на задвижку.

И хотя он прекрасно знал, кто идет, его охватила сильнейшая тревога. Шаги приближались, затем затихли перед закрытой дверью, после чего раздался негромкий стук.

— Папочка! — послышался мелодичный девический голос.

Человек с усилием взял себя в руки, чтобы ненароком не выдать своего душевного состояния.

— Папочка! — снова позвала девушка, на сей раз с оттенком тревоги. — Да что с тобой, и чем ты там занят? Просидел взаперти в этой противной комнате целых три дня без еды и уж конечно без сна. Ты же погубишь себя своими бесконечными экспериментами.

Лицо человека смягчилось.

— Не волнуйся, дочка, — отозвался он, контролируя свой голос. — Осталось совсем немного, совсем немного, и тогда мы отправимся в долгое-долгое путешествие.

— Даю тебе время до полудня, папочка, — произнесла девушка с решимостью, отсутствовавшей в тихом ответе ее отца, — иначе взломаю дверь топором и вытащу тебя оттуда, ты понял?

Профессор Максон устало улыбнулся. Он знал, что его дочь вполне может осуществить свою угрозу.

— Хорошо, детка, к полудню я обязательно закончу, обязательно закончу. А теперь беги поиграй, будь паинькой.

Вирджиния Максон пожала округлыми плечами и безнадежно покачала головой, глядя на неприветливую, бесстрастную дверь.

— Я уже сменила наряды всем своим куклам, — нарочито плаксивым голосом крикнула она, — и наигралась в песочек. Я хочу, чтобы ты вышел и поиграл со мной.

Но профессор Максон не ответил — он вернулся к созерцанию зловещих результатов своих опытов. От неприглядности увиденного он полностью отключился от всего остального и даже не слышал, что сказала дочь.

Спускаясь вниз по лестнице, мисс Максон продолжала качать головой.

— Бедный папочка, — размышляла она про себя, — будь я тысячелетней беззубой старухой, он все равно будет считать меня маленькой девочкой.

Если вам довелось учиться в Корнеллском университете, то вы, наверное, помните профессора Артура Максона, тихого, худощавого седовласого джентльмена, который проработал несколько лет на одной из кафедр факультета естественных наук. Будучи владельцем немалого состояния, доставшегося ему по наследству, он посвятил себя преподавательской работе исключительно из желания принести посильную помощь человечеству, ибо скудное жалование профессора само по себе не могло служить каким-либо стимулом для подобного решения.

Почти неограниченные средства, которыми он располагал, позволили ему провести ряд секретных смелых экспериментов в области биологии. В результате он значительно опередил ученых своего времени, пытавшихся вслепую открыть тайну жизни, между тем как ему удалось репродуцировать химическими средствами это великое явление.

Полностью сознавая всю серьезность замечательного открытия, а также лежащую на него ответственность, он держал результаты своих опытов и даже сами опыты в строжайшей тайне не только от коллег, но и от единственной дочери, которую до недавнего времени посвящал во все свои планы и замыслы.

Теперь же, добившись долгожданного успеха, он оказался в чрезвычайно затруднительном положении, имея на руках или, точнее, в лаборатории труп как будто бы человеческого существа и не имея никакого вразумительного объяснения для далекой от научных изысканий полиции, которая вряд ли разделила бы энтузиазм ученого.

Расскажи он правду, его подняли бы на смех. Если им сказать: «То, что вы видите, не человек, а останки созданного в лаборатории химическим путем двойника человека», его либо отправят на виселицу,

либо упекут в психушку для сумасшедших преступников.

Эти мысли посетили его только сейчас, а еще совсем недавно он испытал ни с чем не сравнимое ликование. Доведя до конца последнюю фазу опытов, он наконец получил готовый результат. Перед ним находилось творение его собственных рук — живое тело, пусть несуразное и бесформенное, но без сомнения человеческое тело, в которое он вдохнул искру жизни, но, увы, слишком слабую. К безмерному отчаянию ученого, после нескольких отрывистых вздохов тело перестало дышать. Искра жизни угасла.

Все утро вплоть до полудня профессор Максон занимался ликвидацией оставшихся пятен и улик, изобличающих его жуткую работу, и, когда наконец закрыл за собой дверь лаборатории на ключ, все следы были уничтожены.

Уже на следующий день профессор Максон с дочерью Вирджинией прибыли на железнодорожный вокзал, где сели в поезд, отправляющийся в Нью-Йорк. Поскольку об их отъезде не знала ни одна живая душа, никто не пришел проводить их: еще не оправившийся от потрясения ученый был не в силах что-либо вразумительно объяснить своим друзьям и коллегам.

Однако их появление не прошло незамеченным. Когда Вирджиния Максон показалась на платформе, ее гибкая, изящная фигура и прекрасное лицо привлекли внимание высокого молодого человека атлетического телосложения, который толкнул локтем своего молодого спутника.

— Эй, Декстер, — спросил он, — кто эта красавица?

Тот обернулся и присвистнул.

— Ого! — воскликнул он. — Это же Вирджиния Максон со своим отцом. Интересно, куда они собрались?

— Не знаю, — вполголоса ответил его собеседник Таунсенд Дж. Харпер-младший. Глаза молодого человека засверкали. — Пока не знаю. Но держу пари на новый автомобиль, во что бы то ни стало узнаю и познакомлюсь с ней.

Спустя неделю профессор Максон, ослабевший физически и с расстроенной нервной системой, отправился вместе с дочерью в долгое океанское плавание, которое, как он надеялся, поможет быстро поправить здоровье и избавиться от кошмарных воспоминаний о тех трех жутких днях и ночах, которые он провел в лаборатории.

Ему казалось, что теперь ничто и никогда не сможет поколебать его решения не вмешиваться больше в великие, внушающие благоговейный трепет тайны созидания жизни, но по мере того, как здоровье его

улучшалось и восстанавливались душевные силы, он ловил себя на мысли, что вспоминает свой недавний триумф с чувством возрождающейся надежды и желанием продолжить начатое дело.

Болезненные страхи, вызванные потрясением от внезапной кончины первого сотворенного им живого существа, уступили место настоящей потребности возобновить эксперименты и довести их до полного успеха, чтобы с гордостью продемонстрировать научному миру.

Недавний неудавшийся опыт убедил его в том, что цивилизованные страны — не место для безопасного продолжения работы, и, лишь оказавшись в ходе круиза среди многочисленных островов Вест-Индии, он окончательно укрепился в своем решении. Зная он о последствиях своего плана, он не теряя ни секунды помчался бы домой, прихватив дочь, которой суждено было принять на себя основной удар последовавших вскоре кошмаров.

Впервые эта идея посетила его, когда они бороздили просторы Южно-Китайского моря. Просиживая целые дни в праздном ничегонеделании под лучами жаркого солнца, профессор все чаще возвращался к этой мысли, которая сулила тысячу чудесных возможностей и вскоре, целиком овладела им.

В конце концов, достигнув Манилы, он объявил о том, что намерен прервать запланированное путешествие и немедленно следовать ближайшим судном в Сингапур. Новость немало удивила Вирджинию, но она не стала спрашивать отца о причине такого решения, ибо с тех пор, как он провел три дня, запершись в своей лаборатории, девушка заметила некоторую перемену в нем — явное нежелание посвящать ее в свои мысли, что он обыкновенно делал в течение всего времени после смерти ее матери.

И хотя Вирджиния невыразимо страдала «от этого, она была слишком горда и слишком обижена, чтобы попытаться восстановить прежние отношения. Правда, как и прежде они часто обсуждали любые темы, кроме одной — его научной работы, которую, словно по молчаливому согласию, они вообще не затрагивали. Таким образом, когда они прибыли в Сингапур, Вирджиния не имела ни малейшего представления о намерениях отца.

Здесь они провели приблизительно месяц, в течение которого профессор Максон ежедневно вел переговоры с чиновниками, английскими представителями и разномастной толпой малайцев и китайцев,

Вирджиния познакомилась с некоторыми из тех, с кем отец имел дело, и лишь в последний момент один из них намекнул о цели развернувшихся

приготовлений. Всякий раз в присутствии девушки разговор ловко уводился в сторону, когда касался планов отца на ближайшее будущее, и вскоре она поняла, что делается это намеренно. Первым с ней заговорил доктор фон Хорн, который общался с ее отцом чаще других. Впоследствии, вспоминая разговор, Вирджиния решила, что отец поручил молодому человеку побеседовать с ней, чтобы самому избежать этой неприятной обязанности. Девушка видела, что фон Хорн ждет от нее вопросов или возражений, но из гордости сделала вид, будто прекрасно знает, о чем идет речь, хотя в действительности ни о чем не догадывалась.

— Значит, вы согласны покинуть Сингапур в ближайшее время? — спросил фон Хорн.

— О, я с нетерпением жду этого дня, — ответила Вирджиния.

— И поселиться на одном из островов Памарунга на длительный срок? — допытывался фон Хорн.

— Почему бы и нет? — прозвучал уклончивый ответ девушки, не имевшей ни малейшего представления о местонахождении этих островов.

Фон Хорн отдал должное ее самообладанию, хотя и предпочел бы, чтобы она стала задавать вопросы, иначе ему было трудно продвинуться дальше в выполнении поручения. Как объяснить ей планы на будущее, если она и виду не подает, что находится в полном неведении?

— Мы не уверены в том, что работа завершится за два или три года, — сообщил он. — Это долгое время, и его придется провести в изоляции на маленьком необитаемом острове вдали от более крупного, но не менее дикого острова Борнео. Как, по-вашему, у вас хватит на это мужества?

Вирджиния рассмеялась без тени сомнения.

— У меня хватит мужества на все, что ни задумал бы отец, — сказала она, — и потом я не считаю, что жизнь на одном из этих чудесных маленьких островов станет суровым испытанием. Разумеется, я согласна, если это поможет ему добиться успеха в научных изысканиях.

Последние слова она произнесла в надежде на то, что она поняла истинную причину изоляции от цивилизованного мира. Она не ошиблась, и теперь фон Хорн был введен в заблуждение, поскольку решил, что, видимо, профессор Максон рассказал дочери гораздо больше о своих планах, чем даже ему самому. По выражению лица собеседника Вирджиния поняла, что уловка удалась и нужно ковать железо, пока горячо.

Так она узнала, что через день им предстоит отправиться к островам Памарунга на небольшой шхуне, которую купил ее отец, с экипажем, состоящим из малайцев и ласкаров, а капитаном будет фон Хорн,

служивший -в свое время на американском флоте. Окончательная цель маршрута еще не была определена — она выяснится на месте, когда они присмотрят подходящий островок среди множества тех, что разбросаны вдоль западного побережья Макаassarского пролива.

Среди многих людей, с которыми Вирджиния познакомилась в течение месяца, проведенного в Сингапуре, фон Хорн оказался без сомнения наиболее интересным и общительным. Занятый многочисленными обязанностями по оснащению приобретенной шхуны и найму экипажа, состоящего из пятнадцати матросов и двух помощников, он все свободное время, что ему удавалось выкроить, проводил в обществе дочери своего начальника.

Девушка была рада тому, что фон Хорн примкнет к их маленькой компании, поскольку, как выяснилось, он много путешествовал и был интересным собеседником. Он разговаривал с ней, как с равной, на темы, представляющие интерес людям образованным, принадлежащим к одному кругу. Он никогда не допускал фамильярности, а в выборе предмета разговора всегда учитывал то, что его собеседницей является молодая девушка. С первого дня знакомства она почувствовала, себя с ним легко и свободно, и ко времени отплытия «Итаки» (так называли шхуну) навстречу неизвестной судьбе их взаимоотношения переросли в крепкую дружбу.

Путешествие из Сингапура к островам протекало без происшествий. Вирджиния с восхищением наблюдала за слаженными действиями команды. Глядя на полуголых людей, их живописные прически, серьги в ушах и свирепые лица, она представляла себя пленницей на пиратском судне, настолько натурально воспринималось ею все окружающее, о чем она со смехом говорила фон Хорну.

За неделю, проведенную в районе островов Памарунга, они не нашли подходящего места для лагеря и лишь к северу от экватора, миновав мыс Сантанг, обнаружили в нескольких милях от побережья, напротив устья маленькой реки, крошечный остров, который полностью отвечал всем их требованиям. Он был необитаем, плодороден, и там протекал живописный ручей, берущий начало из холодного чистого родника. Здесь-то, в маленькой бухте, и стала на якорь «Итака», после чего экипаж под началом фон Хорна и его первого помощника — малайца Будудрина, сопровождая профессора Максона, отправился на поиски подходящего места для базового лагеря.

На «Итаке» остались лишь повар, безобидный старый китаец, и Вирджиния.

Спустя два часа после того, как отряд исчез в джунглях, девушка

услышала стук топоров и поняла, что найдено место для ее будущего дома и что началась работа по расчистке участка. Она сидела, размышляя о странной прихоти отца похоронить их заживо в этом диком уголке земного шара, и чем больше она думала, тем тоскливее становилось выражение ее глаз и тем горше делалась ее невеселая улыбка.

Внезапно она осознала, насколько глубокой стала разделяющая их пропасть. Все началось в те три страшных дня. Возникшая тогда в их отношениях трещина расширялась с каждым днем, но так неуловимо, что девушка только сейчас поняла, что бывшие добрые, дружеские отношения прервались, вероятно, навсегда.

Сделанное ею печальное открытие не нуждалось в особых доказательствах, достаточно было того факта, что отец привез ее сюда, на этот маленький остров, даже не потрудившись ввести в курс дела. Со слов фон Хорна девушке стало ясно, что речь идет о важных научных экспериментах, но в чем состояла их суть, она не могла представить, ибо понятия не имела об успехе последнего опыта отца, хотя всегда знала о его глубоком интересе к данной научной проблеме.

От Вирджинии также не укрылись другие произошедшие с отцом странные перемены. Он уже давно перестал быть веселым беззаботным другом, с которым можно было поделиться любыми девическими радостями и печалью и которому она поверяла как важные, так и незначительные секреты. Он сделался не то чтобы угрюмым, а скорее замкнутым, погруженным в собственные мысли, так что в последнее время ей никак не удавалось поболтать с ним по душам, что он раньше всегда делал с большой охотой. А еще она заметила, что отец непонятно отчего перестал обращать на нее внимание, и это задевало ее больше всего. Взять хотя бы сегодняшний яркий пример — оставил ее на судне без единого спутника-европейца, тогда как еще пару месяцев тому назад такое невозможно было бы и вообразить.

Так она размышляла, в то время как взгляд ее бесцельно блуждал вдоль входа в бухту, машинально отмечая такие детали, как полоска низких рифов, ограждающая бухту от моря, и выступающая далеко в море песчаная коса, похожая на гигантский указательный палец, направленный в сторону материка, смутно виднеющегося вдали.

Вскоре ее внимание привлекла движущаяся далеко в проливе точка. Увеличиваясь постепенно в размерах, точка превратилась в лодку, которая направлялась к острову. Чуть позже девушка увидела, что лодка длинная и низкая, движимая единственным парусом и множеством весел. Лодка была набита людьми.

Решив, что это очередная туземная торговая лодка, которых видимо-невидимо в южных морях, Вирджиния наблюдала за ее приближением с праздным любопытством. Когда лодка, подошла к «Итаке» на расстояние полумили и направилась к входу в бухту, ее случайно заметил Синг Ли. В тот же миг старого китайца будто пронзило электрическим током.

— Быстро! Быстро! — закричал он, подбегая к Вирджинии. — Беги вниз, быстро.

— Но почему, Синг? — спросила девушка, изумленная поведением повара.

— Быстро! Быстро! — подгонял он, таща ее за руку к трапу. — Пираты! Малайцы! Даяки! Много пиратов.

— Пираты! — ахнула Вирджиния. — О, Синг, что же делать?

— Спрячься внизу. Синг постараться отпугнуть их. Стрелять из пушки. Позовет подмогу. Но если пираты видят красивую белую девушка, старый Синг ничего не сможет сделать.

Девушка вздрогнула и, пригнувшись, сбежала вниз. Через мгновение она услышала выстрел из старой медной пушки, которая в течение многих лет украшала корму «Итаки».

На носу шхуны профессор Максон установил современный пулемет, но тот оказался не по зубам неискушенному в военной технике китайцу. Второпях он прицелился кое-как, но радостная улыбка осветила его морщинистое желтое лицо, когда он увидел, что ядро с брызгами упало в воду подле самого борта лодки.

Синг допускал, что в лодке могли находиться дружески настроенные туземцы, но он слишком много лет проплавал в этих водах, чтобы рисковать. Лучше убить сотню друзей, считал он, чем быть захваченным одним-единственным врагом.

После выстрела лодка замедлила ход, и последовавший в ответ град мушкетного огня убедил Синга в том, что он не ошибся в своих предположениях. Выстрелы с лодки не достигли цели, как и ядро, выпущенное из маленькой пушки.

Вирджиния наблюдала за лодкой из иллюминатора каюты. Она заметила кратковременное колебание и смятение, последовавшие за первым выстрелом Синга, а затем к своему ужасу увидела, что гребцы снова взяли за весла, и лодка быстро заскользила по направлению к «Итаке».

Стало очевидно, что пираты почувствовали незащищенность шхуны. Через несколько минут они перепрыгнут на палубу, поскольку бедняга Синг ничем не сможет удержать их. «Какая жалость, что здесь нет фон

Хорна», — подумала расстроенная девушка. — «С помощью пулемета он обратил бы их в бегство».

При мысли о пулемете у девушки зародилась дерзкая идея. А почему бы ей самой не попробовать? Ведь фон Хорн подробно разъяснил ей устройство оружия, а однажды, по пути из Сингапура, даже позволил ей пострелять. Недолго думая, она бросилась к складу боеприпасов, схватила пулеметную ленту и в следующее мгновение очутилась на палубе рядом с изумленным Сингом.

Пираты стремительно скользили по гладким водам бухты, встречая безобидные выстрелы Синга презрительными криками и дикими свирепыми боевыми кличами. В лодке находились приблизительно пятьдесят даяков и малайцев, воинственных, кровожадных и беспощадных. При виде устрашающих головных уборов, боевой раскраски даяков, длинных узких разукрашенных щитов, сверкающих лезвий парангов — больших малайских ножей и крисов — коротких мечей с пламенеющим клинком, девушку охватила дрожь, настолько близко казались они от борта шхуны.

— Что делать? Что делать? — испуганно воскликнул Синг. — Иди вниз!

Но не успел он закончить свой призыв, как девушка бросилась к пулемету. Отшвырнув чехол в сторону, она направила ствол на пиратскую лодку, подошедшую так близко, что еще секунда, и лодка исчезла бы из сектора обстрела.

Вирджиния мгновенно сообразила, что медлить нельзя, тогда как пираты осознали новую серьезную опасность и принялись палить из своих мушкетов по бесстрашной девушке, залегшей за небольшим Щитком пулемета. Свинцовые пули яростно забарабанили по щитку либо же с угрожающим свистом проносились над головой девушки. И тогда Вирджиния нажала на гашетку.

Пули, выпускаемые со скоростью пятьдесят штук в минуту, изрешетили нос лодки, но вдруг на корме поднялся богато одетый малаец и замахал белым лоскутом, привязанным к острию криса. Это был раджа Мюда Саффир, который разглядел лицо девушки, и при виде ее красоты его сердце вспыхнуло иной страстью, нежели страсть к наживе.

Завидев знак перемирия, Вирджиния прекратила стрельбу. Затем высокий малаец отдал несколько команд, гребцы взяли за весла, лодка развернулась и двинулась назад к выходу из бухты. В тот же миг с берега раздался выстрел, вслед за ним громкие крики. Обернувшись, девушка увидела отца и фон Хорна, гребущих изо всех сил к «Итаке».

II ТЯЖЕЛЫЙ СУНДУК

Вирджинии и Сингу пришлось многократно рассказывать о дневном происшествии, участниками которого они оказались. Китаец никак не мог понять, что остановило пиратов у самого порога победы. Фон Хорн предположил, что те увидели плывущее от берега подкрепление, но Синг возразил, что это невозможно, поскольку «Итака» находилась прямо между пиратами и спешащим на выручку экипажем.

Вирджиния была уверена, что пиратов обратила в бегство стрельба из пулемета, но Синг не поддержал ее, указав на то обстоятельство, что через секунду лодка подошла бы вплотную к борту «Итаки» и пулемет оказался бы бесполезным.

Старый китаец был убежден в том, что у пиратов была какая-то тайная причина начать отступление, и его многолетний опыт человека, избороздившего воды, кишмя кишевшие пиратами, придал вес этому суждению. Слабым же местом в его выводе была неспособность предложить разумное объяснение. Таким образом, они долго и безуспешно гадали о загадочном поведении пиратов, которое избавило их от кровавого столкновения с этими жестокими морскими волками.

В течение недели люди были заняты устройством лагеря, но Вирджинию уже не оставляли без надежной охраны. Фон Хорн теперь был всегда при деле, так как на него целиком легло руководство всеми важными вопросами практического характера. Сам профессор предпочел наблюдать за строительством домов и частокола, давая ценные, с его точки зрения, советы, и девушка снова обратила внимание на относительное безразличие отца к ее судьбе.

Ее шокировало равнодушие отца во время пиратского налета и огорчило, что не он, а фон Хорн настоял на необходимости охранять ее.

По мере того, как близилось время вновь приступить к экспериментам, которыми он не занимался уже несколько месяцев, профессор становился все более замкнутым и рассеянным. Временами он грубил окружающим, а уж для дочери у него и подавно не хватало ни доброго слова, ни ласки, для дочери, еще несколько месяцев тому назад бывшей смыслом всей его жизни.

Всякий раз, когда Вирджиния ловила на себе его взгляд, ей казалось,

что в глазах отца сквозит неприязнь, словно ему не терпелось избавиться от нее, чтобы она никоим образом не мешала его работе.

Наконец лагерь был готов, и днем в субботу самые тяжелые вещи со шхуны перевезли туда. В понедельник планировалось перенести на сушу остальные предметы, и экипаж должен был переселиться с судна на новое место жительства.

Ближе к вечеру в воскресенье из-за песчаной косы, прикрывающей бухту с юга, показалась маленькая туземная лодка и через несколько минут подошла к борту «Итаки». В ней было всего трое — двое даяков и малаец. Последний — высокий пожилой мужчина крепкого телосложения, с угрюмым лицом, на котором виднелись признаки вырождения. Одет он был как обычный малаец-лодочник, но во всем его облике и обращении со спутниками сквозило нечто такое, что не соответствовало его бедной одежде.

В ответ на окрик фон Хорна человек попросил пустить его на борт для торговли и обмена. Когда же он поднялся на шхуну, оказалось, что явился он с пустыми руками. Нимало не смутившись, он заявил, что сперва хочет выяснить, в чем они нуждаются, а уж потом привезти необходимые товары.

Разговор проходил в присутствии Синга, но по его ничего не выражающему лицу нельзя было догадаться о том, какие мысли роятся в этом загадочном азиатском мозгу. Малаец пробыл на судне примерно полчаса, беседуя с фон Хорном, как тут на палубе появился помощник капитана Будудрин. Никто, кроме Синга, не заметил, что в глазах обоих малайцев промелькнула и тут же погасла искорка узнавания.

От китайца также не укрылся вспыхнувший в глазах «торговца» блеск, когда тот увидел вышедшую из каюты Вирджинию, но ни словом, ни жестом малаец не показал, что вообще заметил ее. Чуть позже он ушел, пообещав вернуться с товарами на другой день. Однако в следующий раз они увиделись с ним лишь через несколько месяцев.

Вечером того же дня, прислуживая Вирджинии за ужином, Синг спросил девушку, узнала ли она дневного гостя.

— Конечно, нет, — ответила та, — я видела его впервые.

— Тс-с-с! — предостерег китаец. — Не говори громко. У стен есть уши!

— О чем ты, «Синг? — спросила девушка, понизив голос. — Странный ты какой-то сегодня. У меня даже коленки задрожали, — добавила она, улыбнувшись.

Но Синг, вопреки обыкновению, не ответил улыбкой на ее улыбку.

— Твоя не помнить высокий раджа с белой тряпкой в пиратской лодке, а? — допытывался он.

— О, Синг! — воскликнула девушка. — Конечно, помню. Но если бы не ты, мне и в голову бы не пришло сравнивать их. Они очень похожи, верно?

— Похожи? Они один и тот же человек. Синг знает. Берегись, Вини.

Прогресс китайца в освоении имени Вирджинии закончился на этом варианте.

— С какой стати мне беречься? Я ему не нужна, — рассмеялась девушка.

— Не будь глупой, Вини, — последовал далеко не изысканный, однако убедительный ответ китайца, собравшегося идти на камбуз.

Следующим утром отряд, за исключением трех малайцев, оставленных охранять «Итаку», двинулся в новый лагерь. Они шли своим обычным маршрутом — по дну мелкого ручья, впадающего в бухту. Этой дорогой дважды в день в течение двух недель пользовались пятнадцать человек, и в результате такой предусмотрительности на узкой полосе прибрежного песка не появилось ни одного следа, указывающего на то, что здесь когда-либо ступала нога человека.

Дно ручья, покрытое галькой, было удобно для передвижения, а так как Вирджинию несли на носилках два могучих ласкара, она даже не замочила ноги. Расстояние было небольшими — бухту от центра лагеря отделяла всего миля, а оттуда до противоположного конца острова было менее полумили. Сам же остров составлял каких-нибудь две мили в ширину и две с четвертью в длину, да и то в самых отдаленных друг от друга местах.

Прибыв на место, Вирджиния обнаружила ровный участок земли, старательно расчищенный от деревьев и окруженный частоколом. Территория была разделена на три сектора, каждый из которых, в свою очередь, также был обнесен оградой. В северном секторе стоял маленький дом для Вирджинии и ее отца, еще один для фон Хорна, а также кухня-столовая, где хозяйничал Синг.

Сектор в дальнем конце лагеря предназначался для малайцев и ласкаров, в том числе Будудрина и второго помощника-малайца. В центральной зоне располагалась лаборатория профессора Максона. Взглянуть на эту зону Вирджинию не пригласили, но когда члены экипажа заносили туда два огромных сундука, которые профессор держал на «Итаке» до последнего момента, девушке удалось разглядеть две возведенные там постройки — маленький квадратной формы дом, видимо,

лабораторию, и длинный приземистый сарай, крытый пальмовыми листьями и разделенный перегородками на отсеки, в каждом из которых стояла примитивная кровать. Вирджиния не могла понять, для кого все это предназначалось. С одной стороны, отряд уже разместился, а кроме того, отец вряд ли согласился бы поселить кого-либо в такой близости от лаборатории, где ему требовалась абсолютная тишина и покой. Увиденное немало озадачило девушку, но ее взаимоотношения с отцом изменились настолько, что она не стала задавать ему вопросов.

Когда оба сундука были доставлены в лабораторию, стоявший рядом с Вирджинией Синг обратил внимание девушки на то, что одним из тех, кто сгибался под тяжестью более тяжелого сундука, был Будудрин.

— Будудрин — помощник капитан. Почему работать носильщик, как ласкар? Э?

Но Вирджиния не знала, что ответить.

— Мне кажется, — сказала она, — ты недолюбливаешь Будудрина. Почему? Может, он обидел тебя?

— Он? Нет, он не обижать Синга. Синг бедный, — загадочно ответил китаец и вернулся к своей работе.

Однако весь оставшийся день он то и дело бубнил что-то себе под нос, так как по опыту знал, что в таком сундуке, который с трудом поднимают четверо, могло храниться только одно, и он понимал, что и Будудрину пришлось в голову то же самое.

В течение двух последующих месяцев жизнь маленького затерянного лагеря протекала мирно и без особых происшествий. Малайцы и ласкары несли вахту на борту «Итаки», охраняли лагерь и возделывали маленький участок вырубki к югу от своих жилищ.

На восточном побережье острова, всего в четверти Мили от лагеря, была маленькая бухта, в которой водились устрицы, и сюда пригнали одну из лодок «Итаки». Будудрин частенько сопровождал эти вылазки, и наблюдательный Синг несколько раз подмечал, что он возвращается в лагерь гораздо позже всех остальных.

Профессор Максон почти не покидал центральной зоны. Временами Вирджиния не виделась с ним по несколько суток подряд. Еду ему доставлял Синг, передавая через небольшой люк, вырезанный в ограде этого «двора тайн», как окрестил фон Хорн зону, отведенную под профессорские эксперименты.

Сам фон Хорн часто бывал вместе со своим шефом, так как тот полностью ему доверял, и, благодаря медицинскому образованию, стал незаменимым помощником, однако его далеко не всегда пускали в

лабораторию, и в такие часы он общался с Вирджинией.

Парочка уходила на долгие прогулки по девственным джунглям, исследуя остров и неизменно находя среди его флоры и фауны какое-нибудь новое чудесное доказательство созидательных сил природы.

— Что за чудо — мироздание, — воскликнула Вирджиния однажды, когда они с фон Хорном остановились полюбоваться на тропическую птицу с необычайно ярким оперением. — Насколько ничтожно самое великое достижение человека рядом с ordinарным творением Природы.

— И все же, — отозвался фон Хорн, — когда-нибудь человек откроет секрет Природы. Какой это будет триумф для того, кто первым приоткроет завесу тайны. Можете ли вы представить себе более великолепное завершение Дела, которому ученый посвятил всю свою жизнь, например, ваш отец?

Девушка внимательно посмотрела на фон Хорна.

— Доктор фон Хорн, — сказала она, — гордость не позволяла мне задавать вопросы относительно того, что, судя по всему, от меня тщательно скрывается. Мой отец долгие годы пытается найти разгадку тайны жизни, но мне и в голову не приходило, что он может попытаться использовать найденный секрет. То есть, я хочу сказать, что еще недавно я не поверила бы в то, что он решится взять на себя функции Создателя. Однако зная его, плюс то, что вы сказали, а также все его немыслимые ухищрения окружить нынешние эксперименты абсолютной секретностью — все это подводит к единственно возможному выводу: если его опыты увенчаются успехом, то их результаты могут привести к непредсказуемым последствиям. Я права?

В намерения фон Хорна входило исподволь выяснить, если получится, отношение девушки к работе, которой занимается ее отец и он сам. Но он добился гораздо большего, ибо не предполагал, что она почти обо всем догадалась. Если бы отношение Вирджинии к их экспериментам оказалось положительным, он был готов рассказать ей о потрясающих успехах, которых они добились в ходе исследований и посвятить в планы на будущее. Дело в том, что фон Хорн видел, насколько девушка уязвлена пренебрежением со стороны отца, и надеялся извлечь из этого личную выгоду, проявляя к ней доверие и участие, чего лишил ее отец.

Однако получилось так, что прямой вопрос Вирджинии застал его врасплох, поскольку сказать ей правду означало бы лишиться ее благосклонности, а также вызвать подозрительность и недоверие со стороны профессора, узнай он об этом.

— Я не могу ответить на ваш вопрос, мисс Максой, — произнес он

наконец, — так как ваш отец строго-настрого запретил рассказывать кому бы то ни было о том, что происходит во «дворе тайн». Не забывайте, что я в подчинении у вашего отца, и каково бы ни было мое собственное отношение к его работе, я обязан выполнять любые его распоряжения, поскольку он платит мне жалование. То обстоятельство, что здесь находитесь вы, — добавил он, — служит оправданием того, что я занимаюсь вещами, против которых восстает моя совесть.

Девушка метнула на него быстрый взгляд. Она не вполне поняла подтекст заключительного признания, но внезапная догадка не позволила ей задавать дальнейшие вопросы. Она привыкла видеть в фон Хорне приятного собеседника и хорошего друга и не было уверена в том, что желает какой-либо перемены в их отношениях, но его последние слова заронили в ее сознание семя новой мысли, на что он и рассчитывал.

Когда фон Хорн вернулся во «двор тайн», он пересказал профессору Максону суть разговора с Вирджинией, так как не желал, чтобы после беседы с дочерью, если таковая состоится, у профессора создалось впечатление, что фон Хорн наболтал лишнего. Профессор слушал его молча. Когда фон Хорн закончил, Максон запретил ему вообще разговаривать с Вирджинией о том, что происходит в лаборатории.

— Она еще дитя, — сказал профессор, — и не может оценить важности той работы, которую мы делаем. Единственное, что она из всего этого поймет, — моральный аспект проблемы, связанный с воздействием экспериментов на сами объекты. Она не станет глядеть в будущее, а потому не оценит громадной пользы для человечества, которую принесет успешное завершение нашего исследования. Лишь продемонстрировав возможность химического производства идеальной расы, мы сможем гарантировать миру будущее.

— Например, Номер Один, — иронически хмыкнул фон Хорн.

Профессор Максон бросил на него недовольный взгляд.

— Легкомыслие, доктор, совершенно неуместно, когда речь идет о великолепной работе, которую я завершил, — резко сказал он. — Признаю, Номер Один — далек от совершенства, но Номер Два значительно превзошел его по ряду показателей, и я уверен, что завтра с Номером Три я добьюсь таких успехов, что вам навсегда расхочется иронизировать.

— Простите, профессор, — поспешно извинился фон Хорн. — Я вовсе не собирался высмеивать сделанные вами замечательные открытия, однако мы должны смотреть правде в глаза и отдавать себе отчет в том, что Номер Один далеко не красавец. Друг другу мы с вами можем говорить то, чего не скажем постороннему.

Удовлетворенный извинением, профессор Максон отвернулся и продолжил наблюдение за большим стеклянным контейнером, похожим на гроб. Некоторое время фон Хорн пребывал в молчании. Ему давно хотелось поговорить с профессором об одном деле, да он все не мог улучшить подходящего момента. Боясь, что такой момент может вообще не наступить, доктор решил начать разговор прямо сейчас, не дожидаясь лучших времен.

— Ваша дочь не очень счастлива, профессор, — произнес он. — И потом мне кажется, что в окружении полудиких людей она не чувствует себя в безопасности.

Профессор Максон оторвался от созерцания контейнера и пристально посмотрел на фон Хорна.

— Ну и что? — спросил он.

— Мне кажется, что при более близких отношениях я смог бы сделать ее жизнь более счастливой и безопасной. Иными словами, профессор, с вашего разрешения я хочу просить Вирджинию стать моей женой.

В своем обращении с девушкой фон Хорн ни разу не дал понять, что любит ее. Спору нет, она была прекрасна и умна, поэтому не удивительно, что она могла покорить любого мужчину, однако по всем признакам фон Хорн был не из тех, кто мечтает о счастливом браке. Долгие годы он странствовал по свету в поисках приключений и развлечений. Никогда не говорил он о том, почему покинул Америку, оставил свой высокий пост на флоте и ни разу за семь лет не ступил на родную землю.

Стоявшего около люка Синга Ли, который собирался передать профессору его ужин, нельзя было винить в том, что он слышал весь разговор, хотя он и заслуживает порицания за сокрытие своего присутствия, а также за возникшее у него явно неромантическое подозрение, что признание доктора как-то связано с содержимым тяжелого сундука.

Профессор Максон ответил не сразу. Он пристально глядел на фон Хорна, высказавшего столь неожиданную просьбу, и тот увидел в глазах старшего коллеги странный блеск, чего раньше никогда не замечал. Фон Хорну стало не по себе.

Затем профессор встал со стула и подошел к доктору вплотную, приблизив лицо на расстояние нескольких дюймов.

— Доктор, — произнес он почему-то хриплым шепотом, — вы с ума сошли. Вы не понимаете, о чем просите. Вирджиния не для такого, как вы. Скажите, что она ничего не знает о ваших чувствах. Скажите, что она не отвечает вам взаимностью. Скажите же, наконец!

Профессор Максон грубо схватил фон Хорна за плечи, пожирая его глазами, в которых полыхал яростный огонь.

— Я никогда не говорил с ней о любви, профессор, — тихо ответил фон Хорн, — и не знаю, какие чувства она ко мне испытывает. Однако я не понимаю, сэр, какие у вас могут быть ко мне претензии? Я из очень старинной и порядочной семьи.

Тон его был высокомерен, однако почтителен.

Профессор Максон отпустил своего помощника со вздохом облегчения.

— Я рад, — сказал он, — что дело не зашло далеко, ибо этому не бывать. У меня иные, более возвышенные надежды на свою дочь. Она должна выйти замуж за совершенного человека, а таких пока нет. Теперь моя задача создать для нее идеального партнера, и это случится достаточно скоро. Еще пара недель, и перед нами предстанет экземпляр, о каком я давно мечтал.

И вновь в некогда добрых веселых глазах ученого вспыхнул странный огонь.

Фон Хорн был шокирован. Он не страдал от излишней сентиментальности, и весь цинизм его поведения заключался в том, что он хотел жениться на Вирджинии только из-за богатства, которое, как он знал, она унаследует, но, представив, что девушка достанется этому, фон Хорн мысленно перекрестился. Перед его внутренним взором предстало жуткое чудовище, известное, как Номер Один.

Ни слова не говоря, фон Хорн повернулся и зашагал прочь. Спустя мгновение стук Синга вывел профессора из состояния мечтательности, в которое тот был погружен, и Максон подошел к окошку-люку, чтобы забрать свой ужин.

III

КРАСАВИЦА И МОНСТР

Прошло около двух недель. Фон Хорн и профессор, как обычно, интенсивно занимались своими экспериментами во «дворе тайн». События развивались стремительно и хаотично. Удивительное открытие, сделанное профессором, способствовало ускорению и упрощению работы, что превосходило самые смелые мечты ученого.

Интерес фон Хорна к полученным выдающимся результатам не уступал профессорскому, но фон Хорн предвидел и другие последствия всей затеи, а потому в дневное время всегда носил при себе два револьвера, а ночью держал их под рукой.

Накормив людей обедом, Синг Ли отправился на берег, прихватив удочку, веревку и наживку, чтобы расставить силки на водоплавающих птиц. Он ступал неслышно среди джунглей, внимательно приглядываясь и прислушиваясь к любой необычной детали, и в итоге увидел на берегу двоих мужчин, тогда как сам он оставался для них невидимым.

Там находились Будудрин и тот самый рослый малаец, которого Синг уже встречал дважды — первый раз в великолепном одеянии, возглавлявшего пиратскую лодку, а второй — как простого торговца, прибывшего на «Итаку», но без единого товара.

Они сидели на корточках на берегу на опушке джунглей почти рядом с тем местом, откуда собирался выйти Синг, прежде чем он обнаружил их. В считанные секунды китаец прокрался сквозь густой подлесок и остановился от них менее чем в трех ярдах. Те вели между собой тихую беседу, однако достаточно громкую, чтобы Синг не пропустил ни единого слова.

— Говорю же тебе, Будудрин, риска не будет никакого, — произнес высокий малаец. — Сам же сказал, что никому не известно о месте пребывания белых людей, и если они не вернутся, то тебе поверят на слово, что бы ты ни наплел об их участи. Если приведешь ко мне девушку, получишь щедрое вознаграждение, а если сомневаешься в верности кого-либо из своих людей, то кинжал заставит их замолчать так же, как заставит замолчать белых людей.

— Меня удерживает не страх перед белыми, о, раджа Мюда Саффир, — сказал Будудрин, — но кто поручится, что, прибыв в твою

страну с девушкой, я не паду от рук тех, кто воспылает ко мне завистью за ту великую услугу, которую я окажу великому радже?

Мюда Саффир прекрасно понял, что Будудрин в действительности дипломатически выразил недоверие ему самому, однако не рассердился, поскольку обвинение не являлось прямым, но он не знал главного, он не знал о тяжелом сундуке и о желании Будудрина вдобавок к вознаграждению за девушку завладеть в недалеком будущем гораздо более значительными сокровищами, которые, как он полагал, хранились под тяжелой дубовой крышкой.

Поднявшись в полный рост, Мюда Саффир и Будудрин направились по берегу к маленькому туземному каноэ, на котором раджа прибыл на встречу. Вскоре они оказались вне пределов слышимости, и Синг не мог больше разобрать ни слова, но и услышанного было достаточно, чтобы укрепить подозрения, давно зародившиеся в душе китайца.

В тот день он не стал ловить птиц, опасаясь быть замеченным стоявшими на берегу Мюда Саффиром и Будудрином, которые могли заподозрить, что он слышал их разговор. Хорошо разбираясь в малайцах, мудрый Синг Ли отдавал себе отчет в том, что те разбираются в китайцах ничуть не хуже, поэтому он тихо переживал в укрытии, когда уберется Саффир и вернется в лагерь Будудрин.

Даже когда те исчезли из виду, осторожный Синг Ли еще долго оставался на берегу. И перед самым уходом заметил нечто, несказанно удивившее его...

Профессор Максон и фон Хорн стояли над одним из шести контейнеров, установленных в два ряда вдоль стен лаборатории. В тот день профессор пребывал в более благодушном настроении, чем обычно, и их разговор вновь приобрел нотки непринужденности, характерной для первого месяца их знакомства в Сингапуре.

— А как быть с теми, первыми, которые столь уродливы? — поинтересовался фон Хорн. — Вы не можете привезти их в цивилизованный мир, но и оставить их здесь, на этом острове, тоже не годится. Что вы решите?

Профессор Максон на мгновение замолчал.

— Я не особенно задумывался над этим, — сказал он наконец. — Они — издержки моей великой работы. К сожалению, они такие, какие есть, но без них я никогда не дошел бы до того совершенства, которое, как я уверен, мы получим здесь.

И он ласково похлопал по тяжелой стеклянной крышке контейнера,

рядом с которым стоял.

— И это только начало, — продолжал он. — Отныне ошибок больше не будет, хотя я и сомневаюсь, сможем ли мы когда-нибудь улучшить то, что так быстро формируется здесь.

Его длинная худощавая рука снова ласково коснулась проходящего на гроб контейнера, в изголовье которого была прикреплена табличка с надписью «НОМЕР ТРИНАДЦАТЬ».

— Но остальные, профессор! — не унимался фон Хорн. — С ними нужно решать. От них одни неприятности, причем немалые. Вчера Номер Пять захотел получить бананы, которые я дал Номеру Семь. Я попытался урезонить его, но, как вам известно, он умственно неразвит, даже слушать меня не стал и набросился на Номер Семь, чтобы отнять желанное лакомство. Разыгралось жесточайшее побоище, посрамившее бы двух бенгальских тигров. Номер Двенадцать послушен и смышлен. С его помощью и с помощью хлыста мне удалось разнять их прежде, чем они прикончили друг друга. Ваша самая большая ошибка состоит в том, 'что вы сосредоточились прежде на физическом совершенстве своих питомцев. Вы перестарались, и в итоге «двор тайн» населен дюжиной животных, обладающих страшной силой, но с мозгами, которых едва хватило бы на три особи.

— Они такие, какие есть, — ответил профессор. — Я сделаю для них все, что смогу. А когда меня здесь не будет, им придется позаботиться о себе самим. Иного выхода я не вижу.

— То, что вы им дали, можно взять обратно, — тихим голосом сказал фон Хорн.

Профессор Максон вздрогнул. Те три страшных дня, проведенных в лаборатории в Итаке, наполнили его память отвратительными подробностями, которые в течение многих месяцев он пытался забыть. Жесточайшие душевные страдания изменили его, изменили настолько, что временами он даже боялся за собственный рассудок.

— Нет, нет! — запротестовал он. — Это было бы убийство. Они же...

— Они ничто, — прервал его фон Хорн. — Это не люди и даже не животные. Они уродливые бездушные существа. Вы не имеете права позволить им жить дольше, чем это необходимо для доказательства вашей теории. Об их существовании не знает никто, кроме нас, и никто не узнает о том, что их не стало. Это нужно сделать. Они представляют для всех нас постоянно растущую опасность, но более всего — для вашей дочери.

В глазах профессора появилось хитрое выражение.

— Понимаю, — сказал он. — Вам необходим прецедент, чтобы потом

избавиться от всех, даже тех, кто не урод и не зверь, даже от этого верха совершенства. — И он снова прикоснулся к контейнеру. — Таким образом вы задумали устранить со своего пути всех соперников. Ну уж нет! — голос его сделался визгливым. — Я не пойду ни на какие компромиссы. Ничто не заставит меня отказаться от принятого решения. Каким бы он ни получился, он непременно женится на моей дочери!

Достигнув кульминационного пункта своей речи, профессор приподнялся на цыпочки, занес высоко над головой сжатый кулак, а когда громогласно изрек последнюю фразу, сопровождал заключительное слово ударом кулака по стоявшему перед ним контейнеру; В его глазах полыхало пламя необузданного безумия.

Фон Хорн, хотя и был не из робкого десятка, растерялся при виде маниакальной злобы своего старшего коллеги и попятился. Спорить было бесполезно. Повернувшись, он покинул лабораторию.

Синг Ли явился в лагерь с опозданием. Вернувшись затемно с неудавшейся охоты, он уклонился от объяснений причины столь позднего ужина. После еды Вирджиния стала разыскивать его, но китаец снова куда-то пропал.

И лишь когда лагерь погрузился в сонную тишину, Синг Ли появился вновь и крадучись, с загадочным видом двинулся под покровом безлунной ночи к двери лаборатории. Как ему удалось проникнуть внутрь, об этом знает лишь Синг Ли, но только спустя мгновение в лаборатории раздался приглушенный звон разбитого стекла, и китаец выскользнул наружу, снова запер дверь и засеменил к своему жилищу, расположенному поблизости. Но спешил он напрасно — кроме него самого, никто не слышал звука, раздавшегося в лаборатории.

Наутро следующего дня, когда профессор Максон и фон Хорн вошли в лабораторию, было около девяти. Едва переступив порог, пожилой ученый в ужасе всплеснул руками. Контейнер № 13 лежал на полу, стеклянная крышка была разбита, а по циновке расплзлось липкое коричневое вещество. Профессор Максон закрыл лицо руками.

— Боже! — вырвалось у него. — Все пропало. Еще каких-нибудь три дня и...

— Глядите! — воскликнул фон Хорн. — Еще не все пропало.

Профессор с усилием поднял глаза и его взору предстал красавец-гигант, воплощение физического совершенства, сидящий в дальнем углу комнаты. Существо глядело вокруг себя затуманенным, ничего не

понимающим взглядом. На его умном лице был написан немой вопрос. Шагнув вперед, профессор Максон взял его за руку.

— Пойдем, — сказал он и повел его к маленькой комнате, примыкавшей к центральной лаборатории. Гигант послушно последовал за ним, блуждая взглядом по помещению. На его красивом лице застыло беспомощное выражение. Фон Хорн отправился к себе.

Вирджиния, покинутая всеми, даже верным Сингом, который, наверстывая упущенное за предыдущий день, вновь отправился на берег ловить птиц, чувствовала себя не в своей тарелке из-за вынужденного безделья и одиночества. Какое-то время она бродила по замкнутому сектору, отведенному для белых, но вскоре ей это наскучило, и она решила выйти за ограду, чего раньше никогда не делала, разве что в сопровождении фон Хорна, ибо и он, и ее отец категорически запретили ей отлучаться с территории лагеря.

— Что там может быть страшного? — подумала она. — Мы же знаем, что, кроме нас, на острове нет ни души, как нет и хищных зверей. И вообще, всем как будто безразлично, что со мной будет, вот разве только... разве только... хотелось бы знать, ему безразлично или нет? Интересно, обрадует ли это меня или нет. О, Господи, разобраться бы наконец в себе...

С этими мыслями она пересекла маленькую вырубку, устремляясь в джунгли.

Когда фон Хорн и профессор Максон беседовали в лаборатории накануне происшествия с контейнером № 13, из находящегося напротив низкого сарая выбралось чудовищно уродливое существо и вскоре пришло к тонкой двери здания, в котором происходил разговор коллег. Некоторое время оно напряженно прислушивалось, но когда фон Хорн высказался за необходимость ликвидировать «страшные бездушные существа», его отвратительные черты исказились гримасой страха и ненависти. Затем, словно огромный медведь-гризли, оно отвернулось и вперевалку заковыляло к задней, то есть восточной части ограды.

Здесь оно несколько раз безрезультатно подпрыгнуло, пытаясь дотянуться до верха частокола, после чего, трясаясь и рыча от ярости, забегало взад-вперед вдоль забора, подобно тому, как пойманный дикий зверь гневно расхаживает перед решеткой клетки, в которой оказался.

Наконец, монстр остановился, глядя в очередной раз на непреодолимое препятствие, преградившее путь к побегу. Затем глаза его забегали по территории лагеря, пока не остановились на покато́й крыше

сарая, служившего ему жилищем. Постепенно в неразвитом, ущербном мозгу стала зарождаться неопределенная мысль.

Существо приблизилось к сараю. Дотянувшись до столбов, служивших опорой для крыши, оно, подобно огромному слизняку, заползло наверх. Оказавшись на крыше, монстр увидел пространство за территорией лагеря и ощутил зов свободы диких джунглей. Чудовище не понимало, что там такое, но в густой листве оно обнаружило много просветов и лазеек, сулящих убежище от тех, кто задумал лишить его жизни.

Однако ограда находилась футах в шести, а ее верх не менее чем в пяти футах над крышей сарая — те, кто проектировал лагерь, постарались удалить это строение на достаточное расстояние от забора, чтобы предотвратить возможность побега.

Существо с испугом посмотрело в сторону лабораторий. Ему вспомнился немилосердный хлыст, который всегда обрушивался на него за любое действие, не совпадавшее с желанием хозяина, и при мысли о фон Хорне в его глазах разной величины зажегся недобрый блеск.

Пытаясь дотянуться с крыши до ограды, существо потеряло равновесие и едва не свалилось «на землю. Осторожно пятясь, оно стало выискивать способ преодолеть препятствие. Внимание его привлекла жердь, торчащая из-под пальмовых листьев, покрывавших крышу. Единным рывком вырвав ее из гнезда и протянув в сторону ограды, монстр обнаружил, что она упала на край частокола, но побоялся перейти по единственной хрупкой перекладине.

Тогда он быстро выдернул одну за другой дюжину жердей с крыши, уложил их рядом и получился довольно прочный мостик, ведущий к свободе. Через мгновение монстр уже сидел на верху ограды, свесив ноги. Подтянув жерди к себе, он сбросил их одну за другой на землю по другую сторону лагеря, затем спрыгнул сам.

Собрав жерди в охапку, он побежал вперевалку в джунгли, не желая оставлять следов учиненного им разгрома, так как продолжал панически бояться возможных ударов хлыста.

Вокруг него сомкнулась зеленая листва, и мирные джунгли поглотили следы безобразной твари, устремившейся в тенистую чащу.

Когда фон Хорн зашел в экспериментальную зону, его пронизательный взгляд тотчас заметил развороченную на восточном конце сарая крышу. Он стремительно направился к низкой постройке. Уродливые монстры сидели на корточках в своих отсеках, либо лежали на циновках.

Как только человек вошел, они первым делом покосились на хлыст, свисавший из правой руки, а затем обменялись перепуганными взглядами, словно вопрошая, кто из них тяжко провинился на сей раз.

Фон Хорн обвел глазами сборище жутких образин.

— Где Номер Один? — спросил он, адресуя вопрос существу, чей лоб свидетельствовал о большей сообразительности, чем у его сотоварищей.

Тот покачал головой.

Фон Хорн отвернулся и обошел участок, но не обнаружил никаких следов пропавшего. За исключением разрушенной части крыши все как будто было в порядке. С озабоченным лицом он вошел в лабораторию.

— Номер Один бежал в джунгли, профессор, — объявил он.

Максон удивленно поднял глаза, но прежде, чем он успел ответить, раздался пронзительный женский крик, полный испуга.

Мужчины вздрогнули.

Фон Хорн со всех ног бросился к сектору белых, профессор Максон следом за ним. От мрачных предчувствий оба побледнели. На территории белых никого не оказалось, даже Синга. Без единого слова мужчины бросились в джунгли в том направлении, откуда донесся этот единственный, не на шутку встревоживший их крик.

Прогуливаясь без цели под сенью тропической листвы, Вирджиния Максон вдруг спохватилась, что отошла от лагеря дальше, чем намеревалась. День выдался знойный, от жары не спасала даже густая тень джунглей. Девушка медленно пошла назад, глядя под ноги и грустно размышляя о странном поведении и непонятном настроении отца.

Погруженная в свои мысли девушка не замечала ничего вокруг и, естественно, не почувствовала приближения другого существа. Во всяком случае, когда она наконец ощутила, что находится не одна, и подняла глаза, то увидела, что путь ей преградило страшное чудовище с неопишимо уродливым лицом.

От неожиданности девушка непроизвольно закричала. И неудивительно. Это нечто, внезапно возникшее перед ее глазами, было до крайности невразумительным. Огромная гора обезображенной плоти, одетая в грязно-белую пижаму! Лицо монстра имело пепельный оттенок свежего трупа, тогда как белые волосы и розовые глаза указывали на отсутствие пигментации, что характерно для альбиносов.

Один его глаз был вдвое больше другого и располагался на дюйм выше, чем его крошечный собрат. Вместо носа над безобразно перекошенным ртом зияло отверстие. У существа отсутствовал подбородок, и его маленькая беззлобная голова, посаженная на

необъятную тушу, напоминала пушечное ядро, лежащее на вершине холма. Одна рука была длиннее другой по меньшей мере на двенадцать дюймов, хотя рука покороче была и без того непропорционально длинной по отношению к туловищу. Ноги, столь же разновеликие, завершались огромными плоскими ступнями, вывернутыми наружу, отчего страшилище при ходьбе уродливо переваливалось из стороны в сторону.

Когда его безобразные глаза остановились на незнакомом создании, на его отталкивающем лице появилась жуткая гримаса, видимо, выражающая радость. Номер Один никогда прежде не видел женщин, и созерцание Вирджинии вызвало в глубинных недрах его естества, лишенного души, огромное желание потрогать ее руками. Она была очень красива. Номер Один решил, что отныне она всегда будет при нем. Сделать это будет не трудно, ведь она такая хрупкая. Он просто унесет ее на своих могучих лапах в джунгли, подальше от человека с хлыстом и того, угрюмого, не приветливого, который постоянно взвешивал Номера Один и его сотоварищей, изучая их в то же время своими странными блестящими глазами, наводившими даже больший страх, чем жестокие удары хлыстом.

Номер Один заковылял вперед, протягивая руки к охваченной ужасом девушке. Вирджиния попыталась снова закричать, повернуться и убежать, но при виде неумолимо надвигающегося монстра ее словно парализовало.

Еще несколько секунд, и он настигнет ее. Вот он уже широко распахнул рот в отвратительном подобии улыбки. Сейчас он схватит ее своими длиннющими руками. Но что это? За спиной послышался треск веток, мимо промелькнуло желтое морщинистое лицо и взлетевшая косица волос, и отважный старый Синг Ли схватился с могучим монстром, угрожавшим девушке.

Схватка была короткой, короткой и ужасной. Храбрый китаец попытался вцепиться в мертвенно-бледное горло своего противника, но жилистые, мускулистые руки Синга оказались жалкими тростинками по сравнению с противостоящей ему нечеловеческой силой монстра. Держа девушку в вытянутой руке, Номер Один другой рукой отцепил от себя налетевшего китайца, поднял над головой и ударил в ствол огромного дерева. Затем подхватил Вирджинию на руки и нырнул в непроходимые заросли джунглей.

IV

НОВОЕ ЛИЦО

Когда профессор Максон и фон Хорн выскочили из лаборатории и побежали к сектору белых, они в спешке забыли запереть за собой дверь, и теперь, впервые со дня заселения лагеря, она оказалась не только не запертой, но и распахнутой настежь.

Перед этим профессор производил замеры черепа последнего своего творения, попутно прививая молодому человеку первые навыки человеческой речи, и сейчас объект его стараний неожиданно обнаружил, что остался один. До сих пор он ни разу не покидал стен лаборатории, так как профессор не желал, чтобы он общался с уродливыми продуктами его ранних экспериментов. И вот, охваченный естественным любопытством, он подошел к двери, в которую так неожиданно выскочили его создатель и человек с хлыстом.

С порога его взору предстало огромное огороженное пространство с безмерно высоким лазурным куполом неба, а за оградой — верхушки зеленых деревьев, слабо колышущиеся от легкого ветерка. Его ноздри почувствовали будоражащий запах свежей земли и растущей зелени. Впервые ощутил он на своем лице дыхание Природы, вольной и безбрежной.

Он выпрямился в полный рост, наполняя легкие сладким воздухом свободы, и с этого момента, ощутив новый вкус, возненавидел душное замкнутое пространство своей темницы.

Его девственный разум наполнился удивлением от множества новых впечатлений, которые ринулись в его мозг через все органы чувств. Ему захотелось большего, а открытая калитка манила выйти в широкий мир. Ступая свободным непринужденным шагом человека, который абсолютно не сознает своего «я», он вышел за территорию лагеря и очутился на расчищенном от деревьев участке между оградой и джунглями.

Ах, здесь мир оказался еще более прекрасным! Зеленые листья кивали ему, и он пошел на их зов, и джунгли протянули к нему миллионы рук, заключая его в свои объятия. Впереди, сзади, справа и слева не было ничего, кроме великолепной зеленой красоты, испещренной мазками потрясающих красок, заставившей его ахнуть от изумления.

Над головой проносились птицы, ему казалось, что цветы и птицы —

это одно и то же, и когда он бережно сорвал цветок, то удивился, что тот не затрепетал у него в руке.

Он шел все дальше и дальше, очень медленно, поскольку не хотел упускать ни одной детали этой странной и удивительной картины, но вдруг тихая прелесть окружающего мира грубо нарушилась треском и топотом в подлеске.

Номер Тринадцать стоял на маленькой поляне в джунглях, когда услышал непонятный шум. Повернув голову на странные звуки, он оторопело уставился на выползающее из кустов страшилище.

Что за жуткое создание! Но в тот же миг его взор упал на то, что урод держал в руках. Это создание было иное — совершенно иное — нежное, прекрасное, белокожее. Он не понял, что происходит, ибо все было для него в диковинку, но когда он поймал взгляд прекрасного создания и увидел простертые к нему руки, то, даже не понимая ее слов, сообразил, что она в опасности. Что-то подсказало ему, что тащившее девушку чудище причиняло ей страдания.

Вирджиния Максон была едва жива от страха, когда внезапно увидела белого человека, одетого в грубую белую туземную одежду, который преградил путь безобразной твари, уносившей ее навстречу ужасной судьбе.

При виде человека она обрела дар речи и простерла к нему руки, моля о спасении. И хотя он не ответил, ей показалось, что он понял, ибо подскочил к ним прежде, чем ей удалось подать голое.

Как и раньше, когда Синг пытался отнять у него новое приобретение, Номер Один держал девушку одной рукой, отражая другой атаку нападающего, но на сей раз он столкнулся с совершенно иным противником.

В действительности же Номер Тринадцать не имел ни малейшего представления о единоборстве, тогда как Номер Один уже приобрел кое-какой опыт по этой части, но Номер Тринадцать обладал прекрасно развитым мозгом, а также стальными мускулами, не уступавшими его уродливому сопернику.

Гигант-монстр сразу почувствовал, что одной рукой ему не справиться с сильным противником, и тут же ощутил на своем горле его могучие пальцы. Все еще не желая расставаться с добычей, он тщетно отбивался, нанося удары по лицу неприятеля, пока сам не стал задыхаться. Тогда он выпустил девушку из рук и яростно сцепился с человеком, который душил его одной рукой, а другой осыпал его голову и лицо градом могучих безжалостных ударов.

Ослабевшая от нервного потрясения девушка осела на землю и не пыталась убежать. С округлившимися от ужаса глазами она наблюдала за схваткой, которая велась из-за нее. Она увидела, что ее спаситель молод, хорош собой, прекрасно сложен — короче, превосходный образец мужского совершенства. К своему великому удивлению, Вирджиния вскоре обнаружила, что по силе он ничуть не уступает монстру, с которым вступил в поединок.

Соперники с бешеной яростью катались по земле, пуская в ход кулаки, зубы, ногти. Все происходило почти бесшумно, если не считать их прерывистого дыхания и звериного рычания, издаваемого время от времени Номером Один. Так они боролись в течение нескольких минут, пока молодому человеку не удалось схватить соперника за горло обеими руками. Стиснув что было сил пальцы, он поднялся с земли вместе с чудовищем и стал яростно колотить его затылком о ствол дерева. Наконец, монстр обмяк, тогда человек отшвырнул в сторону неподвижное тело и, не удостоив его взглядом, повернулся лицом к девушке.

Перед ним возникла нелегкая проблема. Он отвоевал девушку, но что с ней теперь делать? Он обладал разумом ребенка и мускулами взрослого человека. Поэтому он поступил так, как поступают дети — подражая тому, что делают другие. А поскольку монстр нес это прелестное существо на руках, значит, и ему следует так поступить. И, нагнувшись, он поднял Вирджинию Максон с земли.

Она попыталась втолковать ему, что, передохнув, сможет идти сама, но вскоре стало ясно, что он не понимает ее, так как на его лице появилось недоуменное выражение, и он не опустил ее, как она просила. Вместо этого он постоял в нерешительности некоторое время, а затем медленно двинулся в джунгли. По чистой случайности он направился в сторону лагеря, и это обстоятельство настолько успокоило девушку, что она осталась тихо лежать у него на руках, и это не было ей неприятно.

Чуть позже она набралась храбрости и посмотрела ему в лицо. Вирджиния обнаружила, что никогда прежде не видела таких аристократически-благородных черт лица и удивилась тому, что этот белый человек находится на острове, и она ничего об этом не знала. Наверное, недавно приехал, и даже ее отец не догадывается о его появлении. То, что он не англичанин и не американец, было очевидно, поскольку он не понимал ее родного языка. Кто же он? И что делает на их острове?

Разглядывая незнакомца, она вдруг перехватила его взгляд и торопливо отвела глаза, злясь на себя за вспыхнувший на щеках румянец.

Молодой человек напрягся, пытаясь постичь значение появившейся на щеках девушки краски и поспешно отведенного взгляда. Размышляя над этим, он вдруг совершенно по-новому ощутил прикосновение ее хрупкого тела. Теперь он не спускал глаз с лица девушки, и его грудь наполнилась доселе неизведанным чувством. Он не понимал, что с ним происходит, но чувство это оказалось очень приятным, и он решил, что это от того, что он несет на руках лучезарное создание.

Встревоженные криком фон Хорн и профессор Максон устремились к восточному побережью острова и примерно на полпути наткнулись на оглушенного, окровавленного Синга, который только что пришел в себя.

— Ради Бога, Синг, что произошло? — взволнованно спросил фон Хорн. — Где мисс Максон?

— Большой зверь. Он хватал Вини. Хотел убивать Синг. Голова очень больно. Больше не видел. Открыл глаза — никого, — простонал китаец, пытаясь встать на ноги.

— В какую сторону он унес ее? — допытывался фон Хорн.

Синг быстро огляделся вокруг и через секунду, с трудом поднявшись, выкрикнул:

— Моя видит след. Быстро!

И, шатаясь от слабости, словно пьяный, он побежал по широкой тропе, проложенной гигантским монстром, похитившим Вирджинию.

Фон Хорн и профессор Максон поспешили за китайцем. Фон Хорна преследовали навязчивые мысли о трагических последствиях, хотя он и убеждал себя в том, что до их прихода с Вирджинией Максон ничего дурного произойти не может. Отец девушки не произнес ни слова с того момента, как обнаружилось ее исчезновение из лагеря, но его лицо было бледным, осунувшимся, глаза расширились и остекленели, как у человека, чей разум находится на грани помешательства.

Проложенная монстром тропа шла очень странно. Дюжина шагов по прямой, затем резкий поворот под прямым углом без видимой причины, и опять поворот в неожиданном направлении. Так они шли по извилистой тропе, ведущей к южной оконечности острова, пока идущий впереди Синг не вскрикнул от удивления.

— Быстро! Глядеть! — воскликнул он. — Большой зверь мертвая, очень сильно мертвая.

Фон Хорн бросился вперед к тому месту, где китаец склонился над телом Номера Один. И верно, громадное чудовище лежало без движения, его жуткое лицо после смерти стало еще более отвратительным, чем было

при жизни. Оно почернело, язык вывалился, кожа — в кровоподтеках от тяжелых кулаков противника, а череп расколот от ужасных ударов о дерево.

Профессор Максон глянул через плечо фон Хорна.

— Бедный Номер Один, — вздохнул он. — Тебя постигла безвременная кончина. О, дитя мое, дитя мое...

Фон Хорн взглянул на него с оттенком сочувствия на суровом лице. Он был тронут тем, что наконец-то его шеф, испытав потрясение, преодолел одержимость наукой и осознал, что у него есть дочь, которая нуждается в его любви и защите. Фон Хорн полагал, что последние слова профессора относились к Вирджинии.

— Хотя осталось еще двенадцать, — продолжал профессор, — ты был моим первенцем, и я любил тебя больше всех, дорогое дитя.

Фон Хорн был шокирован.

— О, Боже, профессор! — вскричал он. — Вы с ума сошли? Как вы можете называть это своим ребенком и скорбеть о нем, когда вам еще не известна судьба вашей родной дочери?

Профессор Максон грустно взглянул на него.

— Вам не понять, доктор фон Хорн, — ответил он холодно, — и вы меня очень обяжете, если в будущем воздержитесь называть моих питомцев словом «это».

Недобро усмехнувшись, фон Хорн повернулся к старшему коллеге спиной. Его чувство преданности и симпатии, испытываемое к профессору, сильно пошатнувшееся в последнее время, улетучилось навсегда. Между тем Синг изучал место в поисках следов, указывающих на причину смерти Номера Один и вероятного направления, в котором скрылась Вирджиния Максон.

— Кто же мог убить такую громадину, Синг? Как ты считаешь? — спросил фон Хорн.

Китаец покачал головой.

— Моя не знает, — ответил он. — Большая драка. Глядеть.

И он указал на разрытую землю, сломанные кусты и поваленные в ходе схватки молодые деревца.

— Сюда! — крикнул Синг и бросился в чащу, на сей раз в направлении северо-запада, к лагерю.

Троица устремилась по новому следу, ломая голову над тем, что за сверхчеловеческая сила прикончила Номер Один. Кто бы это мог быть? Ясно, что никто из малайцев или ласкаров с ним не справился бы, а иных существ, диких или разумных, которые смогли бы хоть на миг

противостоять свирепой жестокости монстра, на острове не было. Разве что... От неожиданной мысли фон Хорн оцепенел. Возможно ли это? Но иного объяснения он не находил. Вирджинию Максон вызволил из лап одного бездушного монстра другой, столь же неумолимый и ужасающий.

Значит, кто-то из монстров сбежал из лагеря. Фон Хорн расстегнул обе кобуры и крепче взялся за хлыст, приказав китайцу прибавить шагу. Он задавался вопросом, который из них вырвался на свободу, но даже помыслить не мог, что спасителем Вирджинии Максон был ни кто иной, как последний образец профессора Максона. Перед его мысленным взором возникали лишь омерзительные морды всех остальных.

Встреча с беглецом произошла совершенно неожиданно. При его виде фон Хорн с криком бросился вперед, размахивая плеткой. Номер Тринадцать удивленно обернулся на крик, и, предчувствуя новую опасность для той, которая лежала у него на руках, бережно поставил ее на землю позади себя, сам же двинулся навстречу противнику.

— Прочь с дороги, урод, — воскликнул фон Хорн. — Если ты обидел мисс Максон, я всажу тебе пулю в лоб!

Номер Тринадцать не понял адресованных ему слов, но увидел в действиях человека угрозу, не для себя, а для создания, за которое ощущал личную ответственность. Он пошел навстречу человеку скорее для того, чтобы не подпустить его к девушке, а не с целью физической расправы, ибо он узнал в человеке одного из тех двоих, кто присутствовал при пробуждении его сознания.

Фон Хорн не стал вникать в намерения беглеца. Замахнувшись плеткой, он наотмашь хлестнул Номера Тринадцать по лицу, одновременно наставив ему в грудь револьвер. Но не успел он нажать на курок, как на него обрушилась гора мускулов, и он рухнул на гниющую растительность джунглей, ощущая на своем горле сильные пальцы.

Револьвер выстрелил в воздух, затем оружие выхватили из его руки и зашвырнули далеко в кусты. Номер Тринадцать ничего не знал об опасности огнестрельного оружия, но звук выстрела испугал его, а хлесткий удар хлыстом по; лицу убедил, что незнакомый предмет — очередной источник мучений, от которого следовало избавиться.

Вирджиния Максон похолодела от ужаса, видя, что ее спаситель вот-вот задушит фон Хорна. Вскрикнув, она вскочила на ноги и подбежала к ним в тот момент, когда из кустов появился ее отец, с трудом поспевавший за неумолимым китайцем. Схватив гиганта за запястье, девушка, попыталась оторвать его руку от горла фон Хорна, словами и выражением глаз моля пощадить человека, который, как она считала, любил ее.

И снова Номер Тринадцать сообразил, что от него требуется, не понимая значения слов, и, отпустив фон Хорна, позволил ему встать. Вскочив стремительно на ноги, тот в ту же секунду выхватил второй револьвер. Но как только палец фон Хорна лег на спусковой крючок, Вирджиния Максон бросилась между ними и, перехватив руку доктора, отвела ствол в сторону прежде, чем раздался второй выстрел. В ту же секунду профессор Максон подскочил к фон Хорну и обрушился на него со сверхчеловеческой силой маньяка.

— Идиот! — закричал он. — Ты что задумал? Убить...

Тут он вовремя спохватился, вспомнив о присутствии дочери, которая не должна была знать о происхождении молодого гиганта.

— Вы меня удивляете, доктор фон Хорн, — продолжал он более спокойным тоном. — Вероятно, вы забылись, напав на незнакомого человека, появившегося на нашем острове, прежде чем выяснить, друг он или враг. Довольно! Отведите мою дочь в лагерь, а я останусь принести достойные извинения этому джентльмену.

Увидев, что Вирджиния и фон Хорн заколебались, он повторил приказ властным голосом, добавив:

— Делайте, как вам велено, да поживей.

Тем временем к фон Хорну вернулось самообладание, и, сознавая, как и его хозяин, но из иных соображений, необходимость утаить от девушки правду, он взял ее под руку и увел прочь. По распоряжению профессора Максона, Синг последовал за ними.

За свою короткую жизнь Номер Тринадцать не знал иного авторитета, нежели профессор Максон, поэтому, когда тот взял его за руку, он остался стоять на месте, глядя, как другой уводит прекрасное создание, которое он считал своим.

Профессор продержал молодого человека в джунглях до наступления темноты, а затем, под покровом ночи, отвел назад в лабораторию.

V

ЗАГОВОР

Вернувшись в лагерь, Вирджиния долго рассказывала фон Хорну о спасшем ее молодом гиганте, и у того возникло опасение, что она чересчур заинтересовалась своим избавителем, а это никак не входило в планы доктора.

Теперь, когда он отбросил последние остатки преданности своему патрону, он почувствовал себя свободным и решил использовать все доступные средства, чтобы завоевать дочь профессора Максона, а заодно и богатое наследство, которое, как он знал, достанется девушке в случае, если ее отец, в силу непредвиденного несчастного случая, скончается прежде, чем вернется в цивилизованный мир и сможет изменить завещание. Последнее обстоятельство было вполне реальным, если фон Хорн женится на девушке вопреки воле отца и таким образом помешает безумным планам сошедшего с ума профессора.

Прежде всего фон Хорну предстояло убедить девушку, что она находится в серьезной опасности, а защиту ей следует искать не у отца, а у него, фон Хорна. А для того, чтобы подорвать доверие Вирджинии к отцу, он решил рассказать ей во всех деталях о таинственных экспериментах, доведенных до успешных результатов за время их пребывания на острове.

Первый же заданный девушкой вопрос дал ему в руки необходимый ключ.

— Откуда могло взяться это страшное чудовище, которое напало на меня в джунглях и едва не убило беднягу Синга? — спросила она.

Фон Хорн ответил не сразу, искусно изображая замешательство.

— Прошу понять меня правильно, мисс Максон, — заговорил он печальным голосом. — Мне очень не хотелось бы нарушать запреты вашего отца и посвящать вас в это и другие дела, которые имеют самое непосредственное отношение к вашей безопасности. Однако я чувствую, что после сегодняшних ужасов я просто обязан ввести вас в курс дела. Нельзя допустить, чтобы вы снова подверглись тем опасностям, от которых вас спасло чистое чудо.

— Не понимаю, на что вы намекаете, доктор фон Хорн, — сказала Вирджиния, — но если то, о чем вы собираетесь поведать мне, идет вразрез с требованиями моего отца, то я предпочту, чтобы вы хранили молчание.

— Ничего вы не понимаете, — воскликнул фон Хорн. — Вы даже не представляете себе все те кошмары, с которыми мне пришлось столкнуться на этом острове и которые еще предстоит пережить. Если бы вы знали, что вас ожидает, то предпочли бы умереть. Я был предан вашему отцу, Вирджиния, но не будь вы слепы или равнодушны, вы давно бы заметили, что ваше благополучие означает для меня больше, чем верность ему, больше, чем моя собственная жизнь или честь. Вы спросили, откуда взялось существо, напавшее на вас сегодня. Я скажу. Это одно из дюжины таких же монстров, которых сотворил ваш отец, одержимый безумной идеей разгадать тайну жизни. Он ее разгадал, но, Боже, какой ценой! Произведя на свет уродливых бездушных отвратительных чудовищ!

Девушка подняла глаза, полные ужаса.

— Вы хотите сказать, что мой отец в безумном стремлении присвоить функции Создателя сотворил это мерзкое чудовище? — спросила она еле слышным шепотом. — И что на острове есть еще и другие?

— Целая дюжина, — ответил фон Хорн, — как раз по соседству с вами. Трудно сказать, кто из них самый безобразный и отвратительный. Они — гротескные карикатуры на человека, без души и почти без разума.

— Господи! — прошептала девушка, закрыв лицо руками. — Он сошел с ума. Он сошел с ума.

— Я действительно считаю, что он сумасшедший, — сказал фон Хорн, — и вы тоже ни на миг не сомневались бы в этом, если бы я рассказал вам о самом страшном.

— Самом страшном? — переспросила девушка, — Что может быть страшнее того, что вы уже рассказали? О, почему вы это допустили?

— Есть куда более страшные вещи, о которых я еще не рассказывал. Настолько страшные, что я не могу заставить себя это произнести, но вы должны знать. Если я скрою это от вас, то понесу большую ответственность, чем ваш отец, ибо мой рассудок во всяком случае не помутился. Вирджиния, вы хорошо запомнили то отвратительное существо, которое уволокло вас в джунгли?

— Да, — ответила девушка, содрогаясь от воспоминания.

Фон Хорн бережно взял ее за руку, словно предохраняя от удара, который ему предстояло ей нанести.

— Вирджиния, — произнес он тихим проникновенным голосом, — ваш отец намерен отдать вас в жены одному из этих монстров.

Девушка отшатнулась с криком возмущения.

— Это не правда! — воскликнула она. — Это не правда. О, доктор фон Хорн, как вы посмели придумать такую жестокую гадкую ложь!

— Пусть судьей мне будет Всевышний, Вирджиния, — сказал фон Хорн с благочестивым выражением лица, — но это правда. Ваш отец не скупился на слова, говоря мне об этом, когда я просил вашей руки. Согласно его решению, вы станете женой Номера Тринадцать, как только завершится курс его обучения.

— Я скорее умру! — вскричала девушка.

— Почему бы вам не согласиться на мое предложение? — подсказал фон Хорн.

Вирджиния посмотрела ему прямо в глаза, словно пытаясь проникнуть в его сокровенные мысли.

— Дайте мне время на размышление, доктор, — ответила она. — Мне нужно разобраться в своих чувствах к вам.

— А вы вспомните Номер Тринадцать, — посоветовал он, — и решение придет само собой.

— Я не стану выходить за вас замуж только для того, чтобы избежать худшей участи, — ответила девушка. — Не такая уж я трусиха, но дайте мне все обдумать. Ведь пока мне ничто не грозит, не так ли?

— Кто знает, — отозвался фон Хорн, — какие новые, непостижимые причуды придут в голову безумцу и в какой именно момент.

— Где же мы смогли бы заключить брак? — спросила Вирджиния.

— «Итака» доставит нас в Сингапур, а когда возвратимся, вы будете находиться под моим законным покровительством и Защитой.

— Я обдумаю это со всех точек зрения, — с грустью ответила она, — а сейчас спокойной ночи, мой дорогой друг.

И с вымученной улыбкой она ушла в свою хижину.

В течение следующего месяца профессор Максон занимался обучением Номера Тринадцать. Молодой человек оказался настолько способным и делал такие невероятные успехи, что превзошел самые оптимистичные надежды учителя.

Все это время фон Хорн продолжал уговаривать девушку принять его предложение, но когда он поставил вопрос ребром, она не нашла в себе сил дать положительный ответ. Ей казалось, что она любит его, но почему-то не решалась произнести слова, которые навсегда связали бы их жизни.

Малайца Будудрина, первого помощника капитана, тоже одолевали нелегкие мысли, однако совершенно иного свойства. Он непрерывно думал о своем главном шансе, воплотившемся для него в виде огромного сундука, а также о более скромном вознаграждении, которое ожидало его, если он передаст девушку радже Мюда Саффиру. Пока же ему не удалось придумать надежного плана, чтобы одновременно осуществить обе цели, и

лишь это обстоятельство мешало приступить к реализации коварных замыслов.

Когда малайцу стало известно о присутствии в лагере жутких монстров, он использовал эту информацию для разжигания недовольства и неповиновения среди невежественных и суеверных членов подчиненного ему экипажа. Просверлив отверстие в ограде, отделяющей их территорию от зоны, где работал профессор Максон, он продемонстрировал потрясенным людям безобразных страшилищ, находившихся с ним по соседству. Разумеется, помощник капитана не подозревал об истинном происхождении этих монстров, но поскольку их не было на острове, когда прибыла «Итака», и они не смогли бы высадиться и попасть в лагерь незамеченными, то си приписал их появление воздействию некой сверхъестественной злой силы.

Экипаж безоговорочно поверил этому объяснению, а также заявлению Будудрина о том, что профессор Максон обладает способностью превратить их всех в таких же чудовищ. Брошенное на благодатную почву семя дало пышные всходы. Странное поведение профессора, свидетелями которого они часто бывали, объяснялось сглазом, -а в любом недомогании у кого-либо из членов экипажа винили сатанинское воздействие. Был лишь один способ избавиться от ужасов такого проклятья — ликвидировать его источник, и когда Будудрин обнаружил, что его люди созрели для этого и стали уже обсуждать способ убийства, то подлил масла в огонь разгоравшегося бунта, объяснив экипажу, что если с белыми что-либо случится, то он станет полновластным хозяином их имущества, в том числе и тяжелого сундука, и что каждый член экипажа получит щедрое вознаграждение.

Единственным препятствием, вставшим на пути Будудрина, был фон Хорн. С присущей малайцам природной трусостью, он боялся сурового американца, который ни на миг не расставался с оружием, и именно в этот психологически сложный момент доктор сам помог своему помощнику, к немалой радости последнего.

Отчаявшись завоевать Вирджинию мирными ухаживаниями, фон Хорн стал подумывать о применении силы и окончательно укрепился в этом решении после разговора с отцом девушки.

Он беседовал с профессором в лаборатории о замечательных успехах Номера Тринадцать в овладении английским и светскими манерами, которым они сообща обучали молодого гиганта. Конфликт между последним и фон Хорном был улажен благодаря убедительным объяснениям профессора Максона, которые тот высказал Номеру

Тринадцать, как только молодой человек научился понимать язык свободно. А до того времени профессору пришлось не допускать фон Хорна в лабораторию, когда гигант находился в главном помещении, а не у себя, в соседнем.

Для осуществления задуманного плана фон Хорну было необходимо помириться с Номером Тринадцать, добиться дружбы молодого человека, и он старался изо всех сил достичь этой цели. Потому-то он и проводил столько времени с Номером Тринадцать, обучая его английскому языку и этикету.

— Он делает изумительные успехи, доктор, — проговорил профессор Максон. — День-другой, и я смогу представить его Вирджинии, но мы должны постараться, чтобы она ни в коем случае не догадалась о его происхождении, пока между ними не установится прочная взаимная симпатия.

— А если этого не произойдет? — поинтересовался фон Хорн.

— Я бы предпочел, чтобы они подружились сами, без постороннего вмешательства, — ответил профессор, и глаза его вспыхнули странным огнем. — В противном случае я заставлю их сделать это с помощью своего авторитета — оба они принадлежат мне, и душой и телом.

— Я полагаю, что вы потерпите с осуществлением ваших желаний до тех пор, пока не вернетесь вместе с ними в цивилизованный мир, — сказал фон Хорн.

— С какой стати? — удивился профессор. — Я сам могу обвенчать их здесь, так оно будет вернее. Да, именно так я и поступлю.

Видя такую -одержимость профессора Максона, фон Хорн решил действовать без промедления, тем более, что теперь у него появилось реальное основание для исполнения задуманного.

Вскоре после разговора профессор покинул лабораторию, и фон Хорн воспользовался случаем, чтобы начать второй этап своей кампании. Номер Тринадцать сидел возле окна, выходящего во внутренний двор, упражняясь в написании английских слов. Фон Хорн подошел к нему,

— У тебя неплохо получается, Джек, — сказал он с похвалой, заглядывая тому через плечо и называя его именем, которым нарекли безымянного юношу по предложению фон Хорна, чтобы придать взаимоотношениям с ним более человеческий оттенок.

— Да, — ответил Номер Тринадцать, глядя на него с улыбкой. — Профессор Максон говорит, что через пару дней поселит меня в своем доме, и я снова увижу его прекрасную дочь. Не могу поверить, что стану жить под одной крышей с ней и встречать ее каждый день, сидеть с ней за

одним столом, гулять вместе среди чудесных деревьев и цветов, которые были свидетелями нашей первой встречи. Интересно, помнит ли она меня. Обрадуется ли нашей встрече так же, как обрадуюсь я.

— Джек, — заговорил фон Хорн с печалью в голосе, — боюсь, что тебя ожидает жестокое разочарование. Мне больно оттого, что так оно и будет, но как честный человек я обязан сказать тебе о том, что профессор Максон либо не знает, либо не учел одно обстоятельство: его дочь страшно разочаруется, когда узнает о твоём происхождении. Ты не человек, а лишь результат лабораторных экспериментов. У тебя нет души, а именно душа возвышает человека над животными. Джек, бедный мальчик, ты не только не человек, но даже не животное. Общество и мисс Максон как его представительница не примет тебя. На тебя станут глядеть как на чудовище, жуткого монстра, гораздо более недостойного, чем самое низшее животное. Гляди, — и фон Хорн указал в окно на группу отвратительных созданий, бесцельно бродивших по «двору тайн». — Ты из той же породы, что и они, и отличаешься от них только совершенным телом, красивым лицом и высоко развитым мозгом. В мире нет для них места, как и для тебя. Мне очень жаль, но это так. И я сожалею, что именно я рассказываю тебе об этом; но будет лучше, если ты узнаешь правду от друга, нежели обнаружишь ее в тот момент, когда меньше всего ее ожидаешь, из уст человека, к которому воспылаешь безответным чувством.

Молодой человек слушал фон Хорна с выражением отчаяния на лице, а когда тот замолчал, обреченно закрыл лицо руками, сидя тихо и неподвижно, словно статуя. Его мощная фигура не содрогалась от рыданий, внешне он оставался совершенно безучастным, несмотря на постигшее его страшное горе, и только в его позе сквозила полнейшая подавленность и безысходность.

Фон Хорн не смог сдержать презрительной улыбки. На такой эффект он и не рассчитывал.

— Не огорчайся, мой мальчик, — продолжал он. — Мир велик. В нем ты без труда найдешь место, где никто не будет знать и не станет расспрашивать о твоём прошлом. Ты еще сможешь познать счастье. На свете есть сотни тысяч девушек, таких же красивых и милых, как Вирджиния Максон. Не забывай, что ты не видел других, поэтому не можешь сравнивать.

— Зачем он вообще создал меня? — воскликнул вдруг молодой человек. — Это подло, подло, страшно бездушно и подло.

— Я согласен с тобой, — поспешно сказал фон Хорн, увидев лазейку, которая безмерно облегчала его будущие планы. — Это было подло, а еще

более подло продолжать эту работу и производить на свет все новых страдальцев, которые станут мишенью и игрушкой в руках жестокой судьбы.

— И он намерен сделать это? — спросил юноша.

— Если его не остановить, — ответил фон Хорн.

— Его нужно остановить, — воскликнул Номер Тринадцать. — Даже если для этого потребуется убить его.

Удовлетворенный поворотом событий, фон Хорн пожал плечами и повернулся к выходу.

— Если бы он причинил мне такое зло, как тебе и тем, другим, — сказал он, махнув в сторону «двора тайн», — то я бы знал, как мне поступить.

С этими словами фон Хорн вышел, оставив дверь незапертой. Он направился напрямик к южному сектору лагеря, где отыскал Будудрина. Поманив его за собой, он пересек поляну и зашел в джунгли, чтобы никто не видел и не слышал их. Китаец Синг, вывешивавший постиранное белье на северной стороне поляны, увидел, как они вышли из лагеря, и несколько удивился.

— Будудрин, — начал фон Хорн, когда они отошли на безопасное расстояние, — я не стану ходить вокруг да около, нужно что-то предпринять немедленно. Я не знаю, насколько ты в курсе той работы, которой занимается профессор Максон со времени прибытия на остров, но это сущий ад. Это нужно прекратить. Ты видел монстров по ту сторону ограды?

— Видел, — ответил Будудрин, содрогнувшись.

— Профессор Максон намерен выдать свою дочь за одного из них, — продолжал фон Хорн. — Она же любит меня, и мы хотим бежать. Могу ли я положиться на тебя и твоих людей? В лаборатории находится сундук, который мы должны забрать с собой. Обещаю, что всех вас ожидает немалое вознаграждение. Мы ничего не замыслиаем, просто оставим здесь профессора Максона вместе с созданными им тварями.

Будудрин едва сумел скрыть довольную улыбку, не веря своей удаче.

— Это очень рискованно, капитан, — ответил он, — Если нас поймают, не миновать нам виселицы.

— Не нужно этого бояться, Будудрин, никто не узнает про нашу тайну.

— А профессор Максон? — встревожился малаец. — Когда-нибудь он выберется с острова, и тогда нас всех повесят.

— Ему никогда не выбраться, — ответил фон Хорн, — об этом

позаботятся его собственные создания. Они уже начинают сознавать весь ужас совершенного против них преступления, а когда окончательно прозреют, всем нам несдобровать. Если ты решил покинуть остров, то лучше всего будет принять мое предложение и убраться отсюда, пока голова еще цела. Если сейчас предложить профессору покинуть остров, он не только откажется, но и предпримет все меры, чтобы помешать нам, вплоть до затопления «Итаки». Этот человек безумец, абсолютный безумец, Будудрин, и мы больше не можем рисковать собственными жизнями, потакая его сумасбродным и преступным капризам.

Малаец лихорадочно соображал. Если бы фон Хорн мог угадать, какие мысли проносились в хитроумном мозгу малайца, он предпочел бы оказаться в американской тюрьме, где ему было бы во сто крат безопасней.

— Когда вы планируете побег? — спросил малаец.

— Сегодня ночью, — ответил фон Хорн, и они принялись обговаривать план действий.

Часом позже второй помощник капитана с шестеркой людей направился в джунгли, держа путь к бухте. Им предстояло подготовить судно к скорому отплытию.

После ужина фон Хорн сидел на веранде в обществе Вирджинии Максон, когда из лаборатории показался профессор, собравшийся отойти ко сну. Минувя их, он отозвал фон Хорна в сторонку с тем, чтобы его дочь не слышала их разговора.

— Вы не заметили ничего странного в поведении Номера Тринадцать? — спросил профессор. — Нынче вечером он был в угрюмом, подавленном настроении, а когда глядел на меня, в глазах его появлялся непонятный злобный огонь. Неужели его разум все-таки дефективен? Это было бы ужасно. Вся моя работа пошла бы насмарку, ибо я не вижу способа, как его выправить.

— Я схожу поговорю с ним, — сказал фон Хорн, — так что если вы услышите нас в лаборатории или даже здесь, снаружи, не волнуйтесь. Может, мне придется взять его на долгую прогулку. Возможно, интенсивные занятия и постоянное пребывание в маленьком здании сказались на его нервах и душевном состоянии. Если его подолгу выгуливать каждый день, он наверняка придет в себя.

— Превосходно, превосходно, — ответил профессор. — Так и сделайте, мой дорогой доктор.

В голосе профессора прозвучали давно забытые нотки дружеского расположения, и фон Хорн даже ощутил легкий укол совести за замышляемое им отвратительное предательство.

Когда профессор Максон вошел в дом, фон Хорн вернулся к Вирджинии и пригласил ее прогуляться перед сном. Девушка охотно согласилась, и они двинулись через поляну к южной оконечности лагеря. Там, в густой тени ограды, возле ворот притаилась человеческая фигура. Девушка не заметила ее, но когда они оказались рядом, фон Хорн дважды кашлянул и прошел с девушкой к опушке леса.

VI УБИТЫ

Устав от отговорок и проволочек Будудрина, который откладывал выполнение своего обещания доставить прекрасную белую девушку, раджа Мюда Саффир решил наконец действовать самостоятельно. Дело в том, что он потерял доверие к первому помощнику капитана «Итаки» и, не подозревая о существовании большого сундука, приписал нерешительность Будудрина желанию самому завладеть девушкой.

Таким образом, в то время как первый помощник капитана с шестеркой людей шли вниз по руслу ручья, направляясь к бухте, где стояла шхуна, к противоположному берегу острова незаметно пристал десяток боевых лодок с пятьюдесятью воинственными даяками, возглавляемый самим Мюда Саффином: пираты высадились в четверти мили от лагеря.

Между тем фон Хорн уводил Вирджинию Максон все дальше от северной оконечности лагеря, где сопротивление, если таковое вообще могло случиться, было наиболее вероятным. Услышав покашливание своего капитана, Будудрин молча подал знак, и через мгновение к нему бесшумно примкнули шестеро свирепых ласкаров.

Как только фон Хорна и девушку поглотила тьма, семерка крадучись двинулась вдоль ограды к северному сектору лагеря. Переполняемые жаждой крови и алчностью, все они без исключения предали бы своего лучшего друга за горсть серебра, и каждый втайне строил планы, как бы заполучить себе и сундук, и девушку.

Именно такую свору негодяев задействовал Будудрин, чтобы те вынесли сокровища из лагеря. В глубине души предводитель надеялся, что он внушил достаточно суеверного страха своим людям для того, чтобы при виде виновника всех воображаемых бед те воспылали желанием убить его, ибо Будудрин был слишком хитер, чтобы отдать прямой приказ расправиться с белым человеком — закон белых простирался далеко, и он чувствовал, что его душа будет спокойнее, если он покинет остров с сознанием того, что о его вероломстве будет знать лишь холодный труп.

Между тем как разворачивались эти события, Номер Тринадцать беспокойно расхаживал взад-вперед по лаборатории. Только что здесь, в его темнице, находился виновник его страданий, а он все же не дал выхода чувству мести, охватившему его целиком. Дважды он был готов напасть на

своего создателя, но оба раза, встречаясь с ним взглядом, сдерживался, сам не зная почему. Теперь, когда профессор ушел, оставив его одного, ощущение содеянной с ним чудовищной несправедливости снова прорвало шлюзы сдерживаемого гнева.

Мысль о том, что он сотворен этим человеком, сотворен по образу и подобию человеческого существа, но в силу необычности своего появления на свет ему отказано занять место даже среди самых низких творений природы, наполнила его негодованием, но не это обстоятельство едва не лишило его рассудка, а врезавшиеся в память слова фон Хорна о том, что; Вирджиния станет относиться к нему с отвращением.

У него не было ни критериев, ни опыта, чтобы определить характер чувств, испытываемых к этому чудесному созданию. Он знал лишь одно — что жизнь его обретет смысл только тогда, когда он сможет постоянно быть рядом с нею — видеть ее и разговаривать с ней каждый день. Он думал о ней непрестанно, вспоминая те краткие восхитительные мгновения, когда он держал ее у себя на руках. Вновь и вновь испытывал он глубокий трепет, как и тогда, когда увидел отведенный взгляд девушки и заливший ее щеки румянец. И чем больше он размышлял о счастье, которого был лишен по вине своего создателя, тем сильнее ненавидел его.

Снаружи уже совсем стемнело. Ведущая на территорию белых дверь была незаперта. Ее оставил открытой фон Хорн по собственному злему умыслу, а профессор по фатальному совпадению впервые забыл проверить, заперта ли она на ночь.

Номер Тринадцать приблизился к двери, взялся за ручку и бесшумно направился к дому, где мирно спал профессор Максон. Тем временем Будудрин и шестеро его головорезов проникли на территорию лагеря через южные ворота и, держась густой тени ограда, крадучись двинулись к зданию лаборатории, где хранился вожаденный тяжелый сундук. Между тем с восточной стороны из джунглей вышли Мюда Саффир с пятьюдесятью даяками, свирепыми охотниками за черепами...

Номер Тринадцать достиг веранды дома и заглянул через окно в гостиную, тускло освещенную прикрученной керосиновой лампой. В комнате никого не было. Подойдя, к двери, он открыл ее и зашел внутрь. В доме было тихо. Он пытался уловить малейший звук, который указал бы, где находится его жертва, чтобы ненароком не попасть в комнату девушки или фон Хорна — ему нужен был профессор Максон. Он не хотел тревожить остальных, которые, как он предполагал, спали где-то поблизости.

Осторожно приблизившись к одной из четырех дверей, выходивших в

гостиную, он неслышно приоткрыл ее и оказался в крошечной темноте. Больше всего Номер Тринадцать боялся попасть в спальню Вирджинии Максон, ибо не хотел напугать девушку своим вторжением и опасался, что, закричав, она разбудит весь дом.

Мысль о том, что его появление вызовет у девушки безмерный ужас, так как он был для нее лишь омерзительным монстром, подлила масла в огонь ненависти, пылавшей в его груди. Сжав кулаки и стиснув зубы, молодой гигант, не имевший души, двинулся по темной комнате бесшумной поступью тигра. Двигаясь наощупь, он обошел всю комнату прежде, чем добрался до кровати.

Затаив дыхание, он нагнулся и стал ощупывать постель, пытаясь обнаружить жертву. Увы, кровать оказалась пустой. Удивленный, он присел на край постели. Если бы его пальцы нащупали горло профессора Максона, то он не разжал бы их до тех пор, пока жизнь не покинула бы его брэнное тело, но теперь, когда волна ненависти несколько схлынула, его впервые обуяли сомнения. Он вдруг вспомнил, что человек, чьей смерти он жаждал, является отцом прекрасного создания, которое он обожает. А вдруг она любит отца, и его смерть причинит ей боль? Этого Номер Тринадцать, конечно, не знал, но сама мысль, раз возникнув, не покидала его, заставляя тщательно обдумывать то, что он решил совершить. Он ни в коей мере не отказался от намерения убить профессора Максона, но теперь возникли сомнения и препятствия, которых раньше не было.

Его представления о добре и зле были еще очень расплывчаты, так как профессор Максон и фон Хорн лишь недавно стали прививать ему понятия о том, что хорошо и что плохо, но одно он усвоил твердо — Вирджиния Максон с презрением отвернется от существа, не имеющего души. И теперь ему пришло в голову, что убийство — как раз тот поступок, который может совершить лишь бездушная тварь. Эта мысль окончательно отрезвила его, ибо он осознал, что задуманный им акт возмездия навсегда сделает его тем, кем он быть не хотел.

Однако до него постепенно стало доходить, что какой бы поступок он ни совершил, ничто не изменит унижительного факта его происхождения и ничто не заставит девушку относиться к нему благосклонно. И, потрянув головой, он встал и вернулся в гостиную, чтобы продолжить поиски профессора.

Проникнув в лабораторию, Будудрин и его люди без труда обнаружили сундук и выволокли его наружу. Малаец уже поздравлял себя с удачей, как вдруг один из его сообщников заявил о намерении прорваться

в дом профессора Максона и перерезать ему горло, чтобы белый, обнаружив пропажу сундука, не смог бы наслать на них порчу.

И хотя это полностью совпадало с планами Будудрина, малец стал отговаривать товарища, чтобы иметь свидетелей, которые при случае подтвердили бы его непричастность к убийству и то, что он использовал весь свой авторитет для предотвращения расправы. Однако когда от группы отделились двое и направились в сторону бунгало, их никто не остановил.

Тем временем взошла луна, и скрывавшиеся в тени ограды Мюда Саффир и его дикари увидели группу, обступившую тяжелый сундук, Будудрина и еще двоих, пробиравшихся к дому. В мозгу Саффира родилось лишь одно объяснение увиденному. Будудрин нашел сокровища, выкрал их и послал двоих головорезов за девушкой, чтобы и она досталась ему, Будудрину.

Рассвирепевший раджа Мюда Саффир шепотом приказал полдюжине даяков ворваться в бунгало с другой стороны и прикончить всех в доме, кроме девушки, которую они должны были доставить на берег, где их ждали боевые лодки.

Затем с оставшимися воинами он незаметно подкрался в темноте к Будудрину и его людям, караулившим сундук. Как только сообщники малайца подошли к дому, Мюда Саффир отдал команду атаковать малайцев и ласкаров, охранявших сокровища. С дикими криками даяки набросились на застигнутых врасплох противников. В лунном свете засверкали паранги и дротики. Последовала короткая ожесточенная схватка. Трусливому Будудрину и его столь же трусливой шайке не оставалось ничего иного, как принять бой, настолько неожиданно напал на них неприятель.

Спустя мгновение свирепые охотники за черепами с Борнео добавили три жутких трофея к своему боевому счету. Будудрин и последний из уцелевших бросились сломя голову в джунгли.

Возобновив поиски профессора Максона, Номер Тринадцать чутким слухом уловил на веранде шлепанье босых ног. Он замер, прислушиваясь, и тут неожиданно тишину ночи взорвали жуткие боевые кличи даяков, а также вопли их перепуганных жертв. Почти одновременно в гостиную примчались профессор Максон и Синг, чтобы выяснить причину страшного переполюха, и в тот же миг в дверь ворвались люди Будудрина с занесенными крисами, а следом за ними даяки Мюда Саффира, размахивающие длинными копьями и грозными парангами.

А в следующее мгновение в небольшой комнате разыгралось побоище.

Даяки, настроенные на кровавую резню, первым делом напали на ласкаров Будудрина, которые, будучи загнаны в угол, сражались за свои жизни, словно сущие дьяволы, и уложили двоих даяков прежде, чем погибли сами. Синг и профессор Максон, стоявшие на пороге, с ужасом глядели на кровавую бойню. Ученый был безоружен, а Синг держал в руке длинный грозный на вид «кольт». Судя по всему, китайцу было не в новинку пользоваться этим оружием и оказываться в чрезвычайных ситуациях, требующих его применения, ибо Синг был невозмутим и бесстрастен.

Наблюдавший за ними из темного угла Номер Тринадцать заметил, что оба сохраняют спокойствие: китаец в силу личной храбрости, профессор из-за непонимания угрожающей ему опасности. В глазах профессора горел странный огонь — отблеск безумия, которое достигло кульминации, спровоцированное нервным потрясением, вызванным неожиданным нападением.

Оставшиеся даяки ринулись на профессора и китайца. Синг выстрелил в одного, а профессор с диким, сумасшедшим криком кинулся на второго. Пуля Синга оцарапала плечо даяка, потекла струйка крови, но выстрел не достиг цели. Синг поспешно нажал на курок, потом еще и еще, но барабан заклинило, и ударник бесполезно щелкал по использованному капсюлю. Налетевшие на китайца двое даяков повалили его на пол, но бесстрашный Синг схватил револьвер за ствол и принялся бить рукояткой направо и налево по коричневым головам.

Человек, на которого набросился профессор Максон, не смог воспользоваться своим оружием, поскольку обезумевший белый намертво вцепился в него одной рукой, нанося другой град ударов. Вокруг них кружил еще один даяк с занесенным парангом, выжидавший, благоприятного момента, чтобы раскроить белому череп.

При виде попавших в беду профессора и китайца, которые тем не менее храбро сражались, Номер Тринадцать мгновенно забыл про то, что явился сюда, чтобы убить седовласого человека, и выскочил на середину комнаты — безоружный гигант, возвышающийся над сражающимися.

Боровшийся с профессором Максоном даяк занес паранг над его головой, но тут запястье охотника за черепами перехватила могучая рука, успевшая, правда, лишь смягчить силу удара, и острие лезвия глубоко рассекло лоб белого человека. Профессор упал на колени. Его противник, освободившийся от цепкой хватки, сковывавшей движение, выхватил короткий нож, которым до сих пор не мог воспользоваться и занес его над головой профессора. В тот же миг Номер Тринадцать сгреб воина в охапку, швырнул в угол комнаты и набросился на второго даяка.

Оторвав его от Максона, молодой гигант поднял даяка высоко над головой и изо всех сил бросил в тот же угол, после чего повернулся к Сингу. Пока китайца спасало от смерти то обстоятельство, что оба дикаря, горя желанием заполучить его череп и вывесить перед своим жилищем в качестве трофея, лишь мешали друг другу, отталкивая конкурента от желанной добычи. От яростно боровшегося за свою жизнь Синга, тем не менее, не укрылось появление молодого гиганта, который вступился за профессора, и с чувством облегчения он увидел, что тот намерен расправиться и с наседавшими на него дикарями.

Оба даяка, домогавшиеся трофея, который природа водрузила на плечи китайца, были настолько захвачены поединком, что не замечали присутствия Номера Тринадцать, пока могучая рука не схватила каждого из них за шею, оторвала от пола и, яростно встряхнув, не швырнула в дальний угол на, тела опередивших их разбойников.

Поднявшись на ноги, Синг обнаружил профессора Максона лежащим в луже собственной крови с глубокой раной на лбу. Рядом молча стоял белый гигант и смотрел на раненого. В другом конце комнаты шевелились, приходя в себя, оглушенные даяки. С опаской встав на ноги и видя, что на них не обращают внимания, даяки бросили прощальный преисполненный ужаса взгляд на могучее существо, одолевшее их голыми руками, и поспешно юркнули в дверь, в темноту ночи.

Нагнав недалеко от берега раджу Мюда Саффира, они наперебой принялись рассказывать страшную историю, в которой фигурировали полсотни белых силачей, понесших большие потери, ибо даяки сражались самоотверженно, хотя в конце концов они вынуждены были отступить перед превосходящими силами противника. Они клятвенно заверяли раджу, что вернулись только потому, что посчитали своим долгом сообщить ему, что девушки в доме не оказались, иначе они доставили бы ее к любимому хозяину.

Само собой, Мюда Саффир не поверил ни единому слову, но он был рад, что ему в руки неожиданно попало огромное сокровище, и он хотел как можно скорее отвезти его к себе, за девушкой же раджа решил вернуться позже. Вскоре десять боевых малайских лодок отчалили от восточного побережья, и, обогнув южную оконечность острова, взяли курс на Борнео.

Между тем Синг и Номер Тринадцать перенесли профессора Максона на кровать, и китаец принялся промывать и забинтовывать рану, от которой ученый потерял сознание. Стоявший рядом белый гигант внимательно наблюдал за каждым движением Синга, силясь понять,

почему люди то убивают друг друга, то защищают и помогают. Он также пытался разобраться в причине своего внезапного изменения по отношению к профессору Максону, но это оказалось выше его разума, и он вскоре перестал ломать над этим голову. По просьбе Синга он стал помогать ему ухаживать за раненым профессором, которого считал виновником своих страданий и которого еще недавно собирался убить.

Через некоторое время со стороны лаборатории донесся оглушительный шум. Яростные удары о дерево перемежались громким рычанием, визгом и нечленораздельной тарабарщиной безмозглых существ.

Синг метнул взгляд на своего напарника.

— Что это? — спросил он.

Гигант не ответил. На его лице промелькнуло страдальческое выражение, и он вздрогнул, но не от страха.

VII

КНУТ

Оказавшись с Вирджинией Максон во мраке джунглей, фон Хорн вновь принялся уговаривать девушку покинуть остров и стать его женой. Он предпочел бы, чтобы Вирджиния последовала за ним добровольно и ему не пришлось бы применять силу. Но в любом случае он заберет ее с собой нынче же ночью, поскольку все готово и механизм запущен.

— Я не могу пойти на это, доктор фон Хорн, — сказала она. — Пусть мне угрожает опасность, но я не брошу своего отца на острове в обществе диких ласкаров и ужасных монстров. Ведь это равносильно тому, чтобы убить его собственными руками. Не понимаю, как вы, человек, которому он больше всех доверяет, можете вообще помыслить об этом. Теперь, когда, по вашим словам, его разум окончательно помутился, я просто обязана остаться с ним и защищать, насколько это в моих силах, от него самого и от его недругов.

В том, как девушка с нажимом произнесла последнее слово, фон Хорн почувствовал прямой намек в свой адрес.

— Это все оттого, что я люблю вас, Вирджиния, — поспешил оправдаться он. — Я не могу допустить, чтобы вы пали жертвой его сумасбродства. Вы не сознаете того, что счет пошел на часы. Завтра Номер Тринадцать должен переселиться под одну крышу с вами. Вспомните-ка Номера Один, которого убил незнакомец, когда монстр тащил вас в джунгли. А теперь представьте, что вам придется спать в одном доме с подобным бездушным зверем, трижды в день садиться с ним за обеденный стол, и все это время знать, что через пару недель вас выдадут за него замуж! Вирджиния, опомнитесь, вам нельзя оставаться здесь ни минуты! Поедьте в Сингапур, это займет всего несколько дней, а потом вернемся сюда, привезем хорошего врача и парочку европейцев и заберем вашего отца от сотворенных им чудовищ. К тому времени вы станете моей женой, и вам уже не будет грозить то, что вас ожидает сейчас. Мы повезем вашего отца в долгое путешествие. Тишина и покой восстановят его ослабленный разум. Поедем, Вирджиния! Прямо сейчас! «Итака» готова к отплытию. Решайтесь!

Девушка покачала головой.

— Сожалею, но, видимо, я не люблю вас, доктор фон Хорн, иначе моя

душа откликнулась бы на ваш призыв. Я буду вам безмерно благодарна, если вы привезете из Сингапура помощь для отца, но сама не поеду. Мое место здесь, рядом с ним.

В темноте девушка не увидела, как изменился в лице фон Хорн, но сказанные им слова выявили произошедшую с ним перемену, и девушке стало не по себе.

— Вирджиния, — сказал он, — я люблю вас, и вы станете моей. Ничто на свете не сможет мне помешать. Когда вы узнаете меня поближе, то полюбите, пока же я должен спасти вас от уготованной вам страшной участи, хотите вы того или нет. Если вы не покинете остров добровольно, то я сочту своим долгом увести вас силой.

— Вы не сделаете этого, доктор фон Хорн! — воскликнула девушка.

Фон Хорн понял, что сболтнул лишнее, выдавая свои планы, и мысленно выругался. Какого черта не является Будудрин! Еще полчаса тому назад он должен был быть здесь и сыграть отведенную ему роль.

— Ладно, Вирджиния, — произнес фон Хорн после минутной паузы, — я этого не сделаю, хотя здравый смысл подсказывает, что я должен это сделать. Оставайтесь здесь, если вы так хотите, и я останусь с вами, чтобы оберегать и защищать вас и вашего отца.

Его слова прозвучали искренне, однако девушка не могла забыть угрожающего тона, с которым была сказана предыдущая фраза. Ей захотелось поскорее вернуться в бунгало.

— Пойдемте, — сказала она. — Уже поздно. Пора возвращаться в лагерь.

Фон Хорн собрался было ответить, как в тропической ночи явственно послышались воинственные кличи даяков Мюда Саффира, напавших на Будудрина и его головорезов.

— Что это? — встревожилась девушка.

— Бог его знает, — отозвался фон Хорн. — Неужели наши люди взбунтовались?

Он решил, что шестерка Будудрина играет свою роль весьма правдоподобно, и на его властном лице появилась мрачная улыбка.

Вирджиния Максон решительно повернула в сторону лагеря.

— Я должна вернуться к отцу, — заявила она, — и вы тоже. Наше место там. Дай Бог, чтобы мы не опоздали.

И прежде, чем фон Хорн успел ее остановить, она побежала сквозь темные джунгли в сторону лагеря.

Фон Хорн бросился следом, но вокруг царил такой крошечный мрак, что девушка тут же исчезла из виду, а звуки ее легких шагов поглотил

мягкий ковер гниющей растительности.

Доктор двинулся прямо к лагерю, но Вирджиния, не привычная к прогулкам по джунглям даже в дневное время, резко свернула влево. Шум, на который она побежала, вскоре затих, заросли сделались гуще, и наконец она поняла, что заблудилась. Выйдя на участок, где деревья чуть расступились и на землю просачивался слабый лунный свет, она остановилась, чтобы перевести дух и сориентироваться.

Прислушиваясь, не раздастся ли какой звук, указывающий на местонахождение лагеря, она услышала треск веток. Кто это был, человек или зверь, она не могла определить и замерла в тревожном ожидании. Звуки приближались. Девушка надеялась, что это фон Хорн, но устрашающие боевые кличи, поведавшие о нападении на лагерь, вселили в нее опасения.

Все ближе и ближе раздавались шаги, и Вирджиния приготовилась бежать, как вдруг в лунном свете увидела смуглое лицо Будудрина и едва не заплакала от радости.

— О, Будудрин! — вскричала она. — Что произошло в лагере? Где мой отец? Он жив? Говори же!

Малаец не мог поверить своему везению, выпавшему так скоро после неудачи с сундуком. Его коварный мозг лихорадочно соображал, и не успела девушка задать последний вопрос, как он уже знал, что будет делать.

— На лагерь напали даяки, мисс Максон, — ответил он. — Многие из наших убиты, но ваш отец спасся и отправился на шхуну. Я как раз ищу вас и фон Хорна. Где он?

— Еще недавно был со мной, но когда мы услышали крики в лагере, я поспешила узнать, что там стряслось, и мы потеряли друг друга.

— Не тревожьтесь о нем, — сказал Будудрин, — в лагере я оставил своих людей, на случай вашего возвращения. Они отведут его на судно. Нам тоже нужно спешить к бухте. Ваш отец станет волноваться, если нас долго не будет. Он хочет сняться с якоря до того, как даяки обнаружат «Итаку».

Рассказ малайца показался Вирджинии достаточно правдоподобным, хотя ее и задели слова о том, что отец заторопился на судно, не разузнав предварительно о ее судьбе. Девушке хотелось верить, что произошло это сугубо по причине его психического расстройства.

Затем она без колебаний последовала за коварным малайцем в сторону бухты. На берегу ручья, ведущего к берегу, он поднял девушку на плечо и так пронес ее остаток пути. Возле берега в судовой шлюпке его

ждались двое ласкаров, которые молча взяли за весла и принялись грести к шхуне.

Оказавшись на борту, Вирджиния тотчас же направилась в каюту отца. Пересекая палубу, она заметила, что судно готово к отплытию, и, спускаясь по трапу, услышала скрежет поднимаемой якорной цепи. Следующая ее мысль была о фон Хорне — успел ли он на судно. Казалось удивительным, что все уже находились на «Итаке», а на палубе ей никто не встретился.

К огорчению девушки, отца в каюте не оказалось, и она, заглянув в каюту фон Хорна, увидела, что и там пусто. Вирджинии стало страшно. Подозревая неладное, девушка побежала к трапу. Подняв голову, она увидела, что крышка люка опущена, а, когда поднялась по ступеням, обнаружила, что люк к тому же задраен.

Она заколотила по люку слабыми кулаками, громко зовя Будудрина, чтобы тот выпустил ее, но все было напрасно.

Осознав безнадежность положения, девушка вернулась в свою каюту, заперла и по возможности забаррикадировала дверь и, бросившись на кровать, стала с ужасом ждать очередного удара судьбы.

Вскоре после того, как фон Хорн потерял Вирджинию, он наткнулся на бегущего ласкара, которому вместе с Будудрином удалось спастись от парангов охотников за черепами. Спасаящийся бегством ласкар в панике бросил свое оружие, и лишь это спасло фон Хорна от неминуемой гибели, ибо ласкар, обезумев от ужаса, видел врага в каждом человеке. Доктору пришлось с помощью нескольких крепких тумачков убедить ласкара в том, что он друг.

Из сбивчивого рассказа фон Хорн узнал о разыгравшейся в лагере трагедии, в результате которой от рук дикарей погибли все, кроме ласкара. Фон Хорну с трудом удалось уговорить ласкара вернуться вместе с ним в лагерь, на что тот согласился только под дулом револьвера.

Они осторожно двинулись к лагерю, ожидая в любой момент столкновения с неприятелем, устроившим кровавую резню. Фон Хорн, который Доверил словам беглеца о гибели всех обитателей лагеря, возвращался туда исключительно для того, чтобы спасти Вирджинию Максон, если та попала в руки к даякам.

Какие бы недостатки и пороки ни были -у Карла фон Хорна, трусость среди них не числилась, и он без колебания решил пойти назад, чтобы спасти девушку, которая, как он считал, вернулась в лагерь, спасти с тем, чтобы осуществить свои гнусные намерения, относительно которых он не испытывал ни малейших угрызений совести.

Когда они приблизились к лагерю, там все уже стихло. Мюда Саффир, завладевший тяжелым сундуком, отправился восвояси, схватка в бунгало завершилась. Сохраняя бдительность, фон Хорн стал бесшумно пробираться к бунгало, держась тени ограды.

Заглянув в выходящее на веранду окно гостиной, где горел тусклый свет, он увидел Синга и Номера Тринадцать, склонившихся над телом профессора Максона, а поодаль — трупы ласкаров и даяков. Затем Синг и молодой красавец-гигант бережно подняли профессора на руки и перенесли в спальню.

И тут на фон Хорна неожиданно накатил волна ревнивой ярости. Он вдруг понял, что это бездушное существо по натуре добрее и благороднее, чем он сам. Все его потуги заронить семя ненависти и мести в это наивное сердце оказались напрасными, ибо трупы людей Будудрина и двух даяков подсказали ему, что Номер Тринадцать защитил человека, которого, по расчетам фон Хорна, должен был убить.

Фон Хорн убедился, что Вирджинии Максон нет в лагере. Либо она заблудилась в джунглях, либо попала в руки дикарей, атаковавших лагерь. А если так, то ничто не сможет помешать ему осуществить план, внезапно возникший в его хитром мозгу. Еще немного, и он избавится не только от своего соперника, чья физическая красота вызывала в нем ревность и зависть, но и от профессора Максона, мешающего завладеть Вирджинией, к которой по наследству перейдет отцовское состояние. И все это он провернет, не обогатив рук кровью своих жертв.

При мысли о том, какие возможности откроет для него этот дьявольский замысел, фон Хорн злоеюще улыбнулся.

Обернувшись назад, он увидел перед собой дрожащего ласкара. От него следовало избавиться — никто не должен знать о том, что задумал фон Хорн.

— Беги к бухте, — шепнул он, — и скажи людям на шхуне, что я скоро буду. Пусть готовятся к отплытию. Мне нужно забрать кое-какие вещи. В бунгало никого в живых — не осталось.

Ласкар словно только того и ждал. Ни слова не говоря, он пулей бросился в джунгли. Фон Хорн побежал к лаборатории. Дверь была открыта. Пройдя через темное помещение, он подошел к противоположной двери, ведущей во «двор тайн». На вбитом в дверной косяк гвозде висел тяжелый кнут. Доктор снял его, отодвинул крепкий засов и шагнул в освещенный луной внутренний двор, держа в правой руке кнут, а в левой — револьвер.

По плотно утрамбованной земле загона беспокойно металась шестеро

безобразных монстров, разбуженных шумом схватки, который пробудил в их неразвитых мозгах смутное волнение и страх. При виде фон Хорна часть из них бросилась к нему, угрожающе рыча, но свист хозяйского кнута моментально отрезвил их, и они отскочили назад, жалобно поскуливая.

Быстрым шагом фон Хорн направился к низкому сараю, где спали остальные и принялся безжалостно хлестать кнутом направо и налево. С воплями боли и негодования монстры неуклюже поднялись на ноги и заковыляли наружу. Двое из них подступили к своему мучителю, но тот яростными ударами выгнал их во двор, и спустя мгновение они столпились в центре загона, прижимаясь друг к другу.

Фон Хорн погнал несчастных к двери лаборатории подобно тому, как гонят стадо скота. На пороге темного помещения перепуганные твари заупрямились, несмотря на безжалостные удары кнута, и отказались заходить на незнакомую территорию. Спасаясь от ударов, они бросились к ограде, тщетно пытаясь повалить ее. Потеряв остатки самообладания, фон Хорн заметался среди них, раздавая направо и налево удары кнутом и рукояткой тяжелого револьвера.

Большинство монстров отбежало назад, в середину загона, однако троих все же удалось загнать в темную лабораторию. Увидев впереди в дверном проеме лунный свет, они припустили туда, а фон Хорн повернул назад за остальными.

Ему потребовалось еще три геркулесовых усилия прежде, чем последний монстр был насильно выдворен из «двора тайн» на территорию белых.

Китайцы издревле славятся искусством врачевания. Редкостные целебные травы в сочетаний с самыми невероятными ингредиентами, смешанные в определенной пропорции при благоприятном расположении небесных светил, способны творить чудеса, и мало таких китайцев, которые не готовили бы особые, им одним известные снадобья, излечивающие людей от болезней.

В этом отношении Синг не был исключением. В банках причудливой формы у него хранился запас настоек, мазей и целебных отваров. Его первой мыслью, когда он поудобнее уложил профессора Максона на кровать, было принести свое излюбленное зелье, поскольку в груди его горел неугасимый огонь экспериментаторства, отличающий величайшую из профессий, тайнами которой он стремился овладеть.

Не обращая внимания на страшные усиливающиеся крики с территории лаборатории, невозмутимый Синг вышел из бунгало и

направился к маленькой хижине, которую построил для себя вплотную к ограде, разделяющей территорию белых и «двор тайн».

Пошарив в темноте, он отыскал две заветные склянки. Между тем вопли монстров по ту сторону ограды перешли в невообразимый шум, в котором китаец различил неумолкаемый свист кнута.

Завершив поиски, Синг собрался было вернуться в бунгало, как из лаборатории в сектор белых вывалился первый монстр. Стоявший на пороге Синг Ли отпрянул назад, продолжая вести наблюдение, ибо он догадался, что кто-то выпустил их из заточения и гонит на территорию белых.

Один за другим вышли они вперевалку на лунный свет, — Синг насчитал одиннадцать, — а вслед за ними белый человек с кнутом и револьвером. Это был фон Хорн. Китаец не мог ошибиться, разглядев его лицо при свете экваториальной луны. Фон Хорн запер за собой дверь лаборатории, пересек территорию белых, вошел во внешние ворота, запер их и направился в джунгли.

Внезапно среди деревьев завыл ветер, небо заволокло густыми черными тучами, раздались раскаты грома, засверкали молнии, и на землю обрушились потоки воды. Начинался сезон дождей...

Стараясь оставаться незамеченным, Синг Ли прошмыгнул мимо монстров и юркнул в бунгало, где молодой гигант промывал рану на лбу профессора, согласно указаниям китайца.

— Они здесь, — сказал Синг, ткнув большим пальцем в сторону «двора тайн». — Одиннадцать чертей. Скоро приходить сюда. Что делать?

Номер Тринадцать еще раньше заметил в гостинной запасной кнут фон Хорна. Вместо ответа он прошел туда, снял со стены плетку и вернулся к кровати раненого.

Снаружи в поисках укрытия от сплошной стены дождя в темноте шарахались перепуганные монстры, издавая жуткие вопли возмущения и ужаса при каждой вспышке молнии и раскате грома. Первым слабый свет в бунгало заметил Номер Двенадцать. Позвав своих собратьев гортанным криком, он двинулся к дому. Монстры последовали за ним на веранду. Номер Двенадцать заглянул в окно. Внутри он никого не увидел. Там было тепло и сухо.

В силу ограниченных умственных способностей он не подумал о том, чтобы войти в дверь, а высадил ударом кулака оконную раму. Затем с трудом протиснулся через узкое отверстие. Порывом ветра, проникшего в комнату, распахнуло входную дверь, и прибежавший на звон разбитого стекла Номер Тринадцать оказался лицом к лицу с толпой чудовищных

уродов.

От жалости к несчастным созданиям у него сжалось сердце, но он понимал, что его жизнь, а также жизнь людей в соседней комнате зависит от проявленной им теперь решимости и мужества. Он встречался и разговаривал почти со всеми из них, когда время от времени их по одиночке приводили в лабораторию, где профессор пытался исправить допущенную им ошибку и хоть как-то развить их умственные способности.

Некоторые из них были безнадежными кретинами, сознающими лишь элементарную потребность в том, чтобы набить свой желудок пищей, которую ставили перед ними, однако все они обладали сверхчеловеческой силой и, выходя из себя, становились совершенно неуправляемыми.. Другие, подобно Номеру Двенадцать, стояли на более высоком уровне развития. Они умели говорить на английском и могли совершать несложные мыслительные операции. Эти были наиболее опасными, поскольку обладали главным признаком мышления — способностью сравнивать, и, сопоставляя свое положение с положением белых хозяев, частично осознали учиненную над ними несправедливость.

Фон Хорн также внес свою лепту, рассказав им об их происхождении и тем самым отравив слаборазвитые умы ядом возмездия.

Они были ревнивы, завистливы и ненавидели всех, кто не был таким же, как и он. Они завидовали внешности профессора и его помощника и ненавидели последнего за жестокое обращение. И так как белые являлись для них представителями великого мира людей, в котором для монстров не было места, то испытываемые ими ревность, зависть и ненависть распространялись на всю человеческую расу.

Вот с какими существами Номеру Тринадцать предстояло иметь дело.

— Что вам здесь нужно? — спросил он, обращаясь к Номеру Двенадцать, стоявшему впереди всех.

— Мы пришли за Максоном, — прорычал монстр. — Нам надоело сидеть в неволе. Мы хотим на свободу. Мы пришли убить Максона, тебя и всех тех, кто сделал нас такими, какие мы есть.

— Почему вы решили убить меня? — спросил Номер Тринадцать. — Я такой же, как и вы. Меня создали точно таким же способом.

Номер Двенадцать изумленно вытаращил разновеликие глаза.

— Значит, ты уже убил Максона? — спросил он.

— Нет. Его ранил жестокий враг. Я помогаю лечить его. Он причинил мне столько же зла, сколько и вам, но я не желаю ему смерти. Он действовал без злого умысла. Он считал, что поступает справедливо. Сейчас ему плохо, и мы должны ему помочь.

— Номер Тринадцать лжет, — выкрикнул один из Монстров. — Он не такой, как мы. Смерть ему! Смерть ему! Смерть Максону! Как только мы убьем их, мы станем как все люди.

С этими словами монстр двинулся к Номеру Тринадцать, а следом, подражая ему, и остальные.

— Я говорил с вами искренне, — тихо произнес Номер Тринадцать. — Если вы не понимаете, что такое искренность, то сейчас я покажу вам то, что вы поймете.

Взмахнув кнутом, молодой гигант бросился в гущу надвигающихся монстров и стал дубасить их с такой яростью, что удары фон Хорна показались им легкими щелчками.

Несколько секунд они мужественно держались, но когда двое из них, накинувшись на белого гиганта, были в мгновение ока брошены на пол, монстры дрогнули и в панике выбежали вон.

Все это время Синг Ли стоял на пороге спальни, ожидая, чем кончится стычка, готовый при необходимости прийти на помощь. Когда они вернулись к профессору, то увидели, что раненый открыл глаза и смотрит на них.

— Что случилось? — спросил он у китайца слабым голосом. — Где моя дочь? Где доктор фон Хорн? И что здесь делает этот? Почему он не у себя?

От удара парангом по голове к профессору неожиданно вернулся рассудок. Он отчетливо вспомнил все, что произошло в прошлом, за исключением недавней схватки в гостиной и осознал, что нужно пересмотреть давнишние планы относительно своего последнего творения.

Едва профессор увидел перед собой Номера Тринадцать, как он с ужасом подумал, что идея выдать дочь за этого монстра сумасбродна и чудовищна. И профессора Максона охватило глубокое отвращение и к этому, и к остальным продуктам его дьявольских экспериментов.

Вскоре до него дошло, что ему не ответили.

— Синг! Отвечай же! Где Вирджиния и доктор фон Хорн?

— Никого нет. Моя не знает. Никого нет. Может, все погибать.

— Боже мой! — простонал раненый, и взгляд его снова остановился на молчаливом гиганте, стоящем на пороге. — Прочь с моих глаз! Чтоб я больше никогда тебя не видел. Подумать только, я собирался вручить свою единственную дочь такому, как ты, бездушному животному. Вон отсюда! Иначе я прикончу тебя.

Шея и лицо гиганта медленно залились краской, затем внезапно он побелел как смерть, сжимая могучей рукой кнут. От жгучего оскорбления в

его груди вспыхнула жажда мести. Одного удара было достаточно, чтобы навсегда покончить с профессором Максоном. Номер Тринадцать шагнул в комнату, и Тут в поле его зрения попала фотография Вирджинии Максон, висящая на стене, чуть повыше плеча профессора.

Без единого слова Номер Тринадцать круто развернулся и вышел в шторм.

VIII

К ВОПРОСУ О ДУШЕ

Едва «Итака» обогнула рифы, загораживающие вход в маленькую бухту, где шхуна простояла на якоре несколько месяцев, как разразился жестокий шторм. Будудрин был опытным моряком, но у него не хватало людей, хотя и с полностью укомплектованным экипажем он вряд ли сумел противостоять чудовищной буре, обрушившейся на судно. Устав бороться с огромными волнами и могучим ветром, сорвавшим все паруса, «Итака» вскоре стала беспомощной пленницей стихии.

Под палубой испуганная девушка отчаянно цеплялась за стойку, пока ураган яростно швырял судно из стороны в сторону. Так продолжалось полчаса, а затем шхуну от носа до кормы сотряс страшный удар.

Вирджиния Максон рухнула на колени и зашептала молитву. Она была уверена в том, что это конец. Находившийся на палубе Будудрин и члены его экипажа привязали себя к мачтам, а когда «Итака» налетела на рифы перед входом в бухту, куда ее отнесло ветром, мачты обломились у основания и полетели за борт вместе с живым грузом. Вопли ужаса вскоре заглохли, поглощенные разыгравшейся стихией.

Судно еще дважды ударялось о рифы, затем, подхваченное огромной волной, взмыло ввысь и стало падать в головокружительную пустоту. Запертой в трюме девушке казалось, что шхуна летит на самое дно океана. С закрытыми глазами ждала она того момента, когда над ней сомкнутся волны и наступит полное забвение, моля Бога о скорейшем конце, который освободит ее от страшного нервного напряжения, терзающего ее, как казалось, целую вечность.

Но «Итака» выстояла. Оказавшись в менее бурных водах, шхуна с грехом пополам выправилась и встала на ровный киль. Потянулись мучительно долгие минуты, в течение которых Вирджиния с опаской ждала, что в трюм хлынет вода, но постепенно она стала сознавать, что «Итака» выдержала жуткий натиск разыгравшейся стихии. Она ощущала лишь слабую качку, хотя через прочные переборки «Итаки» до ее ушей продолжал доноситься шум бури.

Девушка пролежала на койке целый час, пытаясь представить, что случилось со шхуной и куда ее отнесло. Затем раздался слабый шуршащий звук, шхуна встала, развернулась и замерла, слегка накренившись на

правый борт. Снаружи бушевал ветер, по палубе громко хлестал проливной дождь, но судно уже не двигалось.

Проходили часы, а снаружи не было слышно никаких звуков, кроме звуков утихающей бури.

Постепенно Вирджинию стало одолевать любопытство. Она интуитивно чувствовала, что осталась на судне в полном одиночестве, и в конце концов, будучи больше не в состоянии переносить бездействие и неопределенность, направилась к трапу, и вновь попыталась открыть крышку люка, но безуспешно.

Увлеченная работой, она не услышала скребущих звуков, когда на борт полезли голые дикари, как не услышала позже шлепанья босых ног по палубе. Она уже была готова отказаться от своей затеи, как вдруг люк приоткрылся сам собой, словно по волшебству. Обрадованная девушка с восторгом глядела на все увеличивающийся просвет и наконец увидела кусочек голубого утреннего неба. Затем внезапно крышка люка откинулась, и перед Вирджинией Максон возникло страшное лицо дикаря.

На темной коже вокруг глаз и рта обозначились свирепые морщины. В верхней части обеих ушей были вдеты блестящие тигриные клыки. Ушные мочки оттягивались до коричневых плеч под весом тяжелых колец. Последним штрихом в портрете этой омерзительной физиономии явились отточенные зубы, покрытые чем-то черным.

Но это было еще не все. Следом за ним в люк заглянула еще пара десятков столь же свирепых рож. Вскрикнув, Вирджиния Максон бросилась назад в каюту. За спиной раздался топот множества ног, сбегающих по трапу.

Когда Номер Тринадцать покинул бунгало, в его сердце разыгралась буря противоречивых эмоций. Его маленький мир был полностью разрушен. Его создатель, человек, которого он считал своим единственным другом и благодетелем, неожиданно ополчился против него. Обожаемое им прекрасное создание либо исчезло, либо погибло. Так сказал Синг. А сам он, как оказалось, — ничто, жалкое убожество. В мире не было для него места, и даже если он отыщет Вирджинию Максон, то она, как заверил его фон Хорн, лишь отшатнется от него и станет презирать от всей души.

Не имея определенной цели и лишившись надежд, он шел под проливным дождем, не замечая ни дождя, ни вспышек молний, ни оглушительных раскатов грома. Наткнувшись на ограду, он остановился, машинально присел на корточки, опершись о забор спиной, и там, посреди яростного шторма, подавил бурю, бушевавшую в его собственной груди. Вновь и вновь возникавшие в его неискушенном сердце кровожадные

помыслы он умирал воспоминаниями о нежном невинном лице девушки, чей образ занял место божества во внутреннем храме его личности.

— Он создал меня, не дав мне души, — повторял он про себя вновь и вновь, — но я обрел душу, моей душой станет она. Фон Хорн не сумел объяснить мне, что такое душа. Он сам этого не знает. Никто из них не знает. Я умнее их, потому что познал, что есть душа. Ее нельзя увидеть глазами, потрогать руками, но тот, кто имеет душу, знает, что она у него есть, ибо она наполняет всю грудь чувством великой чудесной любви к чему-то бесконечно более возвышенному, чего человек не в состоянии постичь примитивными органами чувств, чему-то такому, что возносит человека над бездушными животными и человеческими тварями. Пусть говорят, что у меня нет души, я же буду знать, что она у меня есть, я ее обрел. Отныне она не даст мне причинить другим зло, которое профессор Максон причинил мне, а он-то не сомневается в том, что обладает душой. Она не позволит мне упиваться собственной жестокостью, подобно фон Хорну, а я уверен, что и он считает, будто у него есть душа. И если у дикарей, которые явились сегодня сюда убивать, есть душа, то я счастлив иметь душу такую, какую сам выбрал. Такая, как у них, мне не нужна.

Так он рассуждал, пока не наступил внезапный экваториальный рассвет. Буря улеглась, и при свете дня Номер Тринадцать увидел, что он не один. Вокруг него вповалку лежали одиннадцать монстров, которых он ночью выгнал из бунгало. При их виде он понял, что на Него легла новая ответственность. Оставить их здесь — означало неминуемую смерть профессора Максона и китайца. Выпустить в джунгли — подвергнуть той же участи Вирджинию Максон, которая скорее всего бродит там в поисках лагеря; Номер Тринадцать не мог поверить, что она мертва. Невозможно было представить, что он ее больше никогда не увидит. Не зная почти ничего о смерти, он не мог вообразить, что это прекрасное жизнерадостное создание вообще может когда-либо умереть.

Молодой гигант решил покинуть лагерь, отчасти из-за жестоких слов, брошенных накануне ему в лицо профессором Максоном, но главным образом из-за девушки, которую нужно было отыскать. Разумеется, он и понятия не имел, где ее искать, но, как объяснил фон Хорн, они находились на маленьком острове, а потому он не сомневался в том, что со временем девушка отыщется.

Посмотрев на сидящих рядом монстров, он пришел к выводу, что единственный выход — взять их с собой. Ближе всех к нему лежал Номер Двенадцать. Подойдя к нему, он ткнул его в бок рукояткой кнута, который оставил при себе.

— Вставай, — сказал Номер Тринадцать.

Тот поднялся, косясь на кнут.

— Мы здесь никому не нужны, — продолжал Номер Тринадцать. — Я уйду и забираю всех вас с собой. Мы найдем место, где можно жить мирно и свободно. Тебе разве не надоела неволя?

— Надоела, — ответил Номер Двенадцать, не опуская глаз с плетки.

— Не нужно бояться кнута, — сказал красавец-гигант. — Я никого не стану бить, если меня будут слушаться. Разбуди остальных и передай им мои слова. Со мной должны пойти все. Тех, кто откажется, я заставлю кнутом.

Номер Двенадцать сделал все, как было велено. Монстры стали совещаться между собой. Через несколько минут Номер Тринадцать щелкнул кнутом, привлекая их внимание.

— Пошли! — скомандовал он, направляясь к воротам.

За ним последовало девять монстров, но Номер Десять и Номер Три не сдвинулись с места. Молодой гигант вернулся к ним быстрым шагом, остальные остановились, наблюдая за ними, готовые наброситься на своего нового хозяина, если те двое окажутся сильнее.

Бунтари попятились, издавая злобное рычание.

— Пошли! — повторил Номер Тринадцать.

— Мы останемся здесь, — прорычал Номер Десять. — Мы еще не расправились с Максоном.

Просунув руку в петлю на конце кнута, так что он свесился рукояткой вниз, Номер Тринадцать вцепился Номеру Десять в горло. Он хотел одержать победу без помощи плетки, которой все они боялись, с тем, чтобы облегчить себе дальнейшую работу.

Монстр пригнул голову, выставил веред руки, и в следующую секунду они сцепились, словно две огромные гориллы, нанося друг другу удары.

Понаблюдав с секунду за схваткой, Номер Три бросился на помощь товарищу. Могучими руками Номер Тринадцать наносил тяжелые удары по лицу и голове противника, который оборонялся, пуская в ход длинные неровные клыки. Соперники покрылись кровью. Номер Три бросился в бой с яростью обезумевшего быка, пытаясь схватить молодого гиганта за горло, но тот всякий раз отшвыривал его в сторону. Слабоумных зрителей охватило возбуждение, и вот уже один из них, почти безмозглый, в безотчетном порыве вклинился между дерущимися и стал бить и кусать Номера Тринадцать. Это подстегнуло остальных — в следующее мгновение на белого гиганта навалились все монстры.

Силы противников были явно неравны: одиннадцать против одного —

слишком мало шансов на победу, даже с такими мощными мускулами. И хотя Номер Тринадцать имел одно неоспоримое преимущество — высокоразвитый интеллект, — он мало что мог сделать против сонма чудовищ. Едва ему удавалось стряхнуть их с себя, как волосатые лапы хватили его за ноги, и он снова оказывался на земле.

Перемещаясь по территории, они приблизились к ограде, где, упершись спиной в стену, Номеру Тринадцать удалось наконец встать на ноги, и он стал отбиваться от ближайших монстров тяжелой рукояткой кнута. И без того запыхавшиеся монстры отпрянули, и молодой гигант, не давая им передышки, бросился в самую гущу, осыпая градом ударов.

В результате, как он и предвидел, монстры бросились врассыпную, спасаясь от безжалостного кнута, и Номер Тринадцать вновь стал хозяином положения. Четверо монстров, испытавших на себе силу его кулаков, остались лежать на земле, остальные зализывали раны.

Не давая им опомниться, Номер Тринадцать погнал монстров к воротам, и на сей раз никто не посмел ослушаться. Разбив их на пары, он велел им нести тела товарищей, потерявших сознание, и повел за собой в джунгли.

Так Номер Тринадцать впервые ступил в мир вместе со своим устрашающим племенем, идя на поиски любимой девушки.

В лесной чаще они остановились, чтобы подкрепиться знакомыми им фруктами, которые составляли основную часть их рациона, и со свежими силами двинулись следом за вожаком. Тот шел без цели в тени великолепия тропических цветов. Из двенадцати лишь вожак видел окружающую красоту и ощущал странное таинственное воздействие незнакомого мира, в котором они оказались. Следуя на запад, они вышли к берегу и впервые увидели водное пространство — маленькую бухту, за ней широкий пролив, а вдалеке — размытые очертания острова Борнео.

Ту же сцену вместе с ними, но с другого места, а потому незамеченные, наблюдали еще двое, — ласкар, которого фон Хорн послал к «Итаке» ночью, но который уже не застал шхуну, и сам фон Хорн. Оба глядели на изуродованные останки «Итаки», лежащие на песке возле южной оконечности бухты, не смея выйти из укрытия, поскольку в тихих водах пролива показались десять лодок, гребущих к шхуне.

Разразившаяся накануне непогода застала раджу Мюда Саффира в начале пути на Борнео, и он укрылся в одной из крошечных бухточек, которыми усеян весь берег острова. Оказалось, что его пристанище находится чуть южнее бухты, где стояла «Итака», и утром он решил наведаться на шхуну в надежде получить от ласкаров какие-нибудь

сведения о девушке.

У коварного малайца давно чесались руки разграбить «Итаку», но до сих пор он воздерживался, опасаясь, как бы это не помешало другому, более крупному злодейству, которое он замыслил против ее белого владельца, но когда, обогнув мыс, он увидел изувеченную шхуну, то отбросил сомнения и прямым ходом направился к беспомощному судну, чтобы разграбить то, что там еще оставалось.

Старый мошенник и предположить не мог, какое бесценное сокровище таится под голой палубой. Он велел своим головорезам пошуровать на шхуне, а сам развалился на тюфяке под навесом, защищавшим его вице-королевскую голову от палящего тропического солнца.

Номер Тринадцать наблюдал за карабкающимися по борту дикими охотниками за черепами с живейшим интересом. Как и фон Хорн, он увидел их явное изумление перед открытым люком, но ни тот, ни другой не догадались о причине. На его глазах полдюжины воинов поспешно спустились вниз и с дикими криками бросились кому-то вдогонку.

Через несколько минут они появились на палубе, таща за собой женщину. Фон Хорн и Номер Тридцать моментально узнали Вирджинию, однако доктор, скрипя зубами от бессильного гнева, понимал, что не в силах предотвратить трагедию. Номер Тринадцать ничего не понимал и понимать не хотел.

— За мной! — крикнул он уродливым собратьям. — Убейте мужчин, а девушку спасите — вон ту, с золотистыми волосами, — добавил он поспешно, сообразив, что те никогда прежде не видели женщину.

И он стремглав бросился в воду. Чудовища не отставали от него.

Боевые лодки Мюда Саффира подошли к борту «Итаки», обращенному к проливу, и гребцы не могли видеть дюжины чудовищ, шлепающих по воде со стороны берега. Монстры никогда прежде не видели моря, их опыт ограничивался маленьким ручейком, протекавшим по их зоне, но они уже знали, что голову нельзя погружать под воду. Плавать они не умели, но благодаря высокому росту и силе сумели быстро добраться до борта.

Залезть наверх они не смогли, но спустя мгновение Номер Тринадцать решил эту проблему, велел самому рослому встать у борта, а остальным забраться ему на плечи, а оттуда на палубу.

Когда Номер Тринадцать первым оказался наверху, то увидел полдюжины даяков, готовящихся спуститься вниз с другого борта. Это были последние из тех, кто посетил шхуну. Девушки на палубе уже не

было. Не дожидаясь своих, молодой гигант прыжком пересек палубу. Единственной его мыслью было найти Вирджинию, Максон.

Обернувшись на шум даяки увидели белого человека, одетого в парусиновые штаны и куртку и вооруженного лишь длинным кнутом, и огласили воздух дикими криками радости, уже считая красивую голову белого своим трофеем. Номер Тринадцать не обратил бы на них никакого внимания, если бы они не полезли к нему, ибо нужна ему была только девушка, но тут его обступили пританцовывающие дикари, размахивающие грозного вида парангами и выкрикивающие оскорбления.

Размахнувшись кнутом, Номер Тринадцать обрушил на головы и спины нападавших всю свою мощь. Плетка плясала с такой быстротой, что не давала дикарям возможности пустить в ход оружие.

Один лишь взмах, и ближний к нему охотник за черепами рухнул на палубу с переломанным плечом и раскроенной до кости рукой. Снова бешено засвистел кнут, тогда как снизу из лодок слышались громкие крики Мюда Саффира и его людей, подбадривающих своих на шхуне. Оцепеневшая девушка, оказавшаяся в лодке раджи, с волнением, надеждой и восхищением глядела на человека ее расы, который, а она это чувствовала, сражается из-за нее.

В своем защитнике Вирджиния Максон мгновенно узнала того, кто уже однажды заступился за нее, спасая от омерзительной твари, сотворенной ее отцом. Прижав руки к груди, девушка в порыве волнения подалась вперед, следя за каждым движением гибкой гигантской фигуры, отчетливо выделяющейся на фоне заметавшихся охотников за черепами, корчившихся под его неистовыми ударами.

Мюда Саффир увидел, что его воины терпят поражение, и пришел в ярость. Повернувшись к одному из своих главарей, он приказал послать на «Итаку» еще две лодки. Тот помчался выполнять команду предводителя, а тем временем, на шхуне наступило затишье — оставшиеся трое дикарей, которые не упали под ударами кнута, прыгнули за борт.

Пока подкрепление карабкалось вверх по борту, Номер Тринадцать отыскал глазами девушку в лодке Мюда Саффира, чуть в стороне от «Итаки», и когда первый из вновь прибывших перевалился на палубу, Вирджиния увидела на благородном лице человека адресованную ей ободряющую улыбку. Девушка послала ему ответную улыбку, улыбку, наполнившую сердце молодого гиганта гордостью и счастьем; улыбку, за которую отважные мужчины всегда готовы сражаться и умереть с тех самых пор, как женщины научились искусству улыбаться.

Номер Тринадцать мог бы сбросить даяков в воду прежде, чем те

достигли бы палубы, но он не захотел этого делать. Его спонтанная этика не позволяла воспользоваться преимуществом перед неприятелем, а кроме того он вдруг почувствовал вкус к сражению, поэтому решил подождать, пока противники не соберутся перед ним в полном составе. Но ему так и не пришлось воспользоваться кнутом. Едва даяки перевалились через борт, как, вытаращив глаза, оцепенели от страха и с воплями ужаса кинулись обратно в море, пугая тех, кто еще карабкался на шхуну.

Поднявшись в полный рост, Мюда Саффир принялся вовсю поносить трусливых даяков. Он не знал причины паники, но вскоре увидел за спиной гиганта появившихся на палубе одиннадцать рычащих чудовищных страшилищ, грузно топавших к своему вожаку.

Смуглое лицо раджи сделалось белым как мел. Дрожащими губами он отдал команду гребцам плыть в открытое море. Девушка также увидела страшных уродов, окруживших человека на палубе. Ей показалось, что они хотят напасть на него, и она вскрикнула в знак предупреждения, но тут же поняла, что монстры с ним заодно, так как все вместе они бросились к борту и стали глядеть на барахтающихся в воде даяков.

Прямо внизу находились две лодки, в которые забирались охотники за черепами. Остальная флотилия быстро удалялась к выходу из бухты. Увидев, что девушку увозят, Номер Тринадцать прокричал команду отряду монстров и, не оглядываясь, спрыгнул в ближайшую из двух лодок.

Лодка была уже наполовину наполнена даяками, остальные лезли через планшир. Через миг в лодке возник кромешный ад. Дикари бросились к возникшему среди них гиганту. Засверкали паранги. Засвистел кнут. И тут на них сверху обрушилась лавина жутких монстров. Отряд молодого гиганта последовал за своим командиром.

Битва в лодке была короткой и яростной. В первые секунды даяки пытались сопротивляться, но, оказавшись лицом к лицу с полчищем рычащих беснующихся тварей, они пришли в ужас, и те, кто уцелел, нырнули в воду и быстро поплыли к берегу.

Вторая лодка не стала помогать первой и, не досчитавшись кое-кого из своих, поспешила догонять флотилию.

Фон Хорн был свидетелем всего, что произошло на ровной глади маленькой бухты. Он был ошеломлен, увидев, что обитатели «двора тайн» сражаются под предводительством Номера Тринадцать, и теперь с интересом ждал, чем все это закончится.

Глядя, как лодка малайского раджи увозит девушку, фон Хорн испытывал горькое сожаление и яростную злобу, однако больше всего его огорчило то, что ему придется распрощаться с мечтой об обеспеченной

жизни. Он настолько был уверен в том, что заполучит состояние профессора Максона посредством добровольного, либо же насильственного брака с его дочерью, что сейчас ощущал себя так, словно у него обманом отобрали законное наследство. Сама судьба девушки мало волновала его, ибо этот человек был неспособен на глубокую любовь или настоящее благородство.

Совсем иные эмоции охватили гиганта, завладевшего боевой лодкой даяков. Все его помыслы были связаны с девушкой, увозимой в морскую даль. Он не знал, ни что ей угрожает, ни какая судьба ее ожидает. Он знал одно — ее забрали насильно, против ее воли. Он видел выражение ужаса в ее глазах и угасшую надежду, когда лодка раджи стала отходить от «Итаки». Его единственной мыслью было вырвать ее из рук похитителей и вернуть к отцу. О собственном вознаграждении или выгоде он не думал. Ему было достаточно того, что он станет сражаться за нее. Большого вознаграждения ему не требовалось.

Ни Номер Тринадцатый, ни кто другой из его отряда прежде не видели лодки, и, если исключить вожака, в их черепах вместе взятых вряд ли хватило бы разума, чтобы монстры вообще смогли управлять ею. Однако молодой гигант видел, что остальные лодки движутся при помощи длинных палок, опускаемых в воду, а также видел надуваемые ветром паруса, хотя и не совсем понимал их назначение.

Понаблюдав с минуту за действиями людей в ближайшей лодке, он усадил монстров за весла и проинструктировал, как пользоваться незнакомым орудием. Целый час бился он с ними, но те так и не поняли, что от них требуется. Если они и гребли, то вразнобой, а чаще всего просто погружали весла в воду и вынимали их.

В результате утомительных маневров лодка кружила туда-сюда по бухте, пока Номер Тринадцатый сам не понял, что требуется для нормального управления ею. В конце концов, скорее по недоразумению, чем намеренно, они оказались у входа в бухту, и тогда providение помогло им совершить то, чего они сами вряд ли бы добились.

Налетевший с суши порыв переменчивого ветра внезапно надул парус, развернул лодку носом к проливу, и та выскользнула из бухты, устремляясь по танцующим волнам вслед за быстро удаляющимися лодками Мюда Саффира.

Позади на берегу с криками метались разъяренные даяки, брошенные соплеменниками. Фон Хорн из своего укрытия с изумлением провожал взглядом лодку с монстрами, а ласкар Будудрина проклинал свою судьбу, по милости которой оказался на одном острове с сорока охотниками за

черепами.

Все меньше и меньше становилась удаляющаяся лодка, стрелой летящая к темневшему на горизонте Борнео.

IX НА ПУТИ К БОРНЕО

Фон Хорн проклинал судьбу, которая увела девушку из-под самого носа, но успокаивал себя тем, что сокровище осталось на «Итаке», куда его должен был доставить Будудрин. Он хотел, чтобы даяки убрались, тогда он сможет забрать сундук со шхуны и припрятать его до лучших времен, а затем при удобном случае переправить в Сингапур.

Внизу в воде плавали мачты шхуны с привязанным к ним страшным грузом. Фон Хорн увидел труп Будудрина, чье лицо, застывшее в жутком оскале, казалось, насмехается над человеком, которого он собирался надуть. Мертвый малаец как будто знал, что белый предаст его при первой же возможности, и теперь наслаждался разочарованием, которое еще постигнет фон Хорна, когда тот обнаружит, что лишился не только девушки, но и сокровища.

Начался прилив, и вскоре «Итака» снялась с мели. Увидев это, даяки тут же бросились в воду и поплыли к шхуне. Подобно мартышкам, вскарабкались на палубу и гурьбой ринулись в трюм. Фон Хорн стал молить Бога, чтобы мародеры не обнаружили сундук.

Вскоре часть из них прыгнула в воду и поплыла к берегу, куда штормом выбросило рангоуты и оснастку. Отобрав то, что им требовалось, они вернулись на шхуну и спустя несколько минут установили временную мачту, к великой досаде фон Хорна, полагавшего, что сокровище лежит в трюме «Итаки».

Еще засветло шхуна медленно вышла из бухты, беря курс через пролив в том же направлении, что и боевые лодки. Когда стало ясно, что охотники за черепами уже не вернутся, ласкар вышел из укрытия и стал носиться вдоль берега, выкрикивая злобные угрозы вслед удаляющемуся неприятелю.

Вскоре и фон Хорн вышел на берег, и они молча проводили «Итаку» взглядами. Затем повернулись и по ручью двинулись назад в лагерь, где уже опасаться было нечего. Фон Хорн гадал, сделали ли свое дело монстры, которых он настроил против профессора Максона, или же они оказались слюнтяями, подобно Номеру Тринадцать.

Гадать ему пришлось недолго, поскольку, вернувшись в лагерь, он увидел горящий в бунгало свет, а когда поднялся на крыльцо, из входной

двери вышли Синг и профессор Максон.

— Фон Хорн! — воскликнул профессор. — Так вы не погибли! А где Вирджиния? Скажите, она жива?

— Ее похитили, — ответил доктор. — Ваши собственные же создания под предводительством того, кому вы прочили Вирджинию в жены, увезли ее на Борнео вместе с шайкой пиратов, малайцев и даяков. Я был один и оказался бессилён помешать им.

— Боже! — простонал профессор. — Ну почему я не убил его, когда мог это сделать! Ведь был же он здесь, рядом со мной, прошлой ночью, а сейчас уже поздно.

— Я предупреждал вас, профессор, — холодно произнес фон Хорн.

— Я был не в себе, — пояснил тот. — Разве вы не видели, что я не в себе? О, почему вы не остановили меня? Вы-то были в здравом рассудке. Могли бы по крайней мере силой заставить меня отказаться от безумной навязчивой идеи, которой я был одержим все эти кошмарные месяцы. Теперь я нормален, но, увы, поздно, слишком поздно,

— Вы и ваша дочь усмотрели бы в любом моем действии лишь личную корысть, так как вам обоим было известно, что я хочу на ней жениться, — ответил фон Хорн. — У меня были связаны руки. Сейчас я сожалею, что ничего не предпринял, но вы же понимаете, в каком я находился положении.

— Неужели ничего нельзя сделать, чтобы вернуть ее? — вскричал отец девушки. — Ведь должен же быть какой-нибудь выход. Спасите ее, фон Хорн, и вы получите не только мою дочь, но и мое состояние. Все, чем я владею, станет вашим, если вы вызволите ее из лап этих чудовищ.

— «Итак» мы тоже лишились, — ответил доктор. — Есть только маленькая лодка, которую я спрятал в джунглях на всякий случай. На ней мы доберемся до Борнео, но что мы сможем сделать вчетвером против пятидесяти пиратов и дюжины монстров, произведенных вами на свет? Нет, профессор Максон, боюсь, что шансов слишком мало, хотя я готов отдать жизнь за спасение Вирджинии. Вы не позабудьте своего обещания, если нам это все же удастся?

— Ну что вы, доктор, — ответил профессор. — Клянусь вам что Вирджиния станет вашей женой, и я передам вам все мое состояние, если она будет спасена.

Синг Ли слышал весь разговор от начала до конца. В его раскосых глазах появилось странное выражение, когда фон Хорн потребовал от профессора подтверждения, но о том, что происходило в его проницательном мозгу, знал лишь он один.

Пускаться в дорогу в тот же день было уже поздно, так как стало смеркаться. Профессор Максон и фон Хорн пошли на участок лаборатории, чтобы выяснить размеры причиненного ущерба.

Когда они вернулись, Синг накрывал на веранде стол к ужину. Стараясь не привлекать к себе внимания, китаец вертелся вокруг, пытаясь не упустить ни слова из того, о чем говорили белые.

— Ничего не понимаю, фон Хорн, — сказал профессор Максон. — Никаких поломок. Видимо, обе двери были намеренно открыты кем-то, кто умеет обращаться с замками и засовами. Кто бы это мог быть?

— Не забывайте про Номер Тринадцать, — молвил доктор.

— Но сундук! — воскликнул профессор. — Зачем ему понадобился этот огромный, тяжеленный сундук?

— Может, решил, что в нем хранится сокровище, — предположил фон Хорн невинным тоном.

— Ерунда, коллега, — ответил профессор Максон. — Он ничегошеньки не знает ни о деньгах, ни о сокровищах, ни о том, к чему они вообще. Говорю вам, лабораторию открыл тот, кто понимает цену деньгам и кто хотел завладеть сундуком, но зачем ему понадобилось выпустить обитателей из загон, свыше моего разумения.

— А я говорю вам, профессор Максон, что это Номер Тринадцать и никто другой, — настаивал фон Хорн. — Я собственными глазами видел, как он повел за собой одиннадцать монстров, словно заправский вожак. Он оказался смысленнее, чем мы предполагали. Получив от нас массу знаний, он начал соображать своим умом и сам дошел до того, чего не мог знать за неимением опыта.

— Но что ему нужно? — спросил профессор.

— Все очень просто, — проговорил фон Хорн. — Вы дали ему надежду, что в скором времени он переселится к вам с Вирджинией. С самого начала он безумно увлекся вашей дочерью, и вы до вчерашнего дня поощряли его увлечение. Потом к вам вернулся рассудок, и вы поставили его на место. А результат? Когда ему отказали в обещанном, он моментально решил захватить Вирджинию силой и с этой целью, воспользовавшись удивительно удачным для него стечением обстоятельств, освободил своих собратьев и поспешил с ними на берег в поисках Вирджинии, рассчитывая увезти ее на «Итаке». Там он встретил пиратов-малайцев, и они заключили союз, согласно которому Номер Тринадцать получает девушку, пираты доставляют его и его команду на Борнео, а взамен им достается сундук. Все очень просто и логично, профессор Максон, теперь-то вы понимаете?

— Возможно, вы правы, доктор, — ответил профессор. — Однако мы строим догадки, а дело стоит. Завтра у нас трудный день, так что нужно лучше выспаться. Нам придется приложить все усилия, если мы хотим вырвать мою дорогую бедняжку из лап этого страшного бездушного создания.

В этот самый момент тот, кого профессор назвал страшным и бездушным, вошел в темное устье широкой реки, бравшей начало в самом сердце дикого Борнео. Его одиннадцать устрашающих спутников научились с грехом пополам работать веслами. Впереди на крошечном острове в середине потока их вожак увидел костер. К нему-то и направилась бесшумная лодка.

Наконец Номер Тринадцать различил вокруг костра человеческие фигуры и, подойдя ближе, убедился в том, что это были люди, за которыми они гнались вот уже несколько часов. Боевые лодки были наполовину вытащены на берег, а сами дикари готовились приступить к трапезе.

В свете костра он увидел смуглого малайца, тащившего девушку за руку к огню. Теперь Номер Тринадцать не сомневался в том, что достиг цели, и тихим голосом приказал удвоить скорость. В тот же миг вошедшую в круг света от костра лодку заметил один из даяков.

При виде неприятеля охотники за черепами бросились к своим лодкам. Устрашающая внешность захватчиков деморализовала кровожадных дикарей, и они поспешили обратиться в бегство.

Даяки действовали так быстро, что едва лодка с монстрами коснулась берега, как ближайшие лодки даяков оказались спущенными на воду, остальные же дикари бросились сломя голову на противоположный берег, где оставили свои суденышки. Среди них оказался и малаец, охранявший Вирджинию Максон. Оглянувшись на бегу, девушка узнала рослого белого человека, стоящего на носу приближающейся лодки.

— На помощь! Помогите! — закричала она. — Сюда! На этот берег!

В ту же секунду коричневая рука охранника залепила ей рот. Она стала вырываться, словно тигрица, в надежде выиграть время, но здоровенный как бык малаец взвалил ее на плечо и побежал дальше.

Раджа Мюда Саффир побоялся ввязаться в бой лично, но и не хотел лишиться девушки, поэтому, увидев, что люди в панике, ему не оставалось ничего иного, как остановить их, чтобы те на какое-то время задержали врага, а самому с девушкой ускользнуть в своей лодке.

Громко призывая воинов защитить его, он остановился в пяти-десяти ярдах от своей лодки, и в тот же момент показалось стадо мчащихся монстров, преследующих уносящего девушку дикаря. Старому радже

удалось собрать вокруг себя несколько десятков воинов из соседних лодок. Своим же гребцам он велел забраться в лодку и быть готовыми к отплытию, как только они с девушкой окажутся на борту.

В свете неровного пламени костра воины-даяки являли собой устрашающее зрелище. Свирепое выражение их воинственных лиц подчеркивалось торчащими из ушей изогнутыми тигриными клыками, колышущимися в головных уборах длинными фазаньими перьями, яркой расцветкой боевой одежды, а также непонятными деталями на раскрашенных щитах. Для устрашения надвигающегося врага они приплясывали, завывали, угрожающе кричали.

Изловчившись бросить взгляд назад, Вирджиния Максон увидела, нечто такое, что навсегда останется у нее в памяти.

Сопровождаемый чудовищными тварями молодой гигант прыгнул в самую гущу сверкающих парангов вопящих дикарей, раздавая направо и налево яростные удары кнутом, разящие людей, словно стальной саблей. Воодушевляемые присутствием в задних рядах Мюда Саффира даяки не дрогнули, и тут на них налетели разъяренные безмозглые чудовища, следовавшие за своим вожаком.

Номер Десять выхватил у противника паранг, и в скором времени, подражая его примеру, таким же образом вооружились и остальные монстры. Нанося дикарям рубящие и колющие удары, они прокладывали себе путь сквозь плотные ряды неприятеля, покуда Мюда Саффир не увидел, что поражение неминуемо, и не припустил к лодке.

Спасаясь от сумасшедшего белого, который противопоставил их острым клинкам один лишь кнут из сыромятной кожи, даяки обратились в бегство, оставив позади четырех убитых монстров, и в панике бросились к двум лодкам. Тем временем Мюда Саффир уже успел покинуть остров.

Номер Тринадцать достиг кромки воды в тот миг, когда лодка раджи отчалила, устремляясь вверх по реке под мощным напором множества весел. На мгновение он застыл на берегу в позе, будто собирался прыгнуть следом за удаляющейся лодкой, но его удержало сознание того, что он не умеет плавать — к чему напрасная гибель, если она не спасет Вирджинию Максон.

Повернувшись к оставшимся лодкам, он увидел, что одна из них уже спущена на воду, а экипаж другой ведет отчаянное сражение с семеркой уцелевших монстров за право владения лодкой. Прыгнув в гущу сражающихся, он велел своим братьям забраться в лодку, наполовину заполненную даяками. Затем столкнул ее в реку и запрыгнул сам.

Завязавшаяся в лодке смертельная битва была яростной и короткой.

Острые паранги охотников за черепами не могли противостоять сверхчеловеческой силе монстров, которые безжалостно калечили дикарей, а затем вышвыривали за борт. А над всем этим столпотворением возвышалась могучая фигура страшного белого человека, одно присутствие которого парализовало волю коричневых воинов.

В ходе схватки погибло еще двое монстров, но даяки понесли неизмеримо большие потери. Охваченные ужасом дикари вскоре стали прыгать за борт, уstraшенные в равной степени как силой противника, так и его жутким видом.

Когда в лодке оказалась жалкая горстка дикарей, Номеру Тринадцать пришлось в голову использовать их в своих целях, так как они были знакомы с рекой и являлись опытными моряками. Он обратился к своим с приказом прекратить убийство, а уцелевших взять в плен. Монстры уже настолько привыкли подчиняться его командам, что моментально изменили тактику, и дикари один за другим были разоружены и взяты под стражу.

Далее Номер Тринадцать попытался изъясниться с ними, что ему удалось с большим трудом, ибо среди них нашелся лишь один воин, когда-либо имевший контакт с англичанином, но в конце концов при помощи жестов и нескольких известных дикарю слов он сумел растолковать тому, что пощадит его и его товарищей, если те помогут ему догнать Мюда Саффира и девушку.

Даяки не испытывали верноподданнических чувств к своему хозяину-мошеннику, поскольку как они сами, так и их родня, в течение многих поколений пострадали от жестоких и коварных деспотов, захвативших власть в их стране. Поэтому без труда удалось заручиться их поддержкой взамен на обещание сохранить им жизнь.

Номер Тринадцать обратил внимание на то, что, обращаясь к нему, они называли его «Булан», и в результате расспросов понял, что этот почетный титул они дали ему отчасти из-за его удивительных бойцовских качеств, а отчасти потому, что его лицо, появившееся в свете костра, показалось впечатлительным даякам похожим на тропическую луну, которую они почитали и боготворили. Как имя, так и сравнение понравились Номеру Тринадцать, и с этого времени он сам начал называть себя этим именем.

Заминка, вызванная сражением в лодке и последующими переговорами, позволила Мюда Саффиру оторваться от преследователей на значительное расстояние. Лодка раджи оказалась в одиночестве, поскольку единственная из восьми уцелевших избрала этот рукав реки, тогда как остальные лодки, спасаясь от страшного неприятеля, пустились

по узенькому южному притоку.

Одному лишь вожаку Барунде было известно, какой маршрут выберет Мюда Саффир, и раджа терялся в догадках, куда подевались две лодки с людьми Барунды. Оставив Барунду и его людей сражаться с чужаками, он и мысли не допускал, что те понесут серьезные потери, а то, что у них захватят лодку, вообще не укладывалось в его сознании. Однако случилось именно так, и вторая лодка устремилась вниз по течению, чтобы не пересекаться с противником, который двинулся вверх по реке.

Таким образом, Барунда открыл путь белым к лодке раджи, которая неспешно двигалась вверх по течению, направляясь к далекой крепости. Барунда сообразил, что белый человек гонится за девушкой и только за ней. Видимо, он ничего не знал о сундуке с сокровищами, лежащем на дне лодки Мюда Саффира, либо же, если и знал, то он его ничуть не волновал. Так или иначе Барунда углядел шанс самому завладеть содержимым сундука и поэтому решил сослужить службу своему новому хозяину с более горячим рвением, нежели старому.

Булан с экипажем из даяков и уцелевшей пятеркой монстров поспешил вдогонку за лодкой раджи с его бесценным грузом. Уже шестеро созданий, результаты экспериментов профессора Максона, отдали свои жизни за его дочь, а остальные шесть устремились сквозь непроглядную тьму тропической ночи в глубь неизведанного Борнео, чтобы спасти ее от похитителей, рискуя при этом своими жизнями.

Далеко впереди на дне большой лодки лежала, съезжившись в комочек, девушка, которую они пытались настичь и которая думала о человеке, чья сила, выдержка и упорство преодолеют все преграды и в конце концов спасут ее. Но успеет ли он? В этом и был весь вопрос.

Заинтригованная таинственным незнакомцем, она в который раз пыталась объяснить себе его появление на острове в тот самый момент, когда потребовалось спасти ее от чудовища, созданного ее отцом. Затем он непонятно куда исчез на несколько недель, а фон Хорн повел себя весьма странно, изображая полнейшее неведение относительно загадочного появления на острове молодого человека и его не менее загадочного исчезновения после того, как он спас ее от Номера Один. И теперь, когда ей вдруг понадобилась защита, он опять объявился самым таинственным образом, причем во главе жутких лагерных страшилищ.

Загадка эта оказалась слишком сложной, и она не смогла ее разрешить. Тут мысли девушки прервала смуглая рука раджи Мюда Саффира, обхватившая ее за талию и притянувшая к себе. Послышался жаркий, страстный шепот. Вырвавшись из объятий раджи, девушка

вскочила на ноги, а когда тот попытался обнять ее снова, ударила его наотмашь по лицу сжатым кулачком.

Прямо за малайцем стоял тяжелый сундук профессора Максона. Пытаясь восстановить равновесие, раджа сделал шаг назад, налетел на препятствие, зашатался и, испустив проклятие, перелетел через сундук и бултыхнулся в темные воды реки.

Х УПУЩЕННЫЙ ШАНС

Находящийся в лодке сундук пробудил слепую жадность и алчность не у одного Мюда Саффира, и теперь, когда он послужил косвенной причиной приключившегося с раджей несчастья, даяки загорелись желанием извлечь из этого выгоду и окончательно покончить с малайцем.

Командир экипажа Нинака видел, как Мюда Саффир исчез в быстрых водах реки, но не отдал приказа вернуться и подобрать тонущего. Вместо этого он велел гребцам приналечь на весла, и; когда Мюда Саффир вынырнул на поверхность, призывая о помощи, Нинака издевательски захохотал, пожелав незадачливому радже поскорее оказаться в брюхе ближайшего крокодила.

Разъяренный Мюда Саффир стал призывать гнев Аллаха и его пророка на голову Нинаки и его потомства до пятого колена, а также на могилы его предков и на мрачные черепа, висящие на балке его жилища. Затем он развернулся и быстрыми гребками поплыл к берегу.

Оказавшись владельцем и сундука, и девушки, Нинака сделался богачом, но без Мюда Саффира он не знал, кому предложить белую девушку за цену, которая оправдала бы риск и тяготы, связанные с ее пребыванием. Имея некоторый опыт общения с белыми, он знал, что человека, причинившего зло белой женщине, ожидает страшная кара. Нинака до самого утра обдумывал этот вопрос и наконец обратился к Вирджинии.

— Почему этот большой белый человек со своими орангутангами преследует нас? — спросил он. — Ему нужен сундук или ты?

— Во всяком случае не сундук, — ответила девушка. — Он хочет вернуть меня отцу, вот и все. Если ты отвезешь меня к моему отцу, то можешь оставить сундук себе, раз он тебе приглянулся.

Нинака испытующе взглянул на девушку. Очевидно, она представляет собой немалую ценность, и, если ее придержать, он сможет вытянуть у ее отца большой выкуп. Нужно подождать, а там видно будет. От девчонки можно избавиться в любой момент, если того потребуют обстоятельства. Река рядом, глубокая, темная, молчаливая, а ответственность за ее исчезновение он всегда сможет переложить на Мюда Саффира.

Вскоре после рассвета Нинака причалил лодку перед длинной

постройкой на сваях, где общиной проживало миролюбивое племя туземцев. Спрятав сундук в прибрежных кустах, он поднялся вместе с девушкой по бревну с зарубками в виде ступеней на веранду длинного здания, которое тянулось на триста ярдов и напоминало огромную сороконожку.

Обитатели постройки оказали Нинаке и его экипажу достойный прием. По просьбе Нинаки Вирджинию заперли в темной камерке в глубине одного из жилых помещений без окон, выходящих на веранду, тянущуюся вдоль всего здания. Туземка принесла ей пищу и воду, и пока пленница ела, не сводила с нее глаз, восхищаясь белой кожей и золотистыми волосами чужестранки.

Примерно в то же время, как Нинака причалил к берегу, Мюда Саффир из своего укрытия на берегу увидел знакомую боевую лодку, быстро несущуюся вверх по течению. Когда та приблизилась, он хотел было окликнуть гребцов, ибо на носу разглядел своих людей, но, приглядевшись, увидел, что за ними сидят пятеро страшных монстров, которые нанесли такой урон его войску, а на корме рядом с белым вожаком пристроился Барунда, и они ведут дружескую беседу. Мюда Саффир тут же передумал и нырнул в кусты.

Когда лодка исчезла за поворотом, раджа Мюда Саффир поднялся в полный рост, потрясая вслед кулаками, и, извергая страшные ругательства, проклинал каждый волосок на голове изменника Барунды и предателя Нинаки. Затем он стал ждать появления какой-нибудь лодки, ибо кто из местных туземцев посмеет отказать ему, могущественному радже, в спасении!

Барунда и Булан со своим экипажем остановились на отдых у той же деревни, что и Нинака. Острый взгляд главара даяков узнал лежащую на берегу лодку Мюда Саффира, но ничего не сказал своему белому спутнику о возможных осложнениях. Он хотел разведать, как обстоят дела прежде, чем окончательно примкнуть к той или другой стороне.

Поднявшись по бревну, служившему лестницей, он столкнулся с Нинакой, который с вытаращенными от ужаса глазами глядел на страшилищ, неуклюже карабкающихся по примитивной лестнице следом за проворными даяками и молодым белым гигантом.

— Что все это значит? — шепотом спросил Нинака у Барунды.

— Отныне они мои друзья, — ответил Барунда. — Где Мюда Саффир? Нинака ткнул большим пальцем в сторону реки.

— Кто-то из крокодилов плотно поужинал, — ответил он со значением.

Барунда улыбнулся.

— А девушка? — продолжал он. — А сокровища?

Глаза Нинаки сузились.

— Они в надежных руках, — ответил он.

— Белый хочет получить девушку, — проговорил Барунда. — Он не подозревает, что ты человек Мюда Саффира. Если бы он догадался о том, что тебе известно местонахождение девушки, он вырвал бы из тебя правду, а потом убил. На сокровища ему наплевать. В этом сундуке добра хватит на двоих. Давай же будем друзьями. Вместе мы его поделим, иначе останемся без всего. Что скажешь, Нинака?

Нинака насупился. Он не собирался делиться наживой с кем бы то ни было, однако сообразил, что Барунда обдерет его как липку, поэтому хоть и неохотно, но согласился.

В течение всего разговора Булан находился рядом, однако, естественно, не понял ни слова из того, о чем говорили туземцы.

— Что он сказал? — спросил он у Барунды. — Видел ли он лодку с девушкой?

— Да, — ответил даяк. — Он говорит, что два часа тому назад вверх по реке прошла боевая лодка. Он отчетливо видел в ней девушку, а также знает, куда она держит путь и каким маршрутом, следуя по джунглям, их можно настигнуть на следующей стоянке.

Не подозревая подвоха, Булан был готов тут же отправиться в путь. Барунда же высказался на тот счет, что если вдруг лодка с девушкой вернется, хорошо бы иметь на берегу отряд людей, которые смогут ее задержать, и вызвался возглавить группу захвата. Тем временем Нинака, добавил он, даст проводников Булану и его отряду, чтобы те провели их по джунглям к месту, где предположительно остановится Мюда Саффир.

Таким образом, Булан с двумя проводниками даяками, получившими от Нинаки надлежащие инструкции, устремился в джунгли в то время, как девушка находилась от него всего в пятидесяти ярдах. Пробираясь сквозь лабиринты джунглей, маленький отряд из восьми человек устремился вглубь чащи.

После многочасового утомительного перехода проводники остановились, обсуждая маршрут. Жестами они дали понять Булану, что сомневаются в правильности дальнейшего маршрута и что они разойдутся в разные стороны, в то время как сам он, Булан, и его пять спутников останутся на месте.

— Мы пройдем немного вперед, — сказал проводник, — а потом вернемся и проведем вас в нужном направлении.

Булан не усмотрел в этом никакого подвоха и без тени подозрения уселся на поваленном дереве, провожая взглядом обоих проводников, разошедшихся в разные стороны. Оказавшись вне пределов видимости, оба проводника повернули назад и встретились позади тех, кого бросили на произвол судьбы, а через мгновение они уже спешили к общинной хижине туземцев.

По прошествии часа в голове у Булана зародились сомнения, и с течением времени он понял, что его с товарищами оставили посреди незнакомых троп джунглей.

Как только Булан и его сподвижники растворились в джунглях, Барунда и Нинака Поспешно отчалили с сундуком и девушкой на борту, устремившись к необжитым и неприступным внутренним территориям.

Надежда Вирджинии Максон на спасение стала меркнуть, ибо проходили часы, а отряд спасателей все не появлялся. Где-то позади гналась за ними лодка, а управлял ею молодой гигант, ни на мгновение не покидавший ее мыслей.

Часами напрягала она глаза с кормы лодки, уносящей ее вглубь дикого Борнео. Время от времени на том и другом берегу проплывали туземные общинные дома, и девушка не уставала поражаться миру и спокойствию, царившим в этих маленьких селениях. Складывалось впечатление, будто они проезжают по шоссе через цивилизованные поселения, хотя девушка и знала, что мужчины, которые развалились на верандах и безмятежно попыхивают сигаретами или жуют бетель, являются охотниками за черепами, и что на балках над их головами висят жуткие трофеи, свидетельствовавшие об их доблести.

Переведя взгляд с них на своих стражников, она с отчетливостью ощутила, что предпочла бы оказаться пленницей в одном из этих селений, так как там по крайней мере она сумела бы связаться с отцом, либо ее обнаружила бы спасательная группа. Постепенно эта идея овладела ею, и она стала думать о том, как бы убежать, если они хоть на минуту пристанут к берегу. И хотя они дважды останавливались, ее бдительные охранники не дали ни малейшей возможности осуществить задуманное.

В течение всего дня Барунда и Нинака гнали экипаж вперед, позволяя лишь короткие передышки, и не остановились даже, когда на реку опустилась ночь. Лодка стремительно летела по извилистой протоке, которая стала значительно уже и, зажатая скалистыми берегами, превратилась в бурный поток.

Туземные жилища встречались все реже, пока совсем не исчезли. Лес поредел. Сознывая всю безнадежность своего положения, Вирджиния

Максон не находила себе места. Каждый взмах весел увозил ее все дальше и дальше от друзей, как и от возможности побега. А с наступлением темноты ее охватили страхи, которые одолевают человека с заходом солнца.

Барунда и Нинака перешептывались гортанным шепотом, и испуганная девушка решила, что речь идет о ней. Между тем лодка ценой отчаянных усилий гребцов вырвалась из стремительной теснины и вышла на участок со спокойным течением.

Вирджиния украдкой наблюдала за Нинакой и Барундой, поглощенных беседой и не глядевших в ее сторону. Гребцы сидели к ней спинами. Девушка бесшумно поднялась и, пригнувшись, подобралась к борту лодки. На мгновение замерла, и затем беззвучно нырнула и исчезла в черной воде.

Лодку слегка качнуло. Барунда поднял голову, чтобы выяснить, в чем дело, но в первый миг ни он, ни его собеседник не обратили внимания на отсутствие девушки. Первым ее исчезновение заметил Нинака и приказал гребцам остановиться. Затем лодка повернула назад и в течение получаса обыскивала нижний участок реки.

Как только над головой Вирджинии Максон сомкнулись волны, она поплыла под водой к противоположному берегу. Она посчитала, что если ее хватятся, то станут искать у ближнего берега, поэтому решила перехитрить их, хотя ей и предстояло преодолеть двойное расстояние.

Вскоре девушка выплыла на поверхность и Огляделась. В нескольких ярдах от себя она увидела фосфоресцирующий блеск воды на поднятых веслах, — лодка по команде Нинаки остановилась. Затем темная масса двинулась вниз в ее сторону.

Девушка снова нырнула под воду и сильными гребками поплыла к суше. Выплыв на поверхность в очередной раз, она с ужасом увидела лодку вблизи от себя. Та медленно сворачивала в ее сторону, с носа раздавался крик вперёдсмотрящего. Ее увидели.

В мгновение ока она снова погрузилась в воду и, повернув назад, проплыла под днищем лодки. Когда девушка снова вынырнула, то обнаружила, что до берега так же далеко, как и прежде, но лодка кружила уже далеко внизу. И тогда она снова двинулась к чернеющему впереди берегу, казавшемуся таким близким, но до которого ей было еще плыть и плыть.

Едва Вирджиния Максон немного успокоилась, как ее вновь стали одолевать ночные страхи. На сей раз ей вспомнились слышанные ранее рассказы о свирепых крокодилах, которыми кишат некоторые реки на

Борнео. Временами она могла поклясться, что ощущает прикосновение огромного скользкого туловища.

Бросив взгляд в сторону лодки, она увидела, что та поворачивает назад, но теперь ей угрожала новая опасность, поскольку девушка неожиданно обнаружила, что ее сносит сильное течение гораздо быстрее, чем она предполагала. Она уже могла слышать нараставший шум реки, грозным потоком устремившейся в темное ущелье. Она не знала, сколько еще осталось до берега, либо же до неминуемой гибели в бешеном водовороте, куда ее сносило непреодолимой силой, но была уверена лишь в одном — силы ее на исходе и нужно как можно быстрее добраться до берега.

Удвоив усилия, она мощным рывком устремилась к цели, борясь с неумолимым течением. Вскоре силы ее окончательно иссякли. Обратившись с молитвой к Создателю, она воздела руки кверху в последнем усилии утопающего ухватиться за что-нибудь, пусть даже за воздух. Поток подхватил ее и поволок вниз. В тот же миг пальцы девушки уцепились за какой-то предмет над самой водой.

Обессиленная девушка из последних сил ухватилась за хрупкую опору, ниспосланную ей милосердной судьбой. Она не знала, как долго она провисела так, а когда к ней вернулись силы, то увидела, что держится за лиану, свисающую с росшего на берегу дерева, которая и спасла ее от гибели в пучине.

Дюйм за дюймом подтягивалась она вверх к берегу, пока наконец не рухнула, задыхаясь, на прохладную мягкую траву на самом краю берега, где тут же заснула глубоким сном. Когда она проснулась, было уже светло.

Приоткрыв веки, она увидела солнечные лучи, пробивающиеся сквозь ажурную листву и вспомнила свой недавний сон, в котором высокий молодой гигант спас ее от демонов и, подняв на руки, понес обратно к отцу. Неужели это был сон? Неожиданно она с отчетливостью осознала, что находится в объятиях сильных рук, прижимающих ее к груди, где билось взаправдашнее сердце.

Вздрогнув, она широко распахнула глаза и увидела над собой страшную морду огромного орангутанга.

ХІ

«Я ИДУ!»

Наутро после похищения Вирджинии раджой Мюда Саффиром профессор Максон, фон Хорн, Синг Ли и единственный уцелевший из экипажа «Итаки» ласкар покинули остров, держа путь через пролив к Борнео на маленькой лодке, припрятанной доктором в джунглях вблизи бухты. Отряд был хорошо оснащен огнестрельным оружием и боеприпасами, а на дне лодки лежали многочисленные тюки с провиантом и кухонной утварью. Фон Хорн позаботился о мачте и о парусе, и теперь с попутным бризом лодка весело неслась к таинственной земле Борнео.

Едва они вышли из бухты, как увидели вдалеке судно, привлекавшее их внимание своим странным ходом. Когда они подошли ближе, оказалось, что это крупная шхуна, но с одной-единственной мачтой и крохотным парусом. Шхуна то шла вперед под надутым парусом, то вдруг резко меняла направление, а через миг снова выравнивала курс.

Первым судно узнал фон Хорн.

— Это «Итака», — сказал он, — и даякам не позавидуешь. Похоже, что шхуна без руля.

Фон Хорн подогнал лодку на расстояние слышимости. К тому времени борт шхуны облепили туземцы, размахивающие руками и жестикулирующие. Они объяснили, что являются мирными рыбаками, чьи лодки затонули во время недавнего тайфуна. Они чудом спаслись, наткнувшись на эту развалину, которую милостивый Аллах поставил прямо на их пути. Не откажет ли белый господин в любезности научить их управлять этой большой лодкой.

Фон Хорн обещал помочь им при условии, если они проведут его отряд к крепости раджи Мюда Саффира в глубине Борнео. Даяки охотно согласились, и фон Хорн подогнал лодку вплотную к корме «Итаки». Здесь он обнаружил, что рулевое управление пострадало не сильно. На устранение повреждения потребовалось лишь полчаса, и затем оба судна продолжили путь к устью реки, по которой проследовали минувшей ночью те, которых они искали.

Возле небольшого острова шхуну Поставили на якорь, — того самого острова, где разыгралась жестокая битва между Номером Тринадцать и воинами Мюда Саффира. С палубы «Итаки» туземцы увидели брошенную

Буланом лодку, на которой он переправился через пролив, а также трупы погибших даяков и страшных чудовищ из отряда белого гиганта.

Охотники за черепами взволнованными голосами сообщили фон Хорну об увиденных следах сражения, тот подгреб к острову и спрыгнул на берег. За ним последовали профессор Максон и Синг. Здесь они обнаружили трупы четырех монстров, погибших при попытке спасти дочь своего создателя, хотя и не догадывались об этом.

Лежащие вокруг них трупы дюжины даяков свидетельствовали о беспощадности схватки и свирепой доблести безоружных существ, отдавших свои жизни такой дорогой ценой.

— Очевидно, они погибли, сражаясь из-за пленницы, — предположил фон Хорн. — Будем надеяться, что она не угодила в руки Номера Тринадцать, хуже участи нельзя и представить.

— Дай Бог, чтобы этого не случилось, — простонал профессор Максон. — Пираты обязательно потребовали бы за нее выкуп, но если она окажется во власти этого бездушного существа, то остается лишь молиться о том, чтобы у нее хватило мужества и достало средств лишить себя жизни прежде, чем он осуществит свои гнусные намерения.

— Аминь, — изрёк фон Хорн.

Синг Ли ничего не сказал, но в душе уповал на то, чтобы Вирджиния. Максон только не досталась радже Мюда Саффину. За недолгое время общения с Номером Тринадцать, в ходе схватки в бунгало, старый китаец воспыал симпатией к одинокому молодому гиганту, и, хорошо разбираясь в людях, был уверен в том, что под его присмотром девушка была бы в безопасности.

Затем было решено бросить шлюпку и всем пересесть на брошенную боевую лодку. Спустя полчаса странная, разномастная компания двинулась вверх по реке после того, как фон Хори взобрался на «Итаку» и обнаружил к своему ужасу, что сундука на шхуне нет.

Далеко впереди на правом берегу прятался в своем укрытии Мюда Саффир. С самого рассвета мимо не прошло ни одной лодки. Не спуская зорких глаз с просматриваемого им длинного участка реки, он наконец увидел внизу по течению боевую лодку. Когда та приблизилась, он узнал в ней лодку из собственной флотилии, а через миг сердце его радостно ёкнуло при виде знакомых лиц некоторых из своих воинов, но что это за люди на корме, и что делает там сидящий на носу китаец?

Лодка была уже почти рядом, когда раджа узнал в белых людях профессора Максона и фон Хорна. Мюда Саффир стал гадать, знают ли они о его участии в нападении на лагерь. Будудрин рассказал ему многое о

докторе, и, вспомнив про то, что фон Хорн жаждал завладеть и сокровищем, и девушкой, раджа решил, что в обществе этого человека он будет в безопасности, посулив свое содействие в поисках пропажи. И Мюда Саффир, которому осточертело торчать на берегу и который был страшно голоден, поднялся в полный рост и окликнул проплывающую мимо лодку.

Моментально узнав голос своего господина, туземцы, не ведавшие о вероломном поступке своих товарищей, повернули лодку к берегу, не ожидая команды фон Хорна. Тот, заподозрив измену, вскочил на ноги с поднятым ружьем, но, когда один из гребцов объяснил ему, что это раджа Мюда Саффир и что он один, фон Хорн разрешил им подойти к берегу, хотя и продолжал оставаться начеку, а также велел профессору и Сингу глядеть в оба.

Как, только нос лодки коснулся берега, Мюда Саффир поднялся на борт и, рассыпаясь в выражениях благодарности, объяснил, что накануне ночью выпал из лодки и его, видимо, сочли утонувшим, поскольку ни одна из лодок не повернула назад на его поиски. Едва малаец подсел к фон Хорну, как тот стал расспрашивать раджу на его родном языке, из которого профессор Максон не понял ни слова, тогда как Синг владел им наравне с фон Хорном.

— Где девушка и сокровище? — спросил фон Хорн.

— Какая девушка, белый господин? — невинным голосом спросил хитрый малаец. — И какое сокровище? Белый человек говорит загадками.

— Ладно-ладно, — нетерпеливо бросил фон Хорн. — Только без дураков. Ты прекрасно знаешь, о чем идет речь. Тебе же будет лучше, если мы объединим усилия. Мне нужна девушка, если с ней все в порядке, и я поделюсь с тобой сокровищем, если поможешь мне заполучить и то, и другое. В противном случае тебе не достанется ничего. Что скажешь? Будем друзьями или врагами?

— Девушку и сокровище выкрал у меня мерзавец Нинака, — сказал Мюда Саффир, решивший изобразить дружеское участие по крайней мере на время, в дальнейшем же он всегда найдет возможность утихомирить фон Хорна острым клинком, как только они окажутся там, куда Мюда Саффир их доставит.

— Что стало с белым человеком, возглавлявшим монстров? — спросил фон Хорн.

— Он убил многих из моих людей, а когда я видел его в последний раз, он отправился по реке вдогонку за девушкой и сокровищем, — ответил малаец.

— Если тебя кто-нибудь спросит, — продолжал фон Хорн, многозначительно покосившись на профессора Максона, — скажешь, что девушку похитил этот белый гигант и что из дружеского к нам расположения ты пытался спасти ее, но потерпел неудачу. Ты понял?

Мюда Саффир кивнул. Такие люди ему нравились, — лицемеры и интриганы. Очевидно, в его лице он получил хорошего союзника в расправе над белым гигантом, спутавшим все планы. Ну, а если фон Хорн станет причинять неудобства, на этот случай всегда найдется острый крис.

В общинном доме туземцев, где останавливались Барунда и Нинака, Мюда Саффир выведал о последних событиях у двух даяков, которые завели Булана и его ватагу в джунгли. Полученными сведениями он поделился с фон Хорном, и они оба возрадовались тому, что удалось избавиться от наиболее грозного врага. Теперь гибель монстров была лишь вопросом времени — им уже ни за что не выбраться из непроходимой чаши, а охотники за черепами истребят их по одному, пока они спят.

Отряд снова двинулся в путь. К нему прибавилось двое даяков, которые были только рады доказать свою преданность Мюда Саффиру, на чьей стороне находились белые с огнестрельным оружием. По пути следования от жителей туземных сеелений они получали информацию о прохождении двух лодок с Барундой, Нинакой и белой девушкой.

Профессору Максону, с нетерпением ждавшему всякой вести о дочери, фон Хорн говорил, что Вирджиния все еще в руках у Номера Тринадцать, а также постоянно расхваливал отвагу Мюда Саффира и его людей, проявленную ими в благородной попытке спасти его дочь. Присутствующий при этом Синг Ли оставался безучастным ко всему. Он сидел с полузакрытыми глазами, и никто не знал, какие мысли проносились в его азиатском мозгу.

Булан и его пятеро монстров продирались сквозь чащу, пытаясь выйти к реке, не зная того, что движутся параллельно ей на расстоянии всего нескольких миль.

В пути они питались фруктами, знакомыми им со времени жизни в лагере. Томимые сильной жаждой они наконец наткнулись на небольшую речку и, припав к ней, наполнили иссохшие желудки. Тогда Булан решил идти вперед, держась речки. Не все ли равно куда она приведет, раз уж они окончательно заблудились, а так хоть всегда можно будет вдоволь напиться.

Постепенно речка становилась все шире, пока не превратилась в самую настоящую реку. У Булана зародилась надежда, что это та самая река, по которой они шли в лодке, и что скоро он увидит боевые пироги

туземцев, а, возможно, и саму Вирджинию Максон. За это время легкие парусиновые куртки и брюки на всех шестерых изодрались до нитки, и теперь они были практически обнажены, а их тела исцарапаны до крови острыми шипами и колючками, сквозь которые они продирались.

Булан по-прежнему не расставался с тяжелым кнутом, а его пятеро спутников имели при себе паранги, захваченные у даяков, которых они разгромили на острове.

Так они шли, являя собой диковинное зрелище, и не знали, что уже некоторое время за ними сквозь листву наблюдают зоркие глаза двух десятков речных даяков. Охотники за черепами были заняты сбором камфары, как вдруг услышали вдалеке шум и, держа паранги наготове, крадучись двинулись на звуки.

При виде жутких созданий дикари едва не пустились наутек, но когда увидели, что их всего полдюжины и что они плохо вооружены, а паранги держат крайне неумело, то собрались с мужеством и решили устроить засаду.

Какие замечательные получатся трофеи из этих устрашающих голов, если их хорошенько высушить и разукрасить! Дикари с дрожью сердца предвкушали тот переполох, который они произведут, вернувшись домой с такими потрясающими приобретениями.

Монстры приблизились к тому месту, где в засаде заложили двадцать лоснящихся коричневых воинов. Впереди шел Булан, а за ним, цепочкой ковыляли остальные. Внезапно совсем рядом раздался хор диких криков, и в тот же миг он оказался в окружении занесенных парангов.

Молниеносно взлетел кнут, и потрясенным воинам показалось, что на них напали несколько десятков воинов в лице этого могучего белого гиганта. Следуя примеру своего вожака, монстры набросились на ближайших даяков и, хотя парангами они обращались неумело, со сверхчеловеческой силой стали рубить неприятеля, поражая его насмерть.

После неудавшейся внезапной атаки даяки были бы рады обратиться в бегство, но Булан бросил вслед за ними своих монстров, и дикари были вынуждены сражаться, чтобы сохранить свои жизни. Наконец пятерым из них удалось скрыться в джунглях, а на земле осталось лежать пятнадцать неподвижных тел — жертв собственной самоуверенности. Рядом с ними лежали двое из пятерки Булана, так что в маленьком отряде осталось теперь только четверо, и тем самым проблема, которая тревожила профессора Максона, значительно приблизилась к собственному разрешению.

С тел мертвых даяков Булан и три его спутника, Номер Три, Номер

Десять и Номер Двенадцать, сняли столько набедренных повязок, головных уборов, боевых накидок, щитов и оружия, сколько им потребовалось для полной экипировки. После этого, имея еще более устрашающий вид, чем прежде, быстро тающий отряд бездушных монстров продолжил свое бесцельное странствие вдоль берега реки.

Пятеро уцелевших даяков принесли своим весть о жутких существах, напавших на них в джунглях, и о потрясающей отваге белого гиганта, их вожака: Они рассказали о том, как будучи вооруженным одной лишь плеткой, тот легко одолел лучших воинов племени. Эта новость быстро облетела прибрежные селения, достигла большой реки и распространилась вверх и вниз по течению тем удивительным образом, каким новости разносятся в диких частях света.

В результате Булан на своем пути видел лишь брошенные жилища, а, выйдя к большой реке и двинувшись вверх к истоку, не встретил никакого сопротивления и даже мельком не увидел коричневых людей, наблюдающих за ним из своего укрытия в кустах.

Той ночью они спали в общинном туземном жилище на берегу большой реки, тогда как его законные обитатели попрятались в джунгли. Следующее утро застало четверку снова в дороге, ибо Булан был убежден в том, что оказался на верном пути и что новая река была той самой, по которой он плыл в лодке вместе с Барундой.

Около полудня до ушей молодого гиганта долетел звук некоего движения в джунглях неподалеку. Опыт общения с людьми научил его осторожности, поскольку было ясно, что все они против него, поэтому он решил тотчас выяснить, что там такое, — враг в образе человека, подкрадывающийся к нему с парангом в руке, либо просто животное.

Он осторожно стал пробираться сквозь заросли туда, откуда донесся звук. И хотя у него на боку висел паранг погибшего даяка, он крепче сжал правой рукой кнут, предпочитая его менее привычному оружию охотника за черепами. Пройдя дюжину ярдов, он увидел схоронившуюся за деревом волосатую фигуру с близко посаженными злобными глазами.

В тот же миг его внимание привлекло легкое движение в стороне. Глянув туда, он увидел такое же существо, притаившееся в кустах, а затем и третье, и четвертое, и пятое. Булан с удивлением уставился на странных человекоподобных существ, которые угрожающе глядели на него со всех сторон. Ростом те были с даяков, но совершенно голые, если не считать рыжеватой шерсти по всему телу, переходящей на лице и руках в черную.

Ближнее к Булану существо злобно зарычало, обнажив грозные клыки, но в общем животные как будто не стремились начинать боевые действия,

и, так как они были безоружны и заняты чем-то своим, Булан решил уходить, чтобы не раздражать их. Повернувшись назад, он обнаружил перед собой троих своих спутников, изумленно вытаращивших глаза на незнакомые им существа.

Номер Десять широко ухмыльнулся, а Номер Три осторожно двинулся к одному из них, издавая низкий гортанный звук, исключительно дружелюбный, напоминающий кошачье мурлыканье.

— Что ты делаешь? — воскликнул Булан. — Оставь их в покое. Они ничем нам не угрожают.

— Они похожи на нас, — ответил Номер Три. — Мы с ними, наверное, одной породы. Я ухожу к ним.

— Я тоже, — подхватил Номер Десять.

— И я, — оживился Номер Двенадцать. — Наконец-то мы нашли своих. Давайте пойдем с ними, станем жить вместе, вдали от людей, которые избивают нас большими плетками и режут острыми мечами.

— Они не люди! — воскликнул Булан. — Мы не можем жить вместе с ним.

— Но и мы тоже не люди, — возразил Номер Двенадцать. — Разве не твердил нам об этом фон Хорн?

— Если я пока и не человек, — ответил Булан, — то намерен им стать, поэтому поступлю так, как поступает человек. Я не пойду жить с дикими зверями и вам не позволю. Пошли со мной, иначе вам придется снова отвеждать плетки.

— Мы сделаем так, как хочется нам, — прорычал Номер Десять, оскалив клыки. — Ты не наш хозяин. С нас довольно. Нам надоело без конца ходить по лесу. Ступай своей дорогой и становись человеком, если у тебя это получится, только не вмешивайся больше в нашу жизнь, иначе мы тебя прикончим.

И он посмотрел на товарищей в ожидании одобрения своего ультиматума.

Номер Три кивнул своей страшной головой. Он настолько зарос черными волосами, что скорее напоминал орангутанга, нежели человека. Номер Двенадцать, казалось, засомневался.

— Я думаю, Номер Десять прав, — сказал он наконец. — Мы не люди. У нас нет души. Мы — вещи. И хоть ты, Булан, красавчик, ты все же такой же бездушный предмет, как и мы. Этому-то фон Хорн хорошо нас обучил. Поэтому я считаю, что будет лучше, если мы навсегда уберемся с человеческих глаз. Мне не очень нравится идея поселиться с этими волосатыми чудовищами, но мы можем найти в джунглях место, где стали

бы жить одни, в мире и спокойствии.

— Я не хочу жить один, — закричал Номер Три. — Хочу жить с подругой. Смотрите, какая красавица! Я иду к ней.

И он двинулся к самке орангутанга, но та оскалила клыки и бросилась бежать.

— Даже звери и те нас чураются, — гневно выкрикнул Номер Десять. — Но мы их заставим силой принять нас.

И он бросился вслед за Номером Три.

— Вернитесь! — крикнул Булан, срываясь с места за обоими дезертирами.

В ответ на его громкий призыв невдалеке раздался испуганный женский крик, молящий о помощи.

— Иду! — крикнул Булан и, не глядя на своих мятежных спутников, прорвался сквозь заслон грозных орангутангов.

XII

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Когда наутро Булан со своими тремя монстрами покинул оставленное туземцами жилище, где они провели ночь, отряд профессора Максона следовал вверх по реке, вдохновляемый многократными сообщениями туземцев о том, что белую девушку видели в проезжающей мимо боевой лодке.

Передавая эту информацию профессору Максону, фон Хорн по обыкновению представил дело так, будто девушка находилась в руках Номера Тринадцать, или Булана, как они стали его называть вслед за туземцами, окрестившими так грозного молодого гиганта, вторгшегося на их землю.

Из-за внезапного приступа лихорадки, свалившей, профессора, поисковая группа была вынуждена сделать остановку в последнем туземном жилище перед узкой тесниной, выше которой Вирджинии Максон удалось спастись от Нинаки и Барунды. Здесь они повстречали Женщину, рассказавшую странную историю об увиденном ею в то же утро удивительном зрелище.

Туземка промывала тапиоку в ручье, вытекающем из джунглей позади дома, как вдруг внимание ее привлек страшный треск в кустах неподалеку от нее. Подняв голову, она увидела огромного орангутанга, который перебрался через ручей, неся на руках то ли мертвую, то ли потерявшую сознание белую девушку с золотистыми волосами.

Выслушав описание животного, данное туземкой, фон Хорн пришел к выводу, что та видела Номера Три, несущего Вирджинию Максон, хотя это и противоречило рассказу двух даяков о том, что они завели монстров в непроходимую чащу, откуда им уже не выбраться.

Даже если им чудом удалось выйти к реке, то каким образом Вирджиния Максон попала к ним, если все сообщения туземцев, кроме этого, последнего, подтверждали, что девушка находится в руках у Нинаки и Барунды. Конечно, не исключено, что туземцы лгали, и чем больше он расспрашивал женщину, тем больше укреплялся в мысли, что так оно и есть.

В итоге фон Хорн решил попытаться выйти на след виденного туземкой существа и с этой целью убедил Мюда Саффира договориться с

вождем туземцев, чтобы тот дал ему следопытов и группу воинов, пообещав им замечательные черепа, если те поймут Булана и его шайку.

Профессор Максон по причине болезни не мог сопровождать экспедицию, и фон Хорн отправился один с даяками. Когда они ушли, Синг Ли стал проявлять признаки беспокойства. Он абсолютно не доверял фон Хорну и по мотивам, известным ему одному, решил последовать за доктором. Следы отряда были отчетливо видны, и китаец вскоре оказался в пределах слышимости от них. Держась поодаль, чтобы его не заметили, он последовал за маленькой колонной, шагающей по знойной утренней жаре, и после полудня услышал женский крик, зовущий на помощь, и тут же ответный крик мужчины.

Голоса прозвучали неподалеку в обратной стороне, и, не дожидаясь возвращения отряда и не удостоверившись в том, что те услышали крики, Синг быстро побежал по направлению к встревожившим его звукам. Некоторое время он не видел ничего, ориентируясь лишь на быстро удаляющийся треск веток.

Вскоре взору китайца предстало потрясшее его зрелище. За убегавшей самкой орангутанга бешено гнался Номер Три, а спустя мгновение Синг увидел сцепившихся с двумя самцами Номера Двенадцать и Номера Десять. Чуть поодаль послышался мужской голос, выкрикнувший слова ободрения кому-то, а затем хруст веток. Туда-то и устремился Синг, поскольку был уверен в том, что мужской голос принадлежит Булану, а женский Вирджинии Максон.

Те, кого он преследовал, быстро удалялись, однако китаец был отменным бегуном, и вскоре в поле его зрения попал объект погони.

Сперва он увидел Булана, бегущего между двумя огромными самцами-орангутангами. Обезьяны пытались достать его лапами, Булан же отбивался от них тяжелой плеткой. Перед троицей мчался другой самец, держащий на руках Вирджинию Максон, которая лишилась чувств, как только услышала ответ на свой крик о помощи. Синг имел при себе тяжелый револьвер, но не рискнул пустить его в ход, опасаясь поранить Булана и девушку, так что ему пришлось остаться пассивным зрителем последующих событий. |

Несмотря на схватку на бегу, которую навязывали. Булану самцы, он неуклонно настигал убегающего орангутанга, чья ноша мешала ему развить максимальную скорость. Оказавшись на поляне, удиравший самец оглянулся, увидел в двух шагах от себя преследователя и, злобно рыча, повернулся, готовый отразить атаку.

В следующее мгновение Булан и трое самцов клубком покатались по

траве. Ключья шерсти полетели в разные стороны. Брызнула кровь.

Вирджиния Максон тихо лежала на траве, куда ее бросил похититель.

Синг собрался было подбежать к девушке и поднять ее с земли, как вдруг на поляну выскочили фон Хорн и даяки, привлеченные шумом погони и схватки. При виде неподвижно лежащей девушки и гиганта, борющегося с тремя самцами, доктор остановился.

Затем он поднял Вирджинию Максон и, дав знак даякам, до смерти напуганным одним лишь видом белого гиганта, о котором они слышали такие жуткие истории, повернулся и поспешил назад, туда, откуда они пришли, оставив Булана погибать скорой, страшной смертью.

Синг Ли был поражен предательским поступком доктора. Дочь профессора Максона спаслась исключительно благодаря Булану, и, невзирая на его самоотверженную преданность, фон Хорн бросил его, не сделав ни малейшей попытки помочь ему. Однако старый, морщинистый китаец был иной заправки. Он бросился на подмогу Булану, но тут на его плечо опустилась чья-то тяжелая рука. Оглянувшись, он увидел отталкивающую физиономию Номера Десять. Налитые кровью глаза монстра полыхали яростным огнем. Он побывал в схватке с самцом орангутанга, которого в итоге одолел и убил, но преследуемая им самка все же ускользнула от него. Охваченный слепой страстью и взбудораженный запахом свежей крови он ринулся на поиски самки, как вдруг наткнулся на незадачливого Синга.

Взревев, он схватил китайца, словно желая переломить его пополам, однако Синг вовсе не собирался отдавать свою жизнь без боя, и Номер Десять очень скоро почувствовал силу мышц, скрытых под морщинистой желтой кожей.

И все же исход поединка был бы предрешен, не имей при себе китаец револьвера — монстр трепал его, словно терьер крысу. Но вот раздался выстрел, и еще один продукт неудачных экспериментов профессора Максона погрузился в небытие, откуда тот вызвал его на свет.

Затем Синг обернулся к Булану, но, кроме мертвого орангутанга, на месте сражения никого не оказалось — ни белого, ни его противников. Внимательно прислушавшись, он не уловил в джунглях ни малейшего звука, за исключением шороха листвы и хриплых криков птиц с ярким оперением, порхающих среди цветущих деревьев.

В течение получаса он безуспешно разыскивал Булана, а затем, боясь заблудиться в дебрях незнакомого леса, неохотно повернул назад к реке.

Здесь он застал профессора Максона почти выздоровевшим. Возвращение Вирджинии подействовало на профессора, как тонизирующее

средство. Девушка и ее отец сидели на веранде жилища в обществе фон Хорна, когда Синг стал пошатываясь подниматься по ступеням. При виде китайца Вирджиния Максон вскочила на ноги и побежала ему навстречу, поскольку сильно привязалась к умному доброму повару, который поделил с ней томительные месяцы добровольного заточения в лагере.

— О, Синг! — воскликнула она. — Где ты пропадал? Мы так волновались. Не хватало еще, чтобы теперь, когда меня нашли, потерялся ты.

— Синг уходил на прогулку, — ответил китаец, усмехнувшись. — Моя очень рад, что Вيني вернулась.

Вот и все, что сказал Синг Ли о том, что с ним приключилось и что он увидел в джунглях.

Снова и снова пересказывали девушка и фон Хорн волнующие события дня. Впрочем, о своей роли в спасении Вирджинии доктор говорил крайне неохотно, лишь под большим нажимом. «Какой скромный», — подумал про себя Синг, когда услышал докторскую версию случившегося.

— Видите ли, — сказал фон Хорн, — когда я прибыл на место, Номер Три, тот, кого вы приняли за обезьяну, передавал вас из рук в руки Номеру Тринадцать, или, как его называют туземцы, Булану: Вы тогда были в обмороке, и, когда я напал на Булана, он выронил вас, чтобы защищаться. Я ожидал от него яростного сопротивления после живописных рассказов туземцев о его свирепости, но вскоре оказалось, что он жалкий трус. Мне даже не пришлось стрелять из револьвера, нескольких ударов рукояткой по его безмозглому черепу хватило, чтобы он с воем бросился наутек, а следом за ним его сообщники.

— Как нам повезло, дорогой доктор, — сказал профессор Максон, — что вы отважились преследовать злодея в джунглях. Если бы не вы, Вирджиния осталась бы в лапах у этого мерзавца, и мы бы уже никогда не смогли его поймать. Как нам отблагодарить вас, дорогой друг?

— Об этом мы договорились, если помните, когда отправились на поиски вашей дочери, — отозвался фон Хорн.

— Да-да, конечно, — произнес профессор, на лице которого при напоминании промелькнуло озабоченное выражение.

Вскоре профессор встал, заявив, что чувствует себя слабым, а потому пойдет к себе полежать. На деле профессор Максон жалел о данном фон Хорну обещании относительно дочери.

Однажды он уже вынашивал планы касательно ее замужества, впоследствии же горько раскаялся. Он надеялся, что на сей раз не

совершил ошибки, однако сознавал, что едва ли был справедлив по отношению к Вирджинии, пообещав ее своему помощнику, предварительно не заручившись ее согласием. И все же обещание есть обещание, а потом разве не спас ее фон Хорн от верной гибели? Оправдывая этим соображением свое намерение, профессор окончательно решил, что заставит Вирджинию принять предложение фон Хорна, если она по каким-то причинам откажется, хотя и надеялся, что все пойдет гладко, и она добровольно согласится на брак с человеком, спасшим ей жизнь.

Оставшись наедине с девушкой, фон Хорн решил, что настал удобный момент для серьезного разговора. Собравшихся неподалеку туземцев он игнорировал, так как те не понимали языка, на котором он разговаривал с Вирджинией, и в сумерках не заметил притаившегося среди них Синга.

— Вирджиния, — начал он, выдержав паузу, — сколько раз я заводил речь о том, что наболело на душе, но вы меня не поощряли в этом. Неужели вы не испытываете никаких чувств к человеку, который с радостью отдал бы за вас жизнь? Я не претендую на всю любовь сразу — она придет позже. Дайте мне просто право защищать и оберегать вас, и я стану счастливейшим человеком на свете. Скажите, что вы станете моей женой, Вирджиния, и нам уже не нужно будет опасаться непредсказуемых причуд вашего отца, которые подвергали риску вашу жизнь и ваше счастье в прошлом.

— Я понимаю, что обязана вам жизнью, — тихо ответила девушка, — и теперь, когда отец полностью пришел в себя и раскаивается в своих чудовищных намерениях, я не могу не испытывать к вам благодарности. Вместе с тем я не хочу принести вам несчастье, а так оно и было бы, если я вышла бы за вас без любви. Давайте подождем, пока я разберусь в своих чувствах. Хотя вы и заводили об этом разговор раньше, теперь-то я понимаю, что на самом деле всерьез я не пыталась разобраться, смогу ли полюбить вас или нет. У нас достаточно времени прежде, чем вернемся в цивилизованный мир, если нам вообще это удастся. Проявите свое великодушие, как проявили храбрость, и дайте несколько дней для окончательного ответа.

Помня о торжественном обещании профессора Максона, фон Хорн послушно уступил пожеланию девушки. Со своей стороны, Вирджиния была не в силах забыть испытанного ею разочарования, когда обнаружилось, что ее спас фон Хорн, а не красавец-гигант, который гнался по пятам за ее похитителями.

Всякий раз, когда речь заходила о Номере Тринадцать, ей в

воображении рисовался отвратительный монстр, вроде того, который поймал ее в джунглях неподалеку от лагеря в тот день, когда она впервые увидела таинственного незнакомца, о котором не смогла получить никакой информации ни от отца, ни от фон Хорна. А когда она стала убеждать их в том, что тот же человек пытался спасти ее вместе с отцовскими чудовищами, фон Хорн и профессор Максон высмеяли ее, и ей стало казаться, что все это ей померещилось от страха.

Вирджиния не могла понять, отчего перед ней постоянно маячит лицо незнакомца. Нельзя отрицать того, что этот человек на редкость хорош собой, но не впервые же она видела красавца, к тому же, внешняя красота никогда не была для нее главным. Во время их первой встречи они не обменялись ни единым словом, так что он запомнился ей не из-за своих речей.

Но из-за чего же тогда? Из-за воспоминания о тех минутах, когда она лежала на его сильных руках? Из-за теплоты его взора, окатившего ее сладостной волной?

Вопрос этот раздражал и мучил ее. Девушка залилась краской стыда при мысли о том, что не может отделаться от образа абсолютного незнакомца и — о, унижение! — от желания снова встретиться с ним.

Она была недовольна собой, но чем больше она пыталась забыть молодого гиганта, на мгновение вторгшегося в ее жизнь, чем больше пыталась понять, кто он, как его занесло на остров, и почему он так же загадочно исчез, тем меньше ей нравился доктор фон Хорн с его притязаниями.

Простившись с девушкой, фон Хорн пошел к реке. Вирджиния отправилась в отведенную для нее комнату. Проходя мимо группы туземцев, она услышала знакомый голос:

— Берегись, Вини, доктор Хорн очень плохой человек.

— Синг! — воскликнула Вирджиния. — Ради всего святого, о чем ты?

— Ты всегда была добра к старику Сингу. Синг не хочет видеть тебя печальной. Доктор Хорн очень плохой человек, вот и все.

С этими словами китаец повернулся и пошел прочь.

XIII

ЗАХОРОНЕННОЕ СОКРОВИЩЕ

После побега девушки Барунда и Нинака крупно повздорили, в результате чего Нинака всадил своему спутнику нож меж ребер, а тело выбросил за борт.

Возмущенные этим поступком сторонники Барунды, охваченные жаждой мести, вступили в бой, и Нинака с его людьми были вынуждены пристать к берегу и скрыться в джунглях.

С большим трудом они завладели сундуком и волоком потащили его в чашу. В конце концов им удалось оторваться от разгневанных преследователей, и они направились через джунгли к истоку реки, которая вывела бы их к морю иным маршрутом, так как Нинака хотел по возможности скорее распорядиться содержимым сундука с помощью мошенника малайца, который проживал в Гунунг Теборе, где вел успешную торговлю с пиратами.

Вскоре однако оказалось, что ему не удалось избежать возмездия. Вечером того же дня на отряд с тыла напали воины Барунды, опередившие своих товарищей, и в итоге голова брата Нинаки отправилась приумножать славу вражеского жилища.

Нинаку охватила паника. Стесняемый тяжелым сундуком он не мог ни толком сразиться с врагом, ни убежать. Поэтому темной ночью неподалеку от истока разыскиваемой им реки он зарыл сокровища под деревом-великаном, а на стволе парангом вывел некие каббалистические знаки, по которым смог бы распознать место, когда будет безопасно вернуться за добычей. Затем он со своими людьми поспешил вниз по реке, похитил на лодочной стоянке лодку и устремился к морю.

Когда на Булана набросились трое самцов, он не испытывал страха за исход битвы, поскольку прежде всегда одерживал победу. Однако через некоторое время он понял, что есть предел числу нападающих, которому он в состоянии противостоять, поскольку вряд ли может двумя руками вцепиться в три горла, либо же отразить удары шести могучих лап или укусы трех пар свирепых челюстей.

Когда до него дошла истина, а истина заключалась в том, что его убивают, в нем проснулся инстинкт самосохранения. Ярость, с которой он сражался прежде, померкла перед тем бешеным неистовством, с которым

он набросился на свирепых самцов. Отряхнувшись подобно огромному льву, он освободил на миг руки из тисков противника и, схватив ближнего самца за горло, свернул ему шею.

Раздался дикий вопль, хруст шейных позвонков, и нападающих осталось двое. Битва тут же возобновилась. В пылу сражения троица сошла с поляны и оказалась в джунглях. Силы Булана быстро таяли от страшного напряжения и потери крови, струившейся из полученных ран, однако постепенно он стал одолевать взмыленных животных, которые выдохлись не меньше его. Все слабее и слабее становились удары, но тут Булан неловко оступился, с размаху врезался головой в дерево и оглушенный упал без сознания, оказавшись во власти беспощадных зверей.

Самцы уже накинулись на неподвижное тело жертвы, чтобы завершить то, что началось по чистой случайности, как вдруг раздался громкий выстрел. Это пуля китайца поразила Номера Десять в самое сердце. Орангутанги, никогда прежде не слышавшие огнестрельного оружия, к тому же так близко, в ужасе бросились наутек, мгновенно позабыв обо всем на свете и оставив Булана лежать на земле.

Вот почему Синг, прошедший в нескольких шагах от потерявшего сознание Булана, не увидел и не услышал ни его, ни его противников.

Когда Булан очнулся, день близился к концу. Он ощутил страшную слабость и боль во всем теле. Голова раскалывалась. Он подумал, что умирает, ибо как можно выжить при таких мучениях? Но в конце концов Булан с трудом поднялся на ноги, а еще позже доковылял до реки, по которой еще утром плыл на лодке. Здесь он утолил жажду и обмыл раны, а когда стемнело, лег на траву и заснул.

Утром он почувствовал себя гораздо лучше — отменное здоровье и богатырское телосложение сделали свое дело.

Отправившись в джунгли добывать завтрак, он неожиданно столкнулся с Номером Три и Номером Двенадцать, которые были заняты тем же.

Завидев его, монстры бросились бежать, но вскоре вернулись, услышав, что он их не тронет. Присмотревшись к ним повнимательнее, Булан увидел, что их тела покрыты страшными ранами и, расспросив их, выяснил, что им, как и ему, здорово досталось от орангутангов.

— Звери и те испытывают к нам отвращение, — пожаловался Номер Двенадцать. — Что же нам делать?

— Оставьте зверей в покое, как я говорил, — ответил Булан.

— И люди тоже нас ненавидят, — гнул свое Номер Двенадцать.

— Тогда давайте жить сами по себе, — предложил Номер Три.

— Мы ненавидим друг друга, — возразил пессимистически настроенный Номер Двенадцать. — В мире для нас нет места. Мы никому не нужны. Ведь» мы всего лишь бездушные вещи.

— Довольно! — воскликнул Булан. — Я не бездушная вещь. Я человек и у меня есть душа, такая же чистая и благородная, как и у других людей.

И перед его мысленным взором возникло прекрасное лицо, обрамленное вьющимися золотистыми волосами... Но безмозглые монстры так ничего и не поняли. Покачав головами, они вновь приступили к трапезе и забыли, о чем шел разговор.

Когда все трое насытились, монстры легли спать до следующего приема пищи, но Булан по-хозяйски растолкал их и заставил сопровождать его в поисках девушки, которая столь загадочно исчезла после того, как он спас ее от орангутангов.

Номер Двенадцать и Номер Три заверили его, что девушка не попала в лапы к животным, так как они своими глазами видели, как стая помчалась в джунгли, напуганная незнакомым оглушительным звуком. Булан не мог понять, что произошло на самом деле, так как сам он, потеряв сознание, выстрела не слышал, но из описания шума, которое дал ему Номер Двенадцать, определил, что это был выстрел. Наверное, подросли друзья Вирджинии Максон, и она теперь в безопасности.

Тем не менее, он не отказался от намерения отыскать девушку, поскольку допускал, что стрелять мог и туземец, ведь у многих из них имелось огнестрельное оружие. Его прежде всего волновало благополучие девушки, что красноречиво свидетельствовало о благородстве его натуры, и хотя он хотел увидеть ее ради собственного удовольствия, единственным его помыслом было служение Вирджинии Максон.

Через некоторое время он пришел к выводу, что идет в неверном направлении, и, стремясь обнаружить следы отряда, спасшего или же захватившего девушку, он двинулся в другую сторону, прочь от реки. Не зная леса и не умея ориентироваться, он оказался сбитым с толку и вместо того, чтобы вернуться к тому месту, где в последний раз видел девушку, как он хотел сделать, отошел далеко на северо-восток, так и не пересекшись с тропой, которой прошли фон Хорн и даяки.

На протяжении всего дня он гнал своих недовольных спутников по невыносимой тропической жаре. На закате солнца они в изнеможении остановились на берегу реки, где наполнили желудки прохладной влагой и после ужина легли спать. Было еще совсем темно, когда Булана разбудили звуки приближающихся шагов. Прислушавшись, он вскоре услышал

людские голоса, разговаривающие шепотом. Он распознал язык даяков, но не понял ни слова.

Вскоре на пятачке лунного света показалась дюжина воинов. Они тащили огромный сундук, который опустили на землю в нескольких шагах от лежащего Булана, затем принялись копать землю мечами и парангами, пока не образовалась неглубокая яма. В нее они опустили сундук, забросав затем землей и замаскировав листьями и ветками, а лишнюю землю бросили в реку.

Когда все стало выглядеть, как прежде, один из воинов сделал на стволе росшего рядом дерева зарубки и отметины, после чего даяки молча поспешили назад.

Стоя на берегу реки после разговора с Вирджинией, фон Хорн заметил маленькую лодчонку, идущую вверх по течению. В ней он разглядел двоих туземцев, державшихся подозрительно тихо. Фон Хорн притаился в тени стоявшей на приколе большой боевой лодки.

Когда лодка подошла к причалу, один из гребцов подал тихий сигнал, и из жилища на сваях к берегу спустился туземец.

— Кто шляется здесь ночью? — спросил он. — Что надо?

— Мы только что получили весть о том, что Мюда Саффир жив, — ответили ему с лодки, — и что он остановился на ночь здесь. Это верно?

— Да, — ответил человек на берегу. — Что вам нужно от раджи Мюда Саффира?

— Мы из его отряда, у нас для него новость, — послышалось из лодки. — Скажи ему, что нам нужно срочно поговорить с ним.

Туземец ни слова не говоря вернулся в дом. Фон Хорну было интересно узнать, что за важную новость доставили Мюда Саффиру, и он остался стоять на месте, прячась за лодкой.

Вскоре старый малаец спустился к воде, держась очень настороженно, и окликнул людей в лодке. Когда те назвались, раджа, судя по всему, испытал облегчение.

— Нинака убил Барунду, — сообщили ему, — который вез сокровища раджи в его владения. Сокровище, которое Нинака похитил после того, как пытался убить раджу, и которое Барунда захватил обратно. Затем Нинака отправился через джунгли к реке, что ведет к Гунунг Тебору. За ним гонится дядя Барунды с горсткой воинов. Он-то и послал нас найти тебя, господин, и упросить взять с собой побольше воинов и с ними задержать Нинаку и наказать его.

Мюда Саффир на мгновение задумался.

— Спешите назад к дяде Барунды и передайте ему, что как только я

соберу воинов, я приду и накажу Нинаку. У меня здесь еще одно сокровище, которого я не хочу лишаться, но я могу устроить так, что! оно останется здесь до моего возвращения, а дядя Барунды может вернуться со мной на тот случай, если понадобится его помощь. Обязательно скажите дяде Барунды, чтобы он ни на минуту не упускал сокровище из виду.

И Мюда Саффир повернулся и торопливо зашагал назад.

Гребцы стали разворачивать лодку, а фон Хорн бросился бегом по идущей вдоль берега тропе, опережая их. Когда он решил, что отошел от жилища на порядочное расстояние, то окликнул гребцов. От удивления те перестали грести.

— Кто ты и что тебе нужно? — спросил один из них.

— Я тот, кому принадлежит сундук, — ответил фон Хорн. — Если вы приведете меня к дяде Барунды прежде, чем прибудет Мюда Саффир, я дам каждому из вас по прекрасному ружью и столько патронов, сколько должно хватить на год. Единственное, о чем я прошу — показать на расстоянии отряд, который преследует Нинаку, а потом я вас покину, и никто ни о чем не узнает. Что скажете на это?

Посоветовавшись шепотом, туземцы подошли ближе.

— Дашь ли ты нам по медному браслету, кроме ружей? — спросил уполномоченный.

Фон Хорн заколебался. Он хорошо знал натуру туземцев. Если согласиться, то последуют новые требования.

— Только ружья и патроны, — сказал он наконец. — А если не расскажете о моем прибытии дяде Барунды и Мюда Саффир, то получите и по браслету.

Лодка причалила к берегу.

— Залезай! — сказал один из воинов.

Фон Хорн забрался в лодку. Впереди лежал путь в самое сердце дикой страны охотников за черепами, где ему предстояло перехитрить коварного Мюда Саффира, а он имел при себе лишь пару кольтов. Его проводниками были два свирепых охотника за черепами из отряда грабителя, у которого он надеялся похитить сказочно богатое сокровище. Доктора можно было обвинить в каких угодно грехах, но только не в трусости.

Опрометчивость фон Хорна была вызвана надеждой на то, что, подкупив пару туземцев из окружения дяди Барунды, он завладеет сундуком прежде, чем за ним явится Мюда Саффир, либо же, если это не удастся, установить его точное местоположение и вернуться за ним с вооруженным отрядом. Он прекрасно знал, что рискует жизнью, но настолько велика была его алчность, что он решил заполучить сокровище

любой ценой.

Спустя три часа молчаливые даяки пристали к берегу, затащили лодку в кусты и двинулись по узкой тропе в джунгли. Случилось однако так, что через несколько миль они ненароком свернули не на ту тропу, по которой прошел отряд во главе с дядей Барунды, и в итоге, не подозревая об этом, миновали стоянку преследователей в полумиле от того места, где они остановились неподалеку от бивуака Нинаки.

Посреди ночи Нинака со своими людьми выскользнул из-под самого носа мстителей, забрав с собой сундук, а фон Хорн и двое даяков по чистой случайности вышли на основную тропу, ведущую вдоль берега, почти в том же месте, где Нинака остановился, чтобы закопать сокровища.

Таким образом, Булан оказался не единственным свидетелем захоронения сундука.

Когда Нинака убрался, Булан стал размышлять об увиденном странном действии. Он силился понять, с какой стати эти люди решили вдруг вырыть яму в лесной чаще и спрятать там сундук, который он так часто видел в лаборатории профессора Максона. И он постарался запомнить это место на тот случай, если когда-либо встретится с профессором и тот захочет вернуть себе сундук.

С этими мыслями он стал уже засыпать, как вдруг в кустах послышался шорох, и оттуда на лунный свет вылез фон Хорн. Булан опешил. В следующее мгновение рядом с доктором появились два даяка. Троица стояла, тихо переговариваясь и то и дело указывая пальцем на место, где был спрятан сундук. Булан почти ничего не понял из их разговора, за исключением того, что фон Хорн пытается склонить их к чему-то, от чего те отказываются.

Внезапно фон Хорн безо всякого предупреждения выхватил револьвер и выстрелил в упор сперва в одного, потом в другого. Даяки рухнули замертво, и едва до ноздрей Булана долетел едкий запах пороха, как белый человек исчез в джунглях.

Потерпев поражение в попытке склонить даяков на свою сторону, фон Хорн избрал единственный оставшийся способ утаить местонахождение сундука от дяди Барунды и Мюда Саффира, и теперь главной его целью было избежать возмездия со стороны охотников за черепами и вернуться в жилище на сваях прежде, чем его хватятся.

Там он соберет отряд туземцев и отправится за сундуком после того, как Мюда Саффир и дядя Барунды откажутся от поисков сокровища. Вряд ли его в чем-либо заподозрят, так как единственные люди, которые знали о

том, что он отлучался ночью, лежали мертвые на том месте, где было захоронено сокровище.

XIV

ЧЕЛОВЕК ИЛИ МОНСТР?

Вернувшись в дом, Мюда Саффир разбудил вождя проживающего там племени и потребовал, чтобы тот предоставил ему две боевые лодки с полным экипажем. А поскольку власть хитрого малайца простиралась от истока большой реки до ее низовья, то, хотя и не все племена признавали его, мало кто отважился бы отказать ему в людях и лодках, опасаясь возмездия.

Выслушав требования раджи, вождь, в душе ненавидевший и боявшийся Мюда Саффира, не посмел отказать ему, однако второе предложение он принял в штыки, пока раджа не пригрозил стереть с лица земли все его племя, если тот не согласится выполнить требование.

Идея, которую вождь отверг, пришла Мюда Саффиру в голову, когда он возвращался с реки, получив известие от прибывших даяков. Скоро он завладеет сокровищами и проучит изменника Нинаку. Вот бы еще заполучить девчонку! А почему бы и нет? Помешать ему могли только больной старик, китаец и фон Хорн, а они наверняка уже спят.

И раджа объяснил вождю план, внезапно зародившийся в его коварном мозгу.

— Трое людей с парангами запросто справятся со стариком, его помощником и китайцем, — сказал он, — и тогда девушка наша.

Поначалу вождь наотрез отказался участвовать в подобной аванюре. Он помнил, что случилось с даяками, уничтожившими группу англичан, и не желал, чтобы на него обрушился гнев белых людей, которые придут во множестве лодок, вооруженные винтовками, чтобы отомстить за каждую каплю пролитой крови.

Мюда Саффиру пришлось изворачиваться, представив дело так, будто девушка — собственность раджи, которую старик и доктор у него похитили. В конце концов вождь согласился ему помочь.

Вирджиния спала в комнате, где находились еще три женщины из даяков. Туда-то и отрядил вождь двоих воинов. Те бесшумно проникли в помещение, где царил крошечный мрак, и наткнулись на спящую туземку, которую тихо разбудили.

— Где белая девушка? — шепотом спросил один из них. — Мюда

Саффир прислал нас за нею. Скажи ей, что отцу стало плохо и он зовет ее, но не упоминай имени Мюда Саффира, а не то она откажется.

Шепот разбудил Вирджинию, и она стала гадать о причине полночной беседы, ибо один из голосов принадлежал мужчине, а когда она пошла спать, мужчин в комнате не было.

Затем к девушке кто-то приблизился и к ней обратился женский голос, но она не поняла, о чем говорят. Лишь потом она уловила повторяющиеся слова «отец», «больной», «пойдем», которые успела выучить за время вынужденного общения с туземцами.

Как только она связала эти слова воедино, она вскочила на ноги и последовала за женщиной к двери комнаты. Снаружи на веранде стояли двое воинов, поджидавших свою жертву, и когда Вирджиния ступила на порог, ее грубо схватили с обеих сторон, тяжелая ладонь зажала ей рот, и не успела она опомниться, как ее потащили в конец веранды, затем вниз по бревну на землю, и через миг она очутилась в боевой лодке, которую тут же столкнули на воду.

С тех пор как Вирджиния появилась в жилище на сваях, раджа Мюда Саффир старался не попадаться ей на глаза, понимая, что, увидев его, девушка узнает в нем человека, похитившего ее с «Итаки». И теперь Вирджиния испытала сильное потрясение, услышав ненавистный голос человека, которого она толкнула за борт два дня тому назад, и осознав, что похотливый малаец сидит рядом, и что она снова находится в его власти. Пощады она не ждала и не надеялась на легкий побег. С поникшей головой она сидела, погруженная в свои горькие думы и преисполненная отчаяния.

На всем пути, что они проделали в эту ночь, Вирджиния Максон не увидела ни одного живого существа, за исключением одинокой фигуры в маленькой лодчонке, жмущейся к берегу, чтобы пропустить две большие лодки, и не отозвавшейся на оклик.

Отряд Мюда Саффира высадился в том же месте, что и фон Хорн с двумя даяками, и углубился в джунгли. Быстро двигаясь по знакомой тропе к месту, указанному двумя вестовыми, они оказались там почти одновременно с людьми дяди Барунды, которые, встревоженные двумя выстрелами, прозвучавшими несколько часов тому назад, осторожно прочесывали джунгли в поисках объяснения этому обстоятельству.

Шли они украдкой, опасаясь Столкнуться с отрядом Нинаки до прибытия Мюда Саффира с подкреплением, и только что обнаружили неподвижные тела своих двух товарищей. Один из них был мертв, а второй еще дышал и успел прошептать подоспевшим соратникам, что их предательски застрелил белый помоложе, который был в жилище на сваях,

где они застали Мюда Саффира. Вымолвив это, он испустил дух, не успев раскрыть тайну зарытых сокровищ, на которых лежало его тело.

Булан с большим интересом наблюдал за всем, что происходило у него на глазах. Поначалу он хотел было выйти из своего укрытия и последовать за фон Хорном, но столько всего уже произошло под ветвями огромного дерева, под которым были закопаны сокровища, что он решил дождаться утра, поскольку не сомневался в том, что вокруг сундука начнут разворачиваться и другие драматические события. Его уверенность подкреплялась той спешкой, с которой Нинака и фон Хорн покинули это место, словно боясь, что их могут задержать в любую секунду.

Номер Три и Номер Двенадцать продолжали спать, их не разбудили даже выстрелы фон Хорна. Сам Булан также задремал после ухода доктора, но прибытие дяди Барунды со своими людьми пробудило его, и теперь он лежал, наблюдая широко открытыми глазами за появлением на поляне еще одного отряда во главе с Мюда Саффиром.

Его интерес к обеим группировкам был пассивным, пока он не увидел среди даяков блузку цвета хаки, короткую юбку и точеные ноги. В тот же миг он узнал в радже гнусного человека, который руководил похищением Вирджинии Максон с «Итаки».

Подобно большой кошке, Булан встал на четвереньки, все мускулы и нервы его напряглись. Перед ним стояло сто пятьдесят свирепых охотников за черепами с острова Борнео, вооруженных парангами, мечами и сумпитанами. За его спиной спали два безмозглых монстра — его единственная поддержка в борьбе со злыми силами, которые завладели его божеством.

Могучая рука Булана — крепко сжала рукоятку кнута. Он знал, что идет на верную смерть, поскольку никакие мускулы не смогут спасти его перед лицом вражеской орды, и ему остается лишь глядеть со стороны на то, как девушка идет к своей гибели. Но этого он не мог допустить.

Булан толкнул Номера Двенадцать.

— Тихо! — шепнул Булан. — За мной! Девушка здесь. Мы должны спасти ее. Мужчин нужно убить.

То же самое он сказал косматому страшному Номеру Три.

Монстры протерли глаза и встали на четвереньки. Булан бесшумно поднялся на ноги, и монстры тоже встали в полный рост, держась поближе к вожаку. Прячась в тени, троица подобралась к туземцам с тыла. Охранники девушки подошли к своим, чтобы обсудить предсмертное заявление погибшего воина, оставив Вирджинию в стороне от толпы.

На мгновение у Вирджинии Максон возникла неожиданная надежда

на спасение — между ней и джунглями никого не было. И хотя в мрачном лесу таились неизведанные опасности, разве не предпочтительна смерть в любом ее виде страшной участи, ожидающей ее в облике развратного пирата-малайца?

Она повернулась, делая шаг к свободе, но вдруг из темноты возникли три фигуры. Она увидела боевые головные уборы, мечи и боевые накидки, и сердце ее упало. То подоспели оставшие от отряда раджи, помешавшие ее плану. Какие они здоровенные, она никогда не видела туземцев таких габаритов. Они подошли к ней вплотную, и первый, нагибаясь, заговорил с ней. Вирджиния в испуге отшатнулась. Затем, к своему изумлению, она услышала английскую речь, произнесенную шепотом.

— Пошли отсюда, пока они не глядят, но только тихо.

Голос показался ей знакомым, но она затруднялась припомнить, когда и где слышала его, хотя сердце шепнуло, что это, возможно, молодой незнакомец из ее сновидений. Взяв девушку за руку, человек торопливо повел ее в джунгли, сопровождаемый двумя спутниками.

Едва они успели преодолеть половину расстояния, как один из охранников девушки заметил ее исчезновение. Он поднял тревогу, и через секунду чьи-то зоркие глаза заметили припустившую бегом четверку.

Охотники за черепами с дикими криками бросились в погоню. Булан подхватил Вирджинию на руки и помчался вперед, Номер Двенадцать и Номер Три следом за ним. На беглецов посыпался Дождь отравленных стрел из сумпитанов, но Мюда Саффир тут же запретил воинам пользоваться этим оружием, чтобы ненароком не убить девушку.

Отряд Булана устремился в джунгли, за ними по пятам с воем мчались разъяренные дикари. Один из них настиг Номера Три и тут же рухнул с переломанной шеей. Рядом с Номером Двенадцать просвистел паранг, но монстр уже научился обращаться с этим оружием и метким ударом рассек череп преследователя до самой грудины.

Так они сражались, заходя все дальше и дальше в темные лабиринты зарослей. Главный удар неприятеля приняли на себя монстры, так как Булан нес Вирджинию и бежал вперед с тем, чтобы обеспечить безопасность девушки.

В прорывавшемся сквозь листву лунном свете Вирджиния видела битву, которая велась из-за нее, а когда Номер Три обратился к ней лицом, ее передернуло от отвращения. Спустя миг она увидела жуткое лицо Номера Двенадцать. Вирджинию едва не вырвало от омерзения.

Неужели ее вызволили из лап малайца только ради того, чтобы она попала в руки к таким же бездушным и бессердечным тварям? Она

взглянула на лицо того, кто нес ее. Во мраке ночи она не сумела разглядеть его лицо и с содроганием подумала, что ее избавитель столь же чудовищен.

Неужели она попала в руки к страшному Номеру Тринадцать! Тому самому, кого сотворил отец в ходе своих безумных экспериментов, и кому предназначал ее, свою дочь.

Человек переместил девушку с тем, чтобы высвободить правую руку, так как дикари настигали Номера Двенадцать и Номера Три, и новая поза не позволила ей разглядеть его лицо, хотя лунные участки в лесу попадались все чаще.

Но зато она видела тех двоих, что бежали следом, и содрогалась при мысли о своей неминуемой участи. Если эта троица сумеет оторваться от даяков, то ее ожидает страшная судьба, но если ее схватят туземцы, то она попадет к ужасному малайцу, который уже дважды похищал ее.

Охотники за черепами уже настигали их. Обернувшись назад, девушка увидела, что Номера Три поразил в грудь дротик. В бешеной попытке вырвать из себя древко, монстр проковылял шагов десять, после чего рухнул на землю, и тут же на него набросились двое коричневых воинов с парангами. Секундой позже его жуткая голова закачалась в руке пританцовывающего от радости даяка.

Вскоре несший Вирджинию человек был вынужден обернуться лицом к неприятелю, чтобы встретить нападение. По головам и плечам даяков заплесала безжалостная плеть. Вкупе с геркулесовыми мускулами это было грозное оружие, и под его жестокими ударами полегло немало коричневых воинов.

Вирджиния видела, что существо, в Чьих руках она оказалась, имело нормальное, не деформированное тело, но даже в мыслях боялась представить себе его лицо. Сколько еще сумеет он продержаться вместе со своим чудовищным спутником, девушка не могла знать, да ей уже было все равно, кто окажется победителем.

Между тем местность стала более неровной и открытой. Спасаясь от преследователей, они оказались среди гряды холмов с поредевшими деревьями и скалистой почвой. Вскоре они очутились в узком каньоне, где Номер Двенадцать рухнул замертво, пораженный дюжиной парангов. И вновь над торжествующими победу дикарями высоко взметнулась окровавленная голова. Девушка пыталась угадать, сколько еще пройдет времени прежде, чем несущее ее существо добавит свою голову к мрачным трофеям охотников за черепами.

Пока туземцы отрезали голову Номеру Двенадцать, Булан оторвался от них на пятьдесят ярдов, а затем неожиданно врезался в сплошную стену,

вставшую на пути. Впереди дороги для него не было, — кошка и та не сумела бы преодолеть грозный барьер, — но справа он усмотрел крутую извилистую тропу, ведущую вверх. Вбежав по тропе, он оказался на краю скалистой стены.

Здесь он повернулся, готовый отразить нападение противника. Площадка, на которой он очутился, была удобным местом, где одиночка мог противостоять целой армии, и Булан мгновенно оценил ее достоинства. Он опустил девушку на выступ стены каньона, которая возвышалась над ними на значительном расстоянии и приготовился встретить толпу, карабкающуюся вверх.

Возле его ног лежала груда осыпавшихся обломков горной породы, и, когда над его ухом просвистел дротик, ему в голову пришла мысль использовать в качестве снарядов камни. Они были достаточно крупные, фунтов по двадцать-тридцать, а некоторые и по пятьдесят. Выбрав камень побольше, Булан размахнулся и швырнул его в лезущих наверх воинов, поломав им руки и ноги.

Булан обрушил на вопящих даяков целый град камней, и охваченные паникой дикари бросились назад. Отдышавшись, суеверные охотники за черепами стали шепотом говорить друг другу о том, что это был ужасный Булан и что он заманил их наверх с тем, чтобы напустить на них своих демонов и уничтожить.

Булан с улыбкой глядел вслед удирающим дикарям, затем с первым проблеском рассвета повернулся к девушке..

Увидев красивые черты лица вместо отталкивающей физиономии монстра, Вирджиния Максон охнула от радости и облегчения.

— Слава богу! — воскликнула она с жаром. — Слава Богу, что вы человек. А я-то думала, что попала к страшному бездушному монстру, Номеру Тринадцать.

Улыбка сползла с лица молодого человека. На лице его отобразилось выражение боли, отчаяния и горя. Девушка увидела эту перемену и удивилась, но разве могла она догадаться о том, какую тяжелую рану нанесли ее слова.

XV

СЛИШКОМ ПОЗДНО

Секунду они оба стояли молча. Булан мысленно переживал то унижение, которое ему предстоит испытать, когда девушка узнает о нем правду, а Вирджиния гадала о причине его печали и молчании.

Первой заговорила девушка.

— Вы меня спасли, — произнесла она. — Но кто вы?

Булан заколебался. За всю его короткую жизнь ему и в голову не приходило, что можно сказать неправду. Лгать он не умел. Если его спрашивают, значит надо отвечать как есть. Однако никогда прежде ему не доводилось слышать вопроса, от которого так много зависело. Он хотел было сделать горькое, унижительное признание, но, представив искаженное от ужаса и отвращения лицо девушки, передумал.

— Я Булан, — наконец тихо произнес он.

— Булан, — повторила девушка; — Булан. Но ведь это имя туземцев. Вы же либо англичанин, либо американец. Как ваше настоящее имя?

— Булан, — упрямо проговорил он.

Вирджиния Максон подумала, что у него, должно быть, имеется веская причина, из-за которой он не хочет говорить о себе. Сперва она решила, что он беглец, уклоняющийся от правосудия, совершивший ужасное преступление, который не осмеливается открыть свое настоящее имя даже в далеких джунглях Борнео, но, взглянув на его открытое, благородное лицо, отринула подобные мысли. Ее женская интуиция говорила, что перед ней человек с благородной натурой.

— Тогда позвольте мне поблагодарить вас, мистер Булан, — сказала она, — за ту услугу, которую вы оказали незнакомой беспомощной девушке.

Он улыбнулся.

— Называйте меня просто Булан, — сказал он. — «Мисс» и «мистер» в диких джунглях ни к чему, Вирджиния.

Услышав столь вольное обращение со своим именем, девушка покраснела, однако удивилась, что это ее не оскорбило.

— Откуда вам известно мое имя? — спросила она.

Булан понял, что, начни он объяснять, то окажется в затруднительном положении, а если станет изворачиваться, одна ложь потянет за собой, как

водится, другую, поэтому он решил предвосхитить последующие щекотливые вопросы, сочинив на ходу историю о себе.

— Я жил на острове недалеко от лагеря вашего отца, — сказал он, — и знал всех вас в лицо.

— Как долго вы прожили там? — спросила Вирджиния. — А мы считали, что остров необитаем.

— Всю свою жизнь, — искренне ответил Булан.

— Странно, — проговорила девушка. — Не могу понять... А монстры, как получилось, что они последовали за вами и выполняли ваши приказы?

Булан дотронулся до кнута, висевшего у него на боку.

— Фон Хорн научил их подчиняться вот этому, — сказал он.

— Он их бил? — в ужасе вскричала девушка.

— Это был единственный выход, — пояснил Булан. — Они же безмозглые, ничего не понимали, поскольку у них отсутствовало мышление.

Вирджиния содрогнулась.

— А где они сейчас, те, что уцелели? — поинтересовалась она.

— Они погибли, бедняги, — ответил он с печалью в голосе. — Обездоленные, уродливые, никого не любящие и никем не любимые монстры — они отдали жизнь за дочь человека, который создал их такими, какие они были.

— Что вы имеете в виду? — встревожилась девушка.

— То, что все они погибли, разыскивая вас и сражаясь с вашими врагами. Они были бездушными тварями, но они любили свою неказистую жизнь, которой пожертвовали ради вас, чей отец явился источником их страданий. Вы многим им обязаны, Вирджиния.

— Бедняжки, — пробормотала девушка. — Но, может, так оно и лучше. Не имея мозгов и души, они никогда не смогли бы обрести счастья. Мой отец причинил им страшное зло, но он этого не хотел. Его рассудок помутился от сделанного им удивительного открытия, и если он причинил им зло, то еще большее зло собирался причинить мне, своей дочери.

— Не понимаю, — сказал Булан.

— Он намеревался выдать меня замуж за одного из этих бездушных монстров, того, кого называют Номер Тринадцать. О, жутко вообразить, что это был бы за кошмар! Но теперь, когда все они мертвы, он не сможет этого сделать, даже если бы его рассудок снова омрачился.

— Почему вы их так ненавидите? — спросил Булан. — Потому что они страшны собой или потому, что у них нет души?

— Того и другого достаточно, чтобы ненавидеть их, — ответила

девушка, — но отсутствие души — самое главное. Можно закрыть глаза на физическое уродство, но нравственное уродство, которое изначально свойственно существу без души, навсегда лишает их общения с людьми.

— И вы полагаете, что, невзирая на их внешность, факт отсутствия у них души может стать очевидным? — спросил Булан.

— Я уверена в этом, — воскликнула девушка. — Я распознала бы это с первого взгляда.

Булан вымученно улыбнулся.

— А как вы определите, есть у кого душа или нет? — спросил он.

Девушка взметнула ресницы.

— Вы смеетесь надо мной, — бросила она.

— Ни в коем случае, — ответил он. — Мне просто любопытно узнать, как проявляет себя душа. Я видел убивающих друг друга, подобно зверям, людей. Видел человека, который жестоко обращался с теми, кто был в его власти, а они все имели души. Видел смерть одиннадцати бездушных монстров, которые погибли ради спасения дочери человека, причинившего им страшное зло — человека, у которого есть душа. Как же мне знать, по каким признакам определяется наличие души? Как же мне знать, есть ли у меня душа или нет?

Вирджиния улыбнулась.

— Вы отважны, честны, благородны. Этого достаточно, чтобы гарантировать у вас наличие души, хотя уже по одному вашему лицу видно, что вы принадлежите к высшему разряду человечества.

— Я надеюсь, что вы никогда не измените своего мнения обо мне, Вирджиния, — произнес Булан, зная, что ей предстоит тяжелый шок, а ему — безмерное горе, когда они явятся к ее отцу, и она узнает о нем правду.

То, что он не открыл ей истину, было простительно, так как впереди его ожидали одни страдания, когда она узнает, что он точно такой же, как и двенадцать погибших монстров. Их участи Булан мог только завидовать, если бы не возможность побыть с девушкой наедине прежде, чем она узнает правду.

Размышляя о будущем, он вдруг подумал, что если им не доведется встретиться с профессором Максоном и фон Хорном, то девушка так и не узнает о том, что он не человек. В этом случае он не потеряет ее, а будет всегда рядом с ней. Идея овладела им, а с нею и жгучий соблазн завести Вирджинию Максон далеко в джунгли, подальше от людских глаз. Почему бы и нет? Разве не он спас ее, тогда как остальные потерпели неудачу? Разве это не справедливо, что она должна принадлежать ему?

Какие у него были обязательства перед ее отцом или фон Хорном? Он

уже раз спас жизнь профессору Максону, а потому ничем не был ему обязан, и трижды спасал Вирджинию. Он будет с ней добр и ласков. Она станет в тысячу раз счастливей и защищенней с ним, чем с теми, кто так и не сумел оградить ее от бед.

Булан стоял молча, устремив взор вдаль на восходящее солнце, и девушка залюбовалась его волевым благородным лицом и прекрасной фигурой. Какие эмоции испытала бы она, если бы смогла прочесть его мысли?

Первой тишину прервала девушка.

— Вы сумеете найти дорогу к жилищу, где находится мой отец? — спросила она.

Застигнутый вопросом врасплох Булан не сразу понял, о чем его спрашивают, а когда понял, с сожалением осознал, что придется рассказать ей правду и скорее, чем он думал. Но как сказать ей о своем намерении? И тут ему пришла в голову мысль сперва прозондировать почву — возможно, — она не станет возражать его плану.

— Не терпится вернуться? — спросил он.

— Ну конечно, — ответила она. — Отец будет страшно переживать, пока не узнает, что я жива. Что за странный вопрос в самом деле.

Пока она ни о чем не догадывалась.

— А если мы не найдем обратной дороги? — продолжал Булан.

— О, не говорите так, — встревожилась девушка. — Это было бы ужасно. Я умру от горя, страха и одиночества в этих кошмарных джунглях. Но вы, конечно же, отыщете дорогу к реке. От берега до того места, где вы спасли меня от гнусного малайца, расстояние совсем небольшое.

Слова девушки привели Булана в уныние. Будущее представлялось ему теперь не таким радужным, раз она будет несчастной в той жизни, которую он задумал для них обоих. Он молча раздумывал. В его груди бушевали противоречивые чувства. Какие из них одержат верх — низменно-эгоистичные либо же благородные? Каким человеком он проявит себя?

При мысли о том, что он может потерять Вирджинию, желание быть с ней рядом стало необоримым. Вернуть ее отцу и фон Хорну означало бы лишиться ее — в этом не было сомнений, так как они не станут долго держать ее в неведении относительно его происхождения. И тогда, помимо того, что он Навсегда потеряет ее, ему придется вытерпеть безмерное унижение от ее презрения.

Перед ним стояла сложнейшая нравственная проблема, и, пытаясь решить ее для себя, Булан, который только начинал постигать азы

нравственности, постоянно возвращался к вопросу, имевшему для него жизненно важное значение — есть ли у него душа? Он понимал, что ответ на этот вопрос зависит в некоторой степени от его решения относительно судьбы Вирджинии Максон, поскольку, по его примитивной теории о душе, это невидимое нечто предполагало лишь добрые поступки. Злые же являются признаком маленькой никчемной душонки либо полного отсутствия оной.

То, что Вирджиния может лишь ненавидеть бездушное существо, он воспринимал само собой разумеющимся. Он желал ее уважения, и это обстоятельство помогло ему принять окончательное решение, решение, продиктованное истинным благородством его натуры — он хотел счастья Вирджинии Максон, чего бы это ему ни стоило.

Девушка пристально наблюдала за ним, пока он молчал, погруженный в раздумья. Она не знала, какая борьба происходит за его спокойной наружностью, но по затянувшейся паузе чувствовала, что решается ее судьба.

— Ну так что? — произнесла наконец она.

— Сперва мы должны поесть, — ответил он будничным голосом, словно и не отказался секундой ранее от своего счастья, — а потом отправимся на поиски вашего отца. Вы непременно встретитесь, Вирджиния, я ручаюсь в этом.

— Я не сомневалась в вас, — сказала она, — но как нам с отцом отблагодарить вас, просто не знаю, а вы?

— Знаю, — сказал Булан, и в его глазах внезапно вспыхнуло пламя, удержавшее Вирджинию Максон от дальнейших вопросов.

По правде говоря, она не знала, сердиться ли ей, опасаться или радоваться из-за того, что она прочитала в его взгляде, либо же устыдиться самой себе, так как она вдруг поняла, что за ее интересом к этому незнакомцу, возможно, кроется нечто большее, чем ей казалось до сих пор.

Охватившая их внезапная скованность исчезла, когда Булан жестом пригласил ее следовать за ним вниз по тропе в ущелье на поиски пищи. Там они уселись рядом на поваленном дереве возле ручья, подкрепляясь собранными Буланом фруктами. Они часто встречались глазами, и всякий раз девушка потупляла взор при виде нескрываемого обожания во взгляде мужчины.

В прошлом многие мужчины глядели на Вирджинию Максон с восхищением, но еще никогда такими чистыми, смелыми и искренними глазами. В них не было коварства и злого умысла, и для Вирджинии тем более было странно, что она не может выдержать их взгляда.

«Эти глаза выражают удивительно прекрасную душу», — подумала она. — «Рядом с их владельцем моей жизни и чести ничего не угрожает.»

А Булан подумал: «Я мечтаю только об одном — иметь душу, всегда жить рядом с любимой и оберегать ее.»

После завтрака они снова двинулись в поисках реки, которая, вдруг куда-то исчезла. Они все шли и шли, преодолевая препятствия и мелкие речушки, через которые Булан переносил девушку на руках, пока не наступил полдень, а реки все не было. Поскольку оба плохо ориентировались в джунглях, они не смогли установить ни местонахождения тропы, которой пришли, ни в какой стороне протекала река.

С наступлением вечера Вирджинию Максон охватило беспокойство: она была уверена в том, что они заблудились. Булан не делал вида, будто знает дорогу, а говорил лишь, что в конечном счете они непременно выйдут к реке. На деле же, если бы не явная тревога девушки, он с радостью воспринял бы тот факт, что они заблудились, однако ради нее честно старался найти реку.

Когда наконец наступила ночь, девушку охватил ужас, но она не выдавала своего состояния, так как понимала, что ее спутник не виноват в их затруднительном положении. Раздававшиеся в ночных джунглях странные, жуткие звуки наполнили ее самыми недобрыми предчувствиями, а когда сверху зарядил холодный морозящий дождь, она и вовсе поникла духом.

Булан на скорую руку соорудил для нее примитивное укрытие, затем заставил прилечь, снял с себя боевую накидку даяков и укрыл ее, однако прошло несколько часов, прежде чем усталость взяла свое, и девушка забылась беспокойным сном. Несколько раз ей в страхе казалось, что Булан бросил ее одну в джунглях, но когда она окликала его, он отзывался с другой стороны укрытия. Она подумала, что Булан соорудил для себя шалаш по соседству, но сама мысль, что он может уснуть, наполняла ее страхом, и все же она больше не стала окликать его, поскольку понимала, что он нуждается в отдыхе даже больше, чем она. Булан же всю ночь простоял возле своей возлюбленной, простоял почти обнаженный на ночной прохладе и под холодным дождем, оберегая ее от появления диких ночных посетителей — людей и зверей.

Следующие сутки, а потом и третьи, и четвертые оказались повторением первых. Булан из последних сил старался отогнать сон. По его покрасневшим глазам и изможденному лицу девушка догадалась, что он недосыпает, и пыталась заставить его отдохнуть как следует, но она не

предполагала, что он не спит уже четверо суток.

В конце концов природа не выдержала такого колоссального напряжения, могучую конституцию человека одолели-таки холод, сырость, а также нехватка сна и еды; всю пищу, которую он находил в последние два дня, он отдавал девушке со словами, что свою долю он уже съел.

Наутро пятого дня, когда Вирджиния проснулась, она обнаружила перед своим укрытием на мокрой земле Булана, который метался в горячечном бреду. При виде могучей фигуры, ставшей вдруг такой беспомощной и жалкой, девушка моментально позабыла про свои страхи, хотя и понимала, что лишилась защитника. Из слабой дрожащей дочери изнеженной цивилизации она в мгновение ока превратилась в львицу, выхаживающую и оберегающую своего больного супруга. Эта аналогия не пришла ей в голову, но пришло нечто другое, когда она увидела, что его бьет в жестоком приступе лихорадки, и при виде его полнейшей беспомощности она нагнулась и поцеловала его сперва в лоб, а потом в губы.

— Твоя любовь была такая благородная и самоотверженная, — прошептала она. — Ты даже пытался скрыть ее, чтобы не осложнять моего и без того трудного положения, и теперь, когда, быть может, слишком поздно, я вдруг поняла, что люблю тебя, что любила всегда. О, Булан, мой Булан, что за жестокая судьба свела нас лишь с тем, чтобы мы умерли вместе!

XVI

СИНГ ЗАГОВОРИЛ

Всю неделю профессор Максон с фон Хорном и Сингом разыскивали Вирджинию. Туземцы не рискнули помочь им, так как боялись мести Мюда Саффира, если тот вдруг прознает, что они вывели белых на его след.

Когда они прочесывали джунгли вверх и вниз по реке, за ними, держась поодаль, неотвязно следовала горстка людей из племени убитых фон Хорном двоих даяков. Дикари выжидали благоприятный момент для того, чтобы отомстить им и заполучить головы преследуемой троицы. На открытое нападение они не отваживались, опасаясь огнестрельного оружия белых, и не ослабляли бдительности по ночам. Так проходили дни, в течение которых белые продолжали вести тщетные поиски, не подозревая о присутствии безжалостного неприятеля, упрямо идущего за ними по пятам.

Фон Хорн неустанно пытался найти среди дружественных туземцев тех, кто помог бы ему с сундуком, но до сих пор ни один из них не согласился, невзирая на щедрые посулы доктора поделиться большей долей добычи. В поисках Вирджинии Максон он участвовал только из-за сокровища и старался держаться той местности, где оно было захоронено, поскольку боялся, что его опередит Нинака и оставит с носом.

За эту неделю они трижды возвращались в жилище на сваях, где проводили ночь, надеясь всякий раз, что туземцы получили известие о той, которую они разыскивали, по своим удивительным каналам связи, бесперебойно действующим в непроходимых джунглях и вдоль необжитых затерянных рек. -

Двое суток пролежал Булан, метаясь в лихорадочном бреду, и все это время хрупкая девушка, непривыкшая к трудностям, выхаживала его с нежностью и заботой, с какой молодая мать выхаживает своего первенца.

Большей частью из уст гиганта вырывался бессвязный бред, в котором время от времени мелькало имя Вирджинии в сочетании, со словами благоговения и обожания. В горячке он вновь участвовал в недавних сражениях, вновь проводил долгие ночные дежурства возле спящей девушки, покорившей его сердце. Тогда-то и узнала Вирджиния истину о его самоотверженной преданности. Но больше всего ее удивило

постоянное упоминание какого-то номера и имени — «Присцилла», «999».

Она никак не могла взять в толк, что это означает, и среди произносимых им слов не было такого, которое дало бы ей ключ к разгадке, а потом эта фраза из-за постоянного повторения сделалась столь привычной, что она перестала обращать на нее внимание.

Девушка уже отказалась от надежды, что Булан вообще поправится, настолько он ослаб от болезни и голода, и, когда лихорадка наконец прошла, она была уверена, что это начало конца. Наутро седьмого дня с тех пор, как они плутали в поисках реки, девушка вдруг увидела, что Булан открыл глаза и глядит на нее с выражением узнавания.

Тогда она ласково взяла его за руку, на что он ответил слабой-слабой улыбкой.

— Тебе уже лучше, Булан, — сказала она. — Ты был тяжело болен, но скоро поправишься.

Она не верила тому, что говорит, но прозвучавшие слова всколыхнули в ней угасшую надежду.

— Да, — ответил тот. — Скоро я выздоровею. И долго я пробыл в таком состоянии?

— Два дня, — ответила она.

— И вы не отходили от меня все эти два дня? Не бросили? — недоверчиво спросил он.

— Пусть даже мне пришлось просидеть с вами всю жизнь, — тихо сказала она, — это вряд ли возместило бы мой долг благодарности.

Он ответил долгим взглядом, страстным и печальным.

— Как бы я хотел, чтобы это продлилось всю жизнь, — проговорил он.

Поначалу она не совсем поняла, что он имеет в виду, а когда увидела усталое и безнадежное выражение его глаз, тут же догадалась.

— О, Булан! — воскликнула она. — Не смейте и думать об этом. Почему вы хотите умереть?

— Потому что я люблю вас, Вирджиния, — ответил он. — И потому, что когда вы узнаете обо мне правду, то станете меня ненавидеть и презирать.

С уст девушки готово было сорваться признание в любви, но когда она нагнулась, чтобы прошептать слова ему на ухо, в джунглях раздался треск веток и топот ног. Посмотрев в ту сторону, откуда приближалась опасность, она увидела фон Хорна, а следом за ним своего отца и Синга Ли.

Булан тоже увидел их и, шатаясь, поднялся на ноги, тогда как

Вирджиния побежала к отцу. Первым молодого гиганта заметил фон Хорн и, изрыгнув проклятие, подскочил к нему, выхватывая револьвер.

— Ты, скотина, — крикнул он. — Наконец мы тебя поймали.

При этих словах Вирджиния повернулась к Булану и вскрикнула от испуга. Профессор Максон стоял позади нее.

— Пристрелите монстра, фон Хорн, — приказал он. — Не дайте ему убежать.

Булан выпрямился в полный рост и, хотя его качало от слабости, с величественным видом богатыря посмотрел сверху вниз на человека со злым лицом.

— Стреляйте! — сказал он спокойно. — Смерть не заставит себя долго ждать.

В тот же миг фон Хорн нажал на курок.

Голова гиганта запрокинулась назад, он покачнулся, сделал несколько шагов и рухнул на землю. Подбежавшая в ту же секунду девушка обняла его.

Фон Хорн оттолкнул Вирджинию в сторону, приставил дуло револьвера к виску Булана, но не успел нажать вторично на спуск, как на фон Хорна с лету обрушился китаец, отшвырнул в сторону на дюжину футов и выхватил у него оружие.

Вирджиния с рыданием и стонами упала на тело человека, которого любила. Профессор Максон подбежал к ней, стремясь оттащить ее от бездушной вещи, монстра, которому некогда собирался отдать дочь.

Девушка тигрицей обрушилась на обоих белых.

— Вы убийцы! — закричала она. — Трусливые убийцы. Вы убили больного беззащитного человека, самого благородного из тех, которых когда-либо сотворил Господь.

— Ну-ну, успокойся, — сказал профессор Максон. — Полно, детка, ты не знаешь, о чем говоришь. Это не человек, а монстр, бездушный монстр.

Услышав это, девушка метнула на отца быстрый взгляд, и слабая догадка поразила ее, будто ее ударили по лицу.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила она шепотом. — Кто он?

Ей ответил фон Хорн.

— Не Господь сотворил это, — сказал он, с презрением глядя на неподвижно лежащее возле его ног тело. — Он был одним из тех, кого сотворили безумные эксперименты вашего отца — бездушный предмет, в чьи объятия едва не толкнула вас его сумасбродная навязчивая идея. То, что лежит подле ваших ног, был Номером Тринадцать.

Жалобно всхлипнув, девушка шагнула к телу молодого гиганта,

покачнулась, затем, к ужасу своего отца, опустилась на колени рядом с ним и, приподняв руками его голову, принялась осыпать лицо поцелуями.

— Вирджиния! — закричал профессор. — Ты что, с ума сошла, дитя мое?

— Еще не сошла, — простонала она, — пока еще нет. Я люблю его. Мне все равно, человек он или монстр, ибо я полюбила его.

Ее отец отвернулся, закрывая лицо руками.

— Боже! — пробормотал он. — Какое страшное наказание ниспослал ты мне за совершенный мною грех.

Последовавшую тишину нарушил Синг, который встал на колени напротив Вирджинии по другую сторону Булана и принялся нащупывать у гиганта пульс, а затем приложил ухо к его груди.

— Не плачь, Вини, — сказал добрый старый китаец. — Он не умер.

Затем Синг всыпал Булану в рот щепотку коричневого порошка, который хранил в крошечном мешочке в недрах рукава, и добавил:

— Он не монстр, Вини. Он белый человек, как и Максон. Синг знает.

Девушка посмотрела на него с благодарностью.

— Он не умер, Синг? Он будет жить? — воскликнула она. — Все остальное мне безразлично, Синг, только сделай так, чтобы он остался жить.

— Он жить. Мало-мало рана. Больше нисего.

— Что ты имел в виду, когда сказал, что он не монстр? — требовательно спросил фон Хорн.

— Твоя немного ждать, негодяй, — взорвался Синг. — Я все рассказать, все-все. Твоя подождать, пока я заниматься с ним, а потом, видит Бог, я заниматься с тобой.

Фон Хорн с потемневшим от ярости лицом угрожающе шагнул в сторону китаецца, но тут вмешался профессор Максон.

— Дело и так уже зашло далеко, доктор фон Хорн, — сказал он. — Возможно, мы поторопились. Я, разумеется, не знаю, что имеет в виду Синг, но собираюсь выяснить. Он служит нам верой и правдой и заслуживает всяческого уважения.

Фон Хорн с хмурым видом отступил. Синг влил немного воды в рот Булану и попросил у профессора Максона флажку с бренди. С первыми каплями огненной жидкости веки гиганта дрогнули, и спустя миг он открыл глаза и огляделся по сторонам.

Первое, что он увидел, было лицо Вирджинии. Оно выражало любовь и сострадание.

— Тебе еще не рассказали? — спросил он.

— Рассказали, — ответила она, — но это ничего не меняет. Ты дал мне право сказать это, Булан, и сейчас я снова скажу это перед всеми — я люблю тебя, и это все. Остальное неважно.

На миг его лицо засветилось от счастья и тут же померкло.

— Нет, Вирджиния, — печально произнес он, — это было бы нечестно. Это было бы подло. Я не человек, а всего лишь бездушный монстр. Такой, как я, тебе не пара. Возвращайся к отцу. Скоро ты меня забудешь.

— Никогда, Булан! — решительно воскликнула девушка.

Булан принялся было ее разубеждать, но вмешался Синг.

— Твоя лежать спокойно, Булан, — сказал он. — Синг рассказать все. Твоя не монстр. Максон тебя не делать. Синг находить тебя в лодке у острова. Твоя ничего не помнить. Ничего не знать. Не знать имя, не знать откуда пришел. Совсем не говорить. Тогда Синг приводить тебя к себе. Спрятать, пока все спать. Потом тихо-тихо отводить тебя в лабораторию. Опрокинуть контейнер. Оставлять тебя. Утром Максон крик-гам. Танцевать от счастья. Ух ты! Номер Тринадцать появиться мало-мало рано, но все в порядке. Высокий, красивый. Здорово! Твоя намного лучше для Вини, чем этот злодей, — заключил он, оборачиваясь к фон Хорну.

— Ты лжешь, желтый дьявол, — возмутился фон Хорн.

Китаец обратил на доктора недобрый взгляд пронизательных раскосых глаз.

— Синг лжет? — прошипел он. — А если моя спросить, зачем твоя заставлять Будудрина украсть сокровище. Но приходить раджа Саффир и все испортить, когда твоя хотел заманить Вини на «Итаку». Синг знает. Потом твоя говорить Номеру Тринадцать украсть Вини. Твоя лгать тогда и твоя знал, что лгать. Потом твоя опять лгать, когда Номер Тринадцать спасти Вини от орангутангов — твоя говорить, твоя спасти Вини. Потом твоя говорить тихо-тихо с раджа Саффир. Синг все-все слышать, всегда. Твоя хотела отобрать сокровище от даяков для себя. Потом...

— Хватит! — заорал фон Хорн. — Хватит! Пока я не всадил в тебя пулю, желтая лживая пронира.

— А теперь оба тихо, — властно произнес профессор Максон. — Здесь прозвучали обвинения, которые нельзя оставить без внимания. Ты можешь все это доказать, Синг? — спросил он, поворачиваясь к китайцу.

— Моя много доказать у ласкара Будудрина. Будудрин рассказать ему все про Хорна. Моя доказать еще у вождя даяков в доме у реки. Он знает много-много. Раджа Саффир рассказать ему. Все это правда, Максон.

— А то, что ты рассказал про этого человека, тоже правда? Что он не

из тех, которые появились на свет в лаборатории?

— Да, Максон. Твоя не делать красавец Булан, и твоя это знает, Максон. Твоя делать Один, Два, Три — до Двенадцать. Все уроды. Твоя должна знать, Максон, что твоя не уметь делать Булан.

В ходе этих откровений Булан не сводил с китайца глаз. На его бледном окровавленном лице застыло недоуменное выражение. Казалось, будто он пытается извлечь из недр сознания смутные мучительные воспоминания — ключ к странной загадке, скрывающей тайну его происхождения — но каждая попытка оканчивалась ничем.

Рядом с ним на коленях стояла девушка, ее маленькая ладонь покоилась в его руке. Лицо девушки светилось от счастья и надежды. Оторвав подол юбки, она стала перевязывать кровавую рану на виске Булана, которого пуля лишь оцарапала. Стоявший рядом профессор Максон наблюдал за ловкими, ласковыми движениями ее сильных загорелых рук.

Откровения последних минут потрясли профессора до глубины души. Для него было трудно, почти невозможно поверить в то, что Синг сказал правду, и этот человек, как оказалось, не творение его ума и рук. В то же время он молил Бога, чтобы это оказалось правдой, ибо видел, что его дочь любит этого человека любовью, которая не знает преград, не признает придуманных человеком законов и презирает общественные предрассудки.

Выдвинутые китайцем против фон Хорна обвинения стали дополнительным ударом для профессора Максона, однако хлынувший на него поток воспоминаний подтвердил справедливость прозвучавшего разоблачения. Он вспомнил сотню случайных, на первый взгляд, эпизодов и разговоров со своим помощником, которые прямо указывали на измену и вероломство этого человека. Он удивлялся тому, что был слепцом и не догадывался о намерениях коллеги.

Наконец Вирджиния сумела наложить грубую повязку и остановить кровотечение. Булан поднялся, пошатываясь, на ноги. С одной стороны его поддерживала девушка, с другой — китаец. К ним приблизился профессор Максон.

— Я не знаю, как отнестись ко всему тому, что поведал нам Синг, — сказал он. — Если вы не Номер Тринадцать, то кто же тогда? Откуда вы появились? Все так странно. Невероятно! Однако, если вы объясните мне, кто вы такой, я буду рад — э... склониться к тому — э... — чтобы позволить вам ухаживать за своей дочерью.

— Я не знаю, кто я, — ответил Булан. — Я всегда считал, что я Номер Тринадцать, пока не заговорил Синг. Сейчас я как будто смутно

припоминаю, что долгие дни меня носило по морю, а насчет остального у меня полный провал в памяти. Я не собираюсь навязывать Вирджинии свои чувства, пока не выяснится, кто я, и что мне не стоит стыдиться своего прошлого — до тех пор я не стану с ней видеться.

— Ты не сделаешь ничего подобного, — воскликнула девушка. — Ты любишь меня, а я тебя. Мой отец собирался заставить меня выйти за тебя замуж, полагая, что ты бездушное существо. Теперь же, когда ясно, что ты человек и джентльмен, он заколебался, но я — нет. Как я уже говорила, мне все равно, кто ты. Ты сказал мне, что любишь меня. Ты продемонстрировал любовь высокую, благородную, самоотверженную. А больше я ничего не хочу знать. Я бы согласилась быть женой Булана, если Булан согласен взять в жены дочь человека, который причинил ему такое зло.

Булан обнял девушку за плечи и притянул к себе в ответ на ее признание. Вторую руку он протянул профессору Максону.

— Профессор, — сказал Булан, — учитывая то, что поведал нам Синг, а также то, что я ничего не имею общего с несчастными созданиями, разве не логично предположить, что я не из их числа? Настанет день, когда я вспомню свое прошлое, но до той поры, пока время не докажет, чего я стою, я не стану просить руки Вирджинии, и она должна согласиться с этим решением, ибо истина может открыть непреодолимое препятствие на пути к нашему браку. Тем временем останемся друзьями, профессор, поскольку нами обоими движет одно желание — благополучие и счастье вашей дочери.

Профессор шагнул вперед и взял Булана за руку. С его лица исчезло выражение сомнения и тревоги.

— Не могу не поверить тому, что вы джентльмен, — сказал он. — И если в своем стремлении защитить Вирджинию я ненароком задел вас своими словами, прошу меня извинить.

В ответ Булан пожал ему руку.

— А теперь, — сказал профессор, — вернемся назад, в жилище туземцев. Мне нужно поговорить с вами с глазу на глаз, фон Хорн.

Обернувшись к своему помощнику, он обнаружил, что тот исчез.

— Где доктор фон Хорн? — воскликнул ученый, обращаясь к Сингу.

— Хорн давно удирать, — ответил китаец. — Все что нужно, он услышал.

Маленький отряд медленно двинулся по тропе, и меньше чем через милю, к нескончаемому удивлению Вирджинии, они вышли к реке и жилищу туземцев, которые они тщетно искали.

— Подумать только, — воскликнула она, — что все эти страшные дни мы находились почти рядом с вами. Что за странная прихоть судьбы прислала вас к нам сегодня?

— Мы уже стали отчаиваться, — ответил отец, — но тут Синг предложил мне пересечь горы, разделяющие эту долину и ту, что лежит на северо-востоке, где мы встретим другие племена и узнаем у них о вашем местонахождении в случае, если твои похитители отвели тебя назад к морю другой дорогой. Это казалось вероятным, поскольку враги Мюда Саффира заверили нас в том, что тебя с ним нет и что река, которую мы разыскивали, быстро выведет твоих похитителей из владений этого мошенника малайца. Можешь представить, каково было мое удивление, Вирджиния, когда, не пройдя и мили, мы обнаружили тебя.

Как только они поднялись на веранду туземного жилища, профессор Максон стал расспрашивать о фон Хорне. Оказалось, что тот отправился вверх по течению с кое-кем из воинов, которых нанял сопровождать его «на охоте», предварительно сказав, что девушка нашлась и что скоро будет у них.

Вождь также сказал, что сделал все возможное, чтобы отговорить белого от столь опрометчивого поступка, поскольку тот направился прямо на территорию племени тех двоих, которых он убил, а потому практически не имел шансов вернуться назад живым.

Пока они обсуждали поведение фон Хорна и пытались разгадать его намерения, на веранде раздался удивленный крик туземца, указывающего вниз по течению. Посмотрев туда, они увидели элегантную белую парусную яхту, вывернувшую из-за поворота. На веслах сидели американские матросы в белом, а на корме стояли два офицера в форме Военно-морского флота Соединенных Штатов.

XVII

ПРИСЦИЛЛА, 999

Когда яхта коснулась берега, навстречу ей высыпали все обитатели жилища на сваях, белые и туземцы. Сперва офицеры держались настороженно, опасаясь враждебных выступлений, но когда разглядели в толпе белых, дали команду причаливать, и через миг один из офицеров ступил на берег.

— Лейтенант Мей, — представился он, — «Нью-Мексико», Соединенные Штаты, Тихоокеанский флот. Я имею честь говорить с профессором Максоном? — спросил он, откинув руку от козырька.

Ученый кивнул.

— Я польщен.

Лейтенант вытянулся в струнку.

— Мы побывали на вашем острове, профессор, — продолжал офицер, — и, судя по следам поспешного бегства и трупам туземцев, я испугался, что с вами случилась беда. Поэтому мы прошлись вдоль берега Борнео, расспрашивая туземцев, пока не встретили одного, который слышал о белых, разыскивающих в глубине острова белую девушку, похищенную пиратами. Чем выше по реке, тем сильнее мы убеждались в том, что находимся на верном пути, ибо все туземцы, которых мы расспрашивали, либо видели, либо слышали о вашем отряде. Помимо сведений о вас, нам довелось услышать странные истории о жутких монстрах, возглавляемых белым человеком.

— Все это фантазии ребяческих умов, — сказал профессор. — Однако, мой дорогой лейтенант, чем обязан чести вашего визита на мой остров?

Офицер на мгновение замешкался, обегая глазами собравшихся, словно кого-то искал.

— Что ж, профессор Максон, если быть совершенно откровенным, — сказал он наконец, — то в Сингапуре нам стал известен состав вашей экспедиции, куда вошел бывший морской офицер, которого мы разыскиваем уже много лет. Мы прибыли на ваш остров, чтобы арестовать этого человека, я имею в виду доктора Карла фон Хорна.

Когда лейтенант узнал о недавнем исчезновении разыскиваемого им человека, он выразил решимость тут же отправиться за ним в погоню, а так как профессор Максон побоялся остаться без защиты в сердце дикого

Борнео, то весь отряд был взят на борт шхуны.

Через несколько миль вверх по течению они натолкнулись на одного из даяков, который сопровождал фон Хорна несколькими часами ранее. Воин сидел, покуривая, возле боевой лодки на берегу. Когда ему стали задавать вопросы, он объяснил, что фон Хорн и остальные члены экипажа отправились вглубь, оставив его охранять лодку. Он вызвался проводить их к тому месту, куда направился белый.

Профессор Максон и Синг последовали с одним из офицеров и дюжиной даяков за проводником-туземцем. Вирджиния и Булан остались на яхте, поскольку последний был слишком слаб для утомительного похода в джунгли. В течение часа преследователи шли по следам фон Хорна и его диких спутников. Они едва не достигли означенного места, как вдруг до них донеслись жуткие крики туземных воинов, от которых в жилах стыла кровь, а в следующую секунду увидели проводников фон Хорна, спасающихся бегством.

При виде белых они остановились с чувством явного облегчения и стали показывать в обратную сторону, что-то взволнованно лопоча на своем языке. Отряд белых осторожно двинулся следом за добровольными проводниками, но, когда они вышли к искомому месту, источник паники даяков улетучился, будучи предупрежден натренированным слухом о приближении неприятеля.

Представшее взорам искателей зрелище поведало им обо всем, что требовалось знать. В земле зияла выкопанная яма, в которой виднелся тяжелый сундук, а на нем лежало обезглавленное тело доктора Карла фон Хорна.

Лейтенант Мей повернулся к профессору Максону с вопрошающим взглядом.

— Это он, — сказал ученый.

— А сундук? — поинтересовался офицер.

— Сокровища Максона, — выпалил Синг Ли. — Хорн долго-долго пытаться украсть его.

— Сокровища! — воскликнул профессор. — За него отдал жизнь Будудрин! За него сражался, строил козни и убивал раджа Мюда Саффир! Бедный фон Хорн, введенный в заблуждение, погиб из-за него, а голова его станет красоваться над жилищем даяков! Невероятно!

— Но, профессор Максон, — сказал лейтенант Мей, — люди и не на такое идут ради золота.

— Золота?! — вскричал профессор. — Но там же не золото, а книги по биологии и евгенике!

— Боже мой! — воскликнул Мей. — А ведь фон Хорн считался одним из самых отъявленных мошенников и авантюристов Америки! Однако нам пора на яхту, мои люди принесут сундук.

— Нет! — выкрикнул профессор Максон с горячностью, озадачившей собеседника. — Пусть его закопают. Он и его содержимое причинили достаточно горя, страданий и смертей. Пусть он останется в дебрях дикого Борнео, и молитесь Богу, чтобы никто его не нашел и чтобы я навсегда забыл о том, что в нем лежит.

Наутро третьего дня после смерти фон Хорна «Нью-Мексико» отчалила от берега Борнео. На борту, глядя на удаляющиеся зеленые холмы, стояли Вирджиния и Булан.

— Слава Богу, — с пылом воскликнула девушка, — что мы никогда сюда не вернемся!

— Аминь, — отозвался Булан, — и все же, если бы не Борнео, я никогда не встретил бы тебя.

— Тогда мы встретились бы в ином месте, Булан, — тихо проговорила девушка, — ведь мы созданы друг для друга. Ничто на свете не смогло бы помешать нашей встрече. Ты нашел бы меня и в своем истинном обличи, я в этом уверена.

— Как это мучительно, Вирджиния, — сказал он, — постоянно напрягать свою память в тщетной попытке ухватиться за какую-либо зацепку, проясняющую мое прошлое. Милая, ты пойми, а вдруг я окажусь уклоняющимся от правосудия, как фон Хорн, либо же злостным преступником. Это ужасно, Вирджиния, размышлять о страшных последствиях моего потерянного прошлого.

— Нет, Булан, ты не мог быть преступником, — искренне ответила девушка, — но одно постоянно мучает меня. Страшно даже подумать, а вдруг, — девушка понизила голос, словно боясь произнести то, чего она больше всего опасалась, — а вдруг ты любил другую и... и... и даже был женат.

Булан готов был посмеяться над подобными страхами, но вдруг осознал всю серьезность и важность такой вероятности, как и Вирджиния. Он понял, что нельзя исключать того, что он уже женат, как и то, что только что признала девушка — они не смогут пожениться прежде, чем рассеется тайна, окутывающая его прошлое.

— Мои опасения имеют некоторое основание, — продолжала Вирджиния, — о чем я почти забыла в суете и волнении событий последних двух дней. Когда ты находился в бреду, то говорил бессвязные фразы, но постоянно повторял одно имя — имя женщины, а также какой-то

номер. Ты говорил «Присцилла», «999». Может, она и...

Но Вирджинии не дали договорить. С радостным криком Булан заключил ее в объятия.

— Все прекрасно, дорогая! — вскричал он. — Все прекрасно! Я все вспомнил. Ты сама подсказала разгадку. Присцилла, 999 — это адрес моего отца, дом № 999 на Присцилла-авеню. Я — Таунсенд Дж. Харпер-младший. Ты наверняка слыхала о нем. Его все знают с тех пор, как он стал объединять внутригородские компании общественного транспорта. И я не женат, Вирджиния, и никогда не был женат, но зато буду, если эта жалкая развалюха когда-нибудь достигнет Сингапура.

— О, Булан! — воскликнула девушка. — Но как же ты оказался на нашем ужасном острове?

— Я приехал за тобой, родная, — ответил он. — Это долгая история. После ужина расскажу тебе все, что сумею вспомнить. Пока же достаточно того, чтобы ты знала, что я проследовал за тобой с железнодорожной станции в Итаке вокруг половины земного шара, движимый любовью, вспыхнувшей при одном виде твоего милого личика, когда ты подходила к вагону. На яхте отца я добрался «до вашего острова, выследив вас в Сингапуре. Это было долгое, утомительное путешествие, и мы часто шли по неверному следу, но наконец достигли острова, на котором туземцы сообщили нам, где высадилась группа, отвечающая вашему описанию. Пятеро из нас отправились на поиски на лодке, а больше я не помню ничего. Синг сказал, что обнаружил меня одного, „живой труп“.

Вирджиния вздохнула, прижимаясь к нему ближе.

— Возможно, ты сын знаменитого Таунсенда Дж. Харпера, но для меня всегда будешь Буланом, ибо полюбила я именно Булана.